

жан лапланш

Жизнь и смерть в психоанализе

Издание осуществлено в рамках программы "Пушкин" при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции и Посольства Франции в России.

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication Pouchkine avec le soutien du Ministère des Affaires Etrangères français et de l'Ambassade de France en Russie.

Jean Laplanche

Vie et mort en psychanalyse

жан лапланш

Жизнь и смерть в психоанализе

Перевод с французского
В.Ю. Быстрова

Санкт-Петербург
"Владимир Даль"
2011

УДК 159.922.1
ББК 88.37

Л 24

ISBN 978-5-93615-095-1
ISBN 2-08-080016-7 (фр.)

НА ПОРОГЕ НОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Жан Лапланш (1924) уже давно признан как ведущий французский мыслитель и психоаналитик. Его исследование раннего творчества З. Фрейда позволило выявить темпоральную структуру травмы и ее фундаментальное значение для понимания сексуальности человека, а вместе с ней и самого человека. Трансформация фрейдовской теории соблазнения, от которой сам Фрейд довольно скоро отказывается, в т. н. *«общую теорию соблазнения»* Лапланшем, в которой речь идет о самих истоках психики человека, делает его одним из ведущих авторитетов в области антропогенеза, психоаналитической антропологии.

Однако русскоязычными читателями имя Жана Лапланша, возможно, воспринимается как имя представителя из второго эшелона европейских теоретиков психоанализа, что связано с вышедшим еще в 1996 г. на русском языке

фундаментальным «Словарем по психоанализу», ставшим сегодня библиографической редкостью[1]. Этот труд, созданный Ж. Лапланшем совместно с Ж.-Б. Понталисом еще в 1967 г., отличается той систематичностью в анализе основных понятий психоанализа, используемых в нем языковых выражений, прежде всего З. Фрейда, тщательность и скрупулезность которого, по самому существу дела, не может, казалось бы, вывести своего автора за рамки мышления, имеющего вторичный характер. Возможно, что и англоязычному сообществу психоаналитиков Ж. Лапланш известен лучше всего благодаря именно этой работе, вышедшей на английском языке под названием «Язык психоанализа», позднее дополненной переводом на английский, и ставшими классическими работами «Жизнь и смерть в психоанализе» и «Новые основания психоанализа».

---

[1] *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с франц. Н. С. Автономовой. М.: Высш.шк., 1996.

Перевод, выполненный Н. С. Автономовой, является одним из наиболее авторитетных переводов терминологии и языковых выражений, используемых З. Фрейдом и рядом его последователей в области психоанализа. Именно его используют переводчик и научный редактор работы Лапланша «Жизнь и смерть в психоанализе», предлагаемый русскоязычному читателю.

Систематизация чужого мышления, даже если это мышление основателя психоанализа З. Фрейда, может на первый взгляд показаться не самым замечательным призванием для мыслителя, претендующего на самостоятельность и значение. Но именно здесь, в области мышления, открывающего горизонты понимания человека, не исчерпанные и по настоящее время, и происходит нечто такое, что каким-то образом делает возможным философию, науку, искусство, образование.

Читая, размышляя, возвращаясь вновь и вновь к мышлению, объективированному в авторском тексте произведений Фрейда, мы совершаем усилие, которое каким-то образом делает возможным мышление собственное. И это происходит благодаря тому типу *анализа* произведения, когда психоанализ позволяет выявить *образ мышления* автора, имплицитно присутствующий в том, что им эксплицитно утверждается текстом произведения, назовем ли мы эту составляющую творчества контекстом, дискурсом, имплицитным содержанием, или — *бессознательным.*

Лапланш и Лакан. Ж. Лапланш начинал свое университетское образование в 40-х гг. в Высшей Нормальной школе прошлого века с изучения философии, и его учителями были Жан

Ипполит, Гастон Башляр и Морис Мерло-Понти.

Гораздо позднее, отвечая на вопрос, как он пришел к психоанализу, что побудило его стать психоаналитиком, Лапланш рассказывал:

«Это длинная история. В 40-х годах я изучал философию, а психоанализ не был известен так же хорошо, как сейчас. Он был чем-то новым и революционным. Но два моих профессора испытывали интерес к нему. Один, Фердинанд Алкюи (F. Alquie) принадлежал к движению сюрреализма и проходил курс анализа; другой, Жан Ипполит был гегельянцем. Я был в пользу интеграции психоанализа в философию, но я и не думал становиться практиком. Я не только ничего не знал о Лакане, но даже не слышал его имени.

Когда я поступил в Высшую Нормальную школу, получил годичную стипендию в Гарвардский Университет и рекомендацию Рудольфу Левенштайну, бывшему аналитику Лакана в Париже и сооснователю «эго-психологии» в Америке. По пути в Гарвард я посетил его в Нью-Йорке. Левенштайн сказал мне: "Когда будете в Гарварде, не ходите на философский факультет, это не очень интересно. Идите на факультет социальных отношений. Там есть психоаналитики и люди, занимающиеся антропологией, такие как Клакхон и Мюррэй". Я провел там год и очень заинтересовался анализом.

По возвращении я решил пройти курс анализа — не для того, чтобы стать психоаналитиком, а просто пройти личный анализ — и продолжать пробовать использовать психоанализ для развития философии. Я посетил Алкюи и попросил порекомендовать кого-нибудь. Он сказал: "Есть молодой аналитик на улице за углом, который организует семинар..." Это был Лакан. Таким образом, я прошел через все дискуссии о движении во Франции на кушетке. Я продолжал заниматься философией, и после окончания университета, в 1951 г. решил стать аналитиком. По совету Лакана я стал заниматься медициной. Лакан был в пользу медицинских исследований. Он хотел, чтобы его называли Доктор Лакан. Даже его дочь называла его Доктор Лакан. Ретроспективно, анализ у Лакана был зачтен как обучающий анализ, и после получения медицинского образования, в 1959—60 гг. мне назначили супервизоров».[1]

Встреча с Лаканом имела для Лапланша, несомненно, знаковый характер и не только потому, что Лапланш выбирает медицину в качестве области своей практической деятель-

---

[1] *Laplanche J.* The other within: Rethinking psychoanalysis (Interviewed by John Fletcher and Peter Osborne. London, December 1999). Radical Philosophy, issue 102, july-august.

ности, становится психоаналитиком, членом Французской психоаналитической ассоциации. Влияние Лакана на Лапланша нельзя охарактеризовать только как «*период увлечения*» Лаканом. Глубинное влияние связано с общей интеллектуально-психологической атмосферой во Франции 60—70 гг., с отношениями по поводу психоаналитической работы, но прежде всего с феноменом «*поворота к Фрейду*», инициированного Лаканом и в связи с ним — особой, продолжающейся ролью в нем Лапланша. Если творчество Лапланша рассматривать как усилия по артикуляции наиболее важных уроков из исследования фрейдовской терминологии, то они находятся в глубоком соответствии с общим подходом Лакана к чтению Фрейда, развивая его самым неординарным способом, переходя от «*чтения Фрейда*» к его «*переводу*».

Сам Лапланш, отвечая на вопрос о характере отношений с Лаканом, рассказывал:

«Мое отношение к Лакану было аналитическим так долго, как это было возможно. Я почти вынудил его поддержать аналитическую точку зрения. Но, в конце концов, я отправился на Семинар и так далее. И я стал частью раскола 1963 г., хотя должен сказать, что те из нас, кто хотел вновь вступить в IPA (Международную психоаналитическую ассоциацию) делали так с согласия и даже под давлением Лакана. Ему вновь была

нужна международная аудитория. Тем не менее на карту был поставлен вопрос о его психоанализах — вопрос о коротких сессиях и числе анализируемых — а он не хотел изменять что-либо в своей практике. Он не делал никаких уступок...

Я против коротких сессий. Аргумент в пользу короткой сессии состоит в том, что она гибкая. Она не гибкая. Эта гибкость всегда только в одном направлении: против продолжения. "Гибкий аналитик всегда не в пользу часовых сессий. Я никогда не видел, чтобы «гибкий аналитик» проводил сессии в течение одного часа или дольше, ожидая подходящего момента для скандирования, момента, когда анализируемый сказал бы что-то нужное". Фактически, в статье, где он обсуждает это, Лакан говорил прямо противоположное — что прекращал такие сессии, потому что они были не интересны. "Пустая речь". Единственный пример, который он дает, о пациенте, который говорил о Достоевском годами, в течение многих и многих часов. И он прекратил это. Но он мог бы обнаружить бессознательное в тех речах о Достоевском, если бы искал».[1]

Для Лакана, как и для Фрейда, полагает Лапланш, вопрос о коротких сессиях был связан с вопросом влияния, с числом последова-

[1] *Laplance J.* The other within : Rethinking psychoanalysis.

телей: анализ проводится в течение длительного времени, но короткими сессиями, чтобы было много последователей.

«Для него скандирование — всегда способ отметить «кастрацию». Я должен перебить вас, где-то вас перебить. Такая интерпретация-отмычка, ключ ко всему. Все есть кастрация. Вы должны принять кастрацию. “Я кастрирую с помощью коротких сессий”. Я решительно против этого, потому что полагаю, что свободная ассоциация — одно из фундаментальных открытий Фрейда. Если принимать этот метод, то должно быть время развить свободные ассоциации. Вам должно быть удобно развить ассоциацию, зная, что вас не обрубят в середине самой первой фразы. Я добиваюсь, чтобы мои пациенты чувствовали себя удобно во время психоаналитической работы»[1].

Совместная работа Лапланша с Понталисом по переводу Фрейда началась благодаря Лагашу, который начал трудиться над словарем

---

[1] Аналогия, проводимая Лаканом между используемым им прерыванием пациента во время сессии и кастрацией русскоязычному читателю будет понятней, если вспомнить выражения: *«сказал, как обрубил»*, *«рубануть правду матку»*, *«обрубить в разговоре»* и т. п.

по психоанализу на своем семинаре в Сорбонне. Большой семинар в 30—40 человек не был удобным форматом для создания полновесных статей, и Лагаш в конце концов оставил только Лапланша и Понталиса, которые вдвоем продолжили работу. Результатом которой и стал «Словарь по психоанализу». Когда это дело начиналось (1959), не было предварительной ясной модели чтения, она возникала в ходе самой работы над словарем. Стоит воспроизвести ответ самого Лапланша на вопрос, была ли его модель чтения Фрейда производной от знаменитого «поворота к Фрейду»; Лакан читал лекции по фрейдовским текстам, но не вполне ясно, насколько систематическими были его методы в 1950-х:

«Я не думаю, что у Лакана была методология. Я не думаю, что он знал немецкий настолько хорошо, и я не думаю, что когда-либо он прочитывал за один раз более нескольких строк. Я не думаю, что он прочитал на немецком какую-нибудь статью Фрейда целиком. Возвращение к Фрейду, которое было крайне важно, было скорее импульсом. Его интерпретации целиком и полностью спекулятивные, воображаемые. Когда он говорил, например, что Фрейд нигде не упоминал об "инстинкте", намного интереснее допустить, что он

все-таки исследовал противоречие между "инстинктом"» и «"драйвом"».[1]

Как свидетельствует Ж. Мелман,[2] и это свидетельство само относится к этой эпохе, один из наиболее мощных источников интеллектуальной энергии французских интеллектуалов того времени — некоторые немецкоязычные тексты, а среди них — ничто не читается с таким замечательным эффектом — тексты Фрейда. Своеобразный вклад Лапланша не только в ситуацию «поворота к Фрейду», но и в теорию психоанализа можно рассматривать как ответ на вопрос *«Как читать Фрейда?»*. Лапланш создает теорию самого *«акта чтения»*, прежде всего, чтения работ Фрейда.

«Как читать Фрейда?». Исходной точкой ответа на вопрос *«Как читать Фрейда?»* стоит признать *«историчность»* как фундаментальное измерение человеческого существования. И дело не только в том, что творчество Фрейда как и сам психоанализ — историческое явление, продукт процессов развития и позна-

---

[1] *Laplance J.* The other within : Rethinking psychoanalysis.
[2] *Laplanche J.* Life and death in psychoanalysis. The John Hopkins University Press, Baltimore and London, 1985. P. XII–IX.

ния человека — *обусловлено* исторически. Сам Фрейд инициирует исследование истории конкретного человека во всем ее своеобразии в отличие от Большой истории, несомненными мастерами в исследовании которой были представители немецкой классической философии и ее оппоненты — К. Маркс, Ф. Ницше, совершившие, как где-то метко заметил М. Фуко, переход вместе с Фрейдом *«со стороны знаков на сторону смысла»*.

В понимании истории как утраченного прошлого, которое тем не менее каким-то образом живо и в этой неявной жизненности действенно, — ведь мы все еще обращаемся к нему — много правды, которая сопротивляется своему концептуальному выражению. Может быть, в этом — один из истоков той парадигмы рациональности, в которой сама возможность исторического познания связывается исключительно с письменным памятником и, следовательно, сама возможность истории возводится к появлению письменного документа, к появлению письменности. Но в случае *истории психоанализа* наличие письменного памятника в виде «произведения» мысли, имеющего авторский характер, не только объективирует мысль, но и проблематизирует ее.

Само «произведение» становится историческим памятником мысли, по отношению к ко-

торому позиция читателя трансформируется в позицию исследователя, все более и более смещающегося к истокам творчества, к все более и более *«ранним произведениям»*. Так лакановский ответ на вопрос *«Как читать Фрейда?»*, как известно, привел его же к переоценке места и роли «Толкования сновидений» в сравнении с «Тремя очерками по теории сексуальности», к признанию фундаментальной роли символического в бессознательном, а вместе с тем и феномена *Другого*, со всем богатством плодотворных коннотаций, сколь бы спекулятивными они ни были.

«Поворот к Фрейду» приводит к пониманию бессознательного как той части дискурса Другого, которой не хватает для воспроизведения непрерывности истории человека. Пафос *движения к истокам* позднее подхватывает Ж. Лапланш. Он обращается к исследованию еще более раннего творчества Фрейда, представленного «Наброском научной психологии» 1895 г., что позволяет ему выявить темпоральную структуру травмы и по существу переосмыслить фрейдовское понятие сексуальности, широко используя откровенно лингвистическую метафору *«перевода»* применительно не только к модели бессознательного, но и к анализу самого творчества Фрейда. Тем самым движение к истокам творческого мышле-

ния обретает неожиданно философский характер, несомненное измерение глубины, открытости и далеко идущей перспективы.

Жан Лапланш оставил свой след в психоанализе благодаря трем важным моментам своей теоретической деятельности:

1. Выделив центральное значение понятия *перевода* в исследовании фрейдовской мысли, Ж. Лапланш разрабатывает точный метод критического чтения произведений Фрейда.

2. Идее *перевода* Лапланша удается придать универсальный характер, эксплицируя на ее основе и с ее помощью процессы формирования психики человека.

3. Лапланшу удается вдохнуть новую жизнь в казалось бы оставленную самим Фрейдом идею детского соблазнения в так называемой «*общей теории соблазнения*», претендующей стать новым основанием современного психоанализа.

Систематизация чужого мышления требует собственных усилий читателя, в частности — имплицитного ответа на вопрос «*Как читать Фрейда?*». Этот вопрос приобретает особую актуальность, даже остроту, если речь идет о работе Лапланша «Жизнь и смерть в психоанализе».

Разумеется, вопрос *«Как читать..?»* правомерно экстраполировать и на творчество других ведущих мыслителей психоаналитической традиции, таких как сам Ж. Лакан, М. Кляйн, Д. Винникотт, О. Кернберг, Р. Шафер, Х. Кохут, К. Юнг и другие, не говоря о многих блестящих представителях инициированных ими школ психоанализа. Вопрос *«Как читать..?»* имеет прежде всего практический характер: так «English Standart Edition» З. Фрейда насчитывает 24 тома. Некоторым из его последователей, скрытых и явных оппонентов принадлежат столько же, около 2-х десятков глубоких, ярких, неожиданных — не произведений, а томов собрания сочинений, как например Ж. Лакану, К. Г. Юнгу, теперь и Лапланшу.

Творческая мысль конкретна. Она возникает не просто в процессе, как принято говорить — *развития мысли в ее итогах*, а представляет собой продукт творческого развития конкретного автора со всеми его — развития — купюрами, лакунами, умолчаниями, подчас ошибками и сбоями, наконец, просто упущенными возможностями, как и непониманием коллег и читательской аудиторией. Мышление конкретно, прежде всего потому, что конкретна жизнь мыслителя, в контексте определенного дискурса, экзистенциальных ситуаций, в которых и происходит рождение смысла ска-

занного, написанного, сделанного. И тогда отнесение сделанного автором к традиции мысли, подхода, мировоззрения — абстракция, подчас настолько сильная, как если бы мысль развивалась сама по себе, в качестве саморазвертывания идеи как таковой. Принять одни лишь итоговые результаты в качестве истины — удел репродуктивного мышления, бедного, скучного, даже убогого содержанием.

Но дело еще и в том, что в области мышления, и это стоит неустанно акцентировать, существуют автоматизмы, избегающие своего выражения в его логике. Можно тысячу раз повторять, что всякая деятельность, будь то работа, обучение, исследование, коммуникация выстраиваются прежде всего как *процесс*, а не как результат, достигнутый при помощи процесса, что в компетентности нет четкого разделения на сознательную и бессознательную компетентность, и все равно слышать вопросы только о результате, о продукте, теории, о диагнозе, симптоме, о пользе, о практической значимости — но не о процессе. В контексте повседневности современной цивилизации трудно понять, что главным может оказаться *опыт процесса*, а не его продукта, результата, что главным может оказаться *процессуальность* как таковая, а не результат сам по себе, каким бы инновационным характером он ни обладал.

Вышесказанное особенно важно потому, что психоаналитик *озабочен* языком. Может быть, озабочен маниакально, прежде всего, как средством коммуникации особого типа с пациентом или клиентом. При чтении «Толкования сновидений» однажды бросилось в глаза упоминание Фрейдом того обстоятельства, что в связи с появлением нескольких новых пациентов ему приходится говорить по 10—11 часов в день! Жалоба ли это на жизнь, выражение горечи, что надо зарабатывать с таким трудом, упрек ли тому невидимому коллеге, которому нельзя было отказать в просьбе принять дополнительных пациентов, или выражение нескрываемого пафоса гордости, испытываемой по тем или иным причинам? Спросить не у кого!

Доверие к процессуальной стороне мышления психоаналитика — оборотная сторона его чуткости к языку, доверия к языку, речи, как процессам, которое даже текст делает процессуальным, не только инструментом психоанализа, выявления и устранения симптома, но и условием, *«домом»* самого человеческого бытия вовсе не как свойства, а процесса, имплицитно предполагаемого и утаиваемого.

Язык не просто инструмент выражения заранее продуманной мысли, использующей осознаваемые мыслителем или профессиональным коммуникатором лексические значе-

ния слов, языковых выражений в их рефлексивной определенности. Связь мысли и слова интимна по самому своему существу, ибо субъект речи и языка — это не тот, кто говорит или пишет; субъект речи — это тот, кто *хочет* сказать и написать, поскольку таким образом он *выражает себя.* И тогда психоанализ можно определить как исследование, связанное с определением человека как животного символического, не столько потому, что каждый из нас умеет пользоваться символами, но потому, что *свою жизнь человек делает выражением смысла.* И основным инструментом такого выражения, хотя и не единственным, является язык, существующий в разных форматах, прежде всего — в формате речи, живого действенного, живущего только в момент его произнесения, и в формате письма и чтения.

Исходная проблема, у истоков которой фигура Лапланша, кажется, самой значительной, и лучшим доказательством этого является упоминавшийся фундаментальный «Словарь по психоанализу» — этническая определенность языка, необходимость *перевода* с одного языка на другой, в частности перевода с немецкого на французский мысли Фрейда, взятой в ее развитии.

Созданное Лапланшем можно по праву назвать *поэтикой* творчества Фрейда, возможность которой не является случайностью или

дополнительным, вторичным фактором понимания произведений Фрейда. Французский, как и любой другой язык — английский, в нашем случае русский, не более чем повод; глубинное значение фрейдовской мысли, ее общая экономика будут ускользать от нас, если не принять во внимание этой поэтики, если не видеть ее, а вместе с нею, благодаря ей и фрейдовского *«образа мысли», находящегося в процессе развития*. (В качестве аналогии можно упомянуть тот интерес к творчеству К. Маркса, который был характерен для французских левых 50—60-х гг.: Ж.-П. Сартра, Р. Барта, Л. Альтюссера, и многих других.)

Разумеется, необходимо отдавать себе отчет в глубинном различии интеллектуально-психологической ситуации во Франции 60—70 гг. и современной российской, конца XX— начала XXI в. с тотальным господством идеологии массовой культуры, с ее избыточностью и пресыщенностью. Сегодня кажется даже, что издание «Словаря по психоанализу» Лапланша и Понталиса на русском языке в 1996 г. — это событие, принадлежащее иному времени. Локусом этого различия, несомненно, является территория университетов, а социальным симптомом — утрата словом *интеллектуал* в отечественных условиях значения мыслителя.

Университетская профессура — социальная группа, репрезентативный характер которой связан с ценностью, престижем знания в обществе, способностью общества к инновационному развитию. Если угодно, она — образец той субъективности европейского типа, которая сформирована тонкими механизмами отчуждения, позволившими перейти от грубого принуждения, насилия и угрозы его применения к самоопределению человека с его самодостаточностью, тонкими технологиями формирования и настройки которых являются письмо и книга, а вместе с ними поэзия, музыка, кинематограф, но прежде всего — университетское образование и его престиж в обществе.

Проблемы, связанные с ответом на вопрос «*Как читать Фрейда?*», для отечественной читательской аудитории возникают не от недостатка культуры, а от утраты *процессуальности*, которая ускользает, если язык, речь, текст рассматривать только как инструмент выражения мысли, подведения итогов, сформулированных с помощью слов с определенными лексическими значениями. Психоаналитическая терминология — «*комплекс Эдипа*», «*страх кастрации*», «*фаллический*», «*вытеснение*», «*сублимация*», «*фантазм*», «*идентификация*», «*объект*» и пр. и пр. — приобрела характер «об-

щих мест» интеллектуально-психологической инфраструктуры, не пройдя рефлексивной проработки на русской почве. Фрейд, как и сам психоанализ, не стал органичной частью нашей отечественной истории как по идейно-политическим мотивам, так и в связи с особенностями отечественной, русской культуры.

В каком-то отношении имеет место ситуация, аналогичная набоковскому переводу для англоязычного, американского читателя «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Блестящим выходом из этой ситуации служат, несомненно, «Комментарии к “Евгению Онегину” Александра Пушкина» самого Владимира Набокова, знакомящие читателя не столько с реалиями русской жизни начала XIX в., но и с *историей* самого русского, прежде всего литературного языка, влиянием на него современной А. Пушкину европейской литературы, всего, что позволило В. Г. Белинскому назвать этот роман в стихах энциклопедией русской жизни.

Обращаясь к работам Фрейда сегодня, русскоязычный образованный читатель хочет узнать прежде всего не историю развития психоанализа в формате истории идей, а «*что-то*» о сексуальности, что поможет решать собственные проблемы в области интимной жизни, и его неизбежно ждет разочарование. Он неминуемо оказывается втянутым в сложный про-

цесс, который угасает в результате, в решении многих вопросов, общим форматом которых является вопрос *«Что это значит?»* или *«Что имеет в виду Фрейд, когда пишет, что..?»*, наконец, *«Что это значит "иметь в виду"?»*.

Может быть, однозначно ответить на вопрос, что же именно открыл Фрейд, трудно потому, что открытие связано с областью *семиотического*, областью *значений*, по самой своей сути, ***сопротивляющихся своему выражению в языке, в «логике» концептуального развития конкретного языка.***

Исходный парадокс открытия Фрейда связан с очевидностью, которая нуждается в наделении смыслом! В этом и состоит формула типично психоаналитической ситуации, яркой парадигмой которой может служить сновидение о горящем мальчике, приводимое Фрейдом в «Толковании сновидений», рассказанное ему одной пациенткой, и которое сам Фрейд называет «сновидением-образцом»:

«Один отец день и ночь сидел у постели своего больного ребенка. Ребенок умер, отец лег спать в соседней комнате, но оставил дверь открытой, чтобы из спальни видеть тело покойника, окруженное большими зажженными свечами. Около тела сидел старик и бормотал молитвы. После нескольких часов сна отцу при-

снилось, что ***ребенок подходит к его постели, берет его за руку и с упреком ему говорит: отец, разве ты не видишь, что я горю?*** *Мужчина просыпается, замечает яркий свет в соседней комнате, спешит туда и видит, что старик уснул, а одежда и одна рука тела покойника успели уже обгореть от упавшей на него зажженной свечи».*[1]

Содержание рассказанного сновидения весьма кратко: ребенок подходит к постели, берет сновидца за руку и говорит: «*отец, разве ты не видишь, что я горю?*».

Смысловое содержание сказанного горящим мальчиком можно продумать, исходя прежде всего из семантических возможностей выражения: «*Разве ты не видишь, что..?*». Не стоит торопиться наделять его интенциональностью упрека, как это делает сам Фрейд, в обыденном языке это выражение может служить призывом к большему вниманию, тщательности в отношении к наблюдаемому, происходящему... Оно же может стать и способом выражения возмущения, негодования, ярости... Выражение «*Разве ты не видишь, что..?*» используется в ситуациях, когда все перед глазами, но

---

[1] *Фрейд З.* Толкование сновидений // Минск.: Поппури, 1997. С. 445.

один из участников ей не адекватен, не адекватен тому дискурсу, в котором каждый на его месте, любой другой знал бы, что делать.

Для Фрейда «толкование этого трогательного сновидения не представляет никаких трудностей»[1], но не стоит торопиться соглашаться с ним и задавать вопрос, почему отец горящего мальчика не видит того, что перед глазами? Как это бывает и с каждым из нас, нарывающимися на окрик: «*Ты что слепой..?*», «*Где твои глаза..?*», «*Разве ты не видишь, что..?*».

Мы не видим, не понимаем того, что «перед глазами», когда не можем опереться на выразительные ресурсы дискурса, языковой игры, экзистенциальной ситуации, частью которой является используемое выражение, включающее определенный автоматизм своего понимания, если мы принимаем участие в происходящем.

Едва ли кому-нибудь придет в голову на вопрос вызванного к больному врача: «*Ну, на что жалуетесь, больной?*» — сетовать на судьбу, на неудачный брак, трудности с воспитанием детей и т. п. Это происходит потому, что речь, вербальная коммуникация опирается на выразительные возможности определенного *дискурса:*

— приход в дом человека в белом халате по предварительному звонку или вызову;

---

[1] Там же.

— узнаваемый характер используемой лексики, скажем *«больной»* вместо *«гражданин»*;

— тональность обращения и иные подчас ускользающие от сознания признаки дискурса позволяют наделить используемое языковое выражение, а вместе с ним и происходящее, всю экзистенциальную ситуацию *значением*.

Отец из фрейдовского сновидения *не видит*, что ребенок горит, потому что он не на пожаре, не в кабинете врача, не в одной из тех многочисленных ситуаций, в которых можно использовать выражение *«разве ты не видишь, что...»*, подставляя на место пропуска в строке тот или иной объект и указывая на него. Сновидец не может видеть в том смысле, в котором субъект восприятия видит объекты с их устойчивостью, предсказуемостью и т. п.: *он смотрит и не видит*.

Если психоанализ исследует все следствия, связанные с определением человека как животного символического, то и сексуальные отношения он делает поиском и способом выражением смысла. Сексуальное поведение — не просто способ получения удовольствия от жизни.

Сексуальная жизнь людей как особая тема человековедения, является необычайно деликатной, тонкой; она не может быть полностью раскрыта, а тем более оценена в связи с инди-

видуальной неповторимостью каждого человека. Особое место занимают взаимоотношения полов разного возраста, разного семейного положения и их влияние на сексуальное поведение. Проблема не просто в том, что все женщины и мужчины различны. Проблема в том, что *нет той абсолютной точки отсчета, с которой истина конкретного Другого может обрести объективное выражение. Значения душевных событий*, с одной стороны, скрыты от самого субъекта, а с другой — выражают себя, так или иначе, лишь внешним, опосредованным образом в его поведении.

Дистанция между непосредственностью переживания и внешними способами его проявления и приводит к тому, что человек нуждается в постоянном подтверждении своего знания о себе, которое он может обрести лишь в отклике Другого. Но этот отклик в свою очередь определяется *Историей Другого*, которая нам не известна, и доступ к которой открыт, как если бы мы читали Книгу жизни Другого в обратном направлении, от ее конца к началу. Именно поэтому сексуальные взаимоотношения (между мужчиной и женщиной, родителями и детьми...) — это одна из важных и наиболее сложных проблем в изучении психологии человека. В этих взаимоотношениях, в конкретной коммуникации между мужчиной и женщиной во-

площена реальность состояния психики и сознания того и другого, влияющая на сексуальные отношения.

Мы втянуты в непрерывный, непрекращающийся, *незримый диалог*, связанный с разными, зачастую полярными контекстами поведения, соотнося социальное, нормативное, приемлемое для общества, с одной стороны, с символическим значением своего переживания, поступка в контексте собственной истории, *«наиближайшего»* для себя — с другой.

Очевидная, бросающаяся в глаза доминанта *«значения»* порождает соблазн либо отождествить психоанализ с герменевтикой, либо принять его в качестве разновидности, особого случая «региональной герменевтики». Одну из своих статей Ж. Лапланш полемически резко, быть может, даже провокационно называет «Психоанализ как анти-герменевтика», прежде всего полемизируя с прочтением Фрейда П. Рикером, который интерпретируя Фрейда, не использует его методов.

Прочтение Фрейда Лапланшем и состоит в том, чтобы *анализировать творчество Фрейда при помощи предложенного Фрейдом же метода.*

Что это значит и как это исследование может осуществляться? Конечно, сам психоаналитик в качестве автора несет свой крест соб-

ственной судьбы и вместе с ней настигающей его самого возможности психоаналитического подхода. Но между анализом пациента и психоаналитическим методом исследования творчества мыслителя, представленного совокупностью произведений, несомненно, есть различие.

Исправления, сомнения, мыслительные тупики, особенно отказ от принятой когда-то теории объясняются в подходе Лапланша как проявления исследуемого подсознательного самого автора, З. Фрейда.

Лапланш демонстрирует, что несколько ключевых «узлов» фрейдовского мышления структурированы в соответствии с риторической фигурой хиазма — инверсией во второй половине фразы (например, *«Суббота для человека, а не человек для субботы»* Мк. 2:27*)*.

Одним из таких «узлов» является фрейдовская теория *влечения*, а работу «Жизнь и смерть в психоанализе» можно рассматривать как усилие по артикуляции наиболее важных уроков исследования фрейдовской терминологии. Лапланш пытается показать, что в мышлении самого Фрейда, или в его *«образе мысли»* всегда работают две разные концепции, две концептуальные пары, или взаимоисключающие схемы. Поэтому скрупулезное внимание Лапланша к терминологии Фрей-

да — не способ уточнить его теорию, а исследование истоков мышления, его своеобразия, навязываемого самим предметом исследования — феноменом сексуальности. Может быть, это чувство постоянной угрозы *ускользания* того, о чем идет речь, и побудило Фрейда использовать слово *«метапсихология»* для обозначения формата своего исследования. По-видимому, аналогичное ощущение подобной угрозы утратить меткость теории Фрейда при переводе выразил переводчик «Жизни и смерти в психоанализе» для английского издания в 1976 г.: *«Эта книга с ее скрупулезным вниманием к терминологии, без сомнения, имплицитно представляет собой трактат по переводу Фрейда, но почти каждый раз, когда я фокусирую внимание на его немецком, я чувствую необходимость либо уточнить, либо модифицировать английский Standart Edition»*.[1]

Проблема русскоязычного читателя, скорее, состоит в том, что это чувство *«необходимости уточнить»* у него не возникнет, потому что уточнять будет нечего, поскольку устойчивой традиции перевода как психоаналитической терминологии, так и самих произведений Фрейда на русский язык не существует. Фрейд выпал из русской культуры, так и не

---

[1] *Laplance J.* Life and death in psychoanalysis. P. VII—IX.

став ее органичной частью. Оставаясь частью протестного сознания, психоанализ не обрел своей *читательской аудитории* как части поколения, выросшего на чтении его книг.

Чтобы понять подлинное своеобразие подхода к Фрейду, предпринятого в «Жизнь и смерть в психоанализе» Лапланшем полезно иметь в виду его оппозицию герменевтике. Лапланш убежден, что психоанализ противоположен герменевтике. Многие из утверждений Фрейда идут в разрез с включением его творчества в герменевтику. В течение длительного времени Лапланш настаивал на абсолютном приоритете метода. Прежде чем стать клинической практикой или теорией, психоанализ определяется как исследование психических процессов, недоступных иным методам, это исследование — аналитическое, ассоциативно-диссоциативное; «свободные ассоциации», «свободно протекающие идеи» — только средства, используемые для разложения всех предложенных значений. Следовательно, аналитический метод — это метод, о котором предполагается, что он соответствует своему объекту, «представлению» как элементу «бессознательного». Сам способ движения к объекту дает право постулировать отсутствие в этом объекте какого бы то ни было синтетического значения:

никакого синтетического значения невозможно обнаружить в *id*, которое, по мысли Фрейда, управляется сосуществованием, а не последовательностью. В статье 1937 г. «Конструкции в Анализе» Фрейд не отрицает тот факт, что анализ может приводить к частичным и предварительным конструкциям, аналогичным остановкам в путешествии, являющимся только краткими реконструкциями исторически вполне определенными цепочками значений. Но место, приписываемое Фрейдом *Конструкции*, позволяет ему свободно перейти к *Deutung* — интерпретации, которая в свою очередь, в противоположность реконструктивному синтезу определяется как взятие одного элемента за один раз, то есть замещение отсутствующей связи в ассоциативно-диссоциативной цепочке. Любой психоаналитический поиск значения или постижения заведомо выстраивается этим ассоцианистским определением. Лапланш обращает внимание, что Фрейд использует только термин *Deutung*, тогда как герменевтики говорят о *Auslegung* или об *Interpretation*. И еще: Лапланш обращает внимание, что помимо этимологических корней *deuten* (в том числе и *превратно толковать, толковать вкривь и вкось*) оно несет следы формы *deuten auf* — указывать, изолировать отдельный элемент, что вновь и вновь оказывается анализом.

Может показаться самоочевидным, полагает Лапланш, особенно в свете последних достижений в герменевтике, что не может существовать интерпретации без особого кода или ключа для *перевода*, если герменевтика определяется как прием преобразования или прочтения (текста, судьбы, *Dasein*), процесс прочтения, основанный на априорном предпонимании, прото-понимании. Тогда психоанализ со своей стороны ассимилировался бы подобным прочтением, имплицитно предполагая, что это обеспечивает один или более кодов. Этот почти самоочевидный ход и вызывает основное возражение Лапланша, которому он противопоставляет *психоаналитическую анти-герменевтику*, в роли которой и выступает его «*общая теория соблазнения*».

Последействие: *травма и время*. Приступая к «общей теории соблазнения», выстраиваемой Лапланшем, полезно вспомнить способность языка дезориентировать там и тогда, когда используется терминология с устоявшимися значениями, более того, — значениями, институционально закрепленными, принадлежащими части жестких дисциплинарных пространств, к которым относится и медицина, клиническая психология в частности: *травма происходит, случается*; *человек травмируется неожиданно*; *травма может быть*

тяжелой или легкой, вести к осложнениям и т. п. Одним словом, повседневный дискурс травмы имплицитно предполагает ее как *событие*, вызванное *внешними* обстоятельствами.

Исследование невроза, случаев женской истерии с использованием гипноза Й. Брейером привело к обнаружению им травматических обстоятельств, причиняющих психическое травмирование. Причинно-следственная взаимосвязь травматических обстоятельств и симптоматики включает в себя временной фактор, или время. Так, в случаях физического насилия, покушения на насилие, растления, приставания эта связь носит непосредственный, очевидный характер. Теория соблазна в раннем творчестве Фрейда, в которой следы невроза у взрослого человека прослеживаются вплоть до покушения на растление малолетнего, приставание, заигрывание в раннем детстве, сегодня, как правило, рассматривается как прямая связь между психической жизнью и внешними событиями. Реальность травмы вызвана реальностью внешнего обстоятельства. Но между фактом соблазнения, их попыток и фрейдовской *теорией соблазнения*, настаивает Лапланш, существует огромная дистанция:

«...травма никогда не заключается в некотором единичном моменте; травматическое "событие" определяется темпоральной структурой».

Что же это значит? Лапланш утверждает, что даже Фрейд, преодолев собственную теорию соблазна, на самом деле отверг только каузальный *факт* соблазнения, его фактичность, но не теорию. Игнорировать теорию, не значит ее отвергнуть, прежде всего потому, что теория *имплицирует* определенный *образ мысли*, или как принято говорить в современной философии и методологии науки — теория *нагружена определенными допущениями*. Первый шаг к выявлению этой теории во всей ее полноте — в ее темпоральных, экономических и даже топографических аспектах — был предпринят Лапланшем вместе с Понталисом еще в «Словаре психоанализа».

Теория соблазна значительно сложнее, чем простое противопоставление внешней и внутренней причинности. Когда Фрейд говорит, что преодолевает идею внешней каузальности и возвращается к фантазии, он игнорирует эту весьма диалектическую взаимосвязь между внешним и внутренним, сложную игру внешнего и внутреннего.

Теория Фрейда имплицировала допущение, что травма, чтобы стать психической, никогда не приходит просто извне. Даже в первый момент она должна быть интернализована, а затем регенерирована, для того, чтобы стать травмой внутренней.

Травма состоит из двух моментов. Сначала происходит имплантация того, что идет снаружи. И этот опыт или его воспоминание должен быть реинвестирован во второй момент и только тогда он становится травматическим. Теория соблазна Фрейда состоит в том, что травматическим является вовсе не первое действие, травматическим становится внутренняя регенерация этой памяти. Она тщательно разработана в «Наброске научной психологии», в знаменитом случае с Эммой.

В понимании теории соблазна Лапланшем нет простой локализации внешней реальности в ее отношении к психике: темпоральное прочтение травмы соблазна в раннем творчестве Фрейда скорее предполагает смещение любого единичного травматического «события». Существует, по крайней мере, две сцены, которые конституируют травматическое «событие» и травма никогда не размещается только в одной сцене, но в «игре "уловки", создающей разновидность эффекта колебания, качелей между двумя событиями» («Жизнь и смерть в психоанализе»).

Таким образом, Лапланш утверждает, что сам Фрейд с самого начала не считал соблазн, как и травму чем-то внешним, но отношением между внешней причиной и чем-то похожим на причину внутреннюю. Тем самым, когда в одном из писем Флиссу Фрейд пишет о своем уходе от соблазна взрослым к детским фан-

тазиям, как считает Лапланш, он сам не понимает собственную теорию соблазна, вернее, не отдает себе отчет во всей ее сложности.

«Модель травмы» как и «модель соблазна» тем самым предполагают философию времени как составляющую антропологии, называть ли ее клинической, или философской. Кажется, что Фрейд делает патологию парадигмой или «моделью», позволяющей ответить на вопрос о человеческом существовании и основанной на трех фундаментальных допущениях:

— признании первичности сексуальности;

— отсутствии непрерывности между миром ребенка и миром взрослого;

— непрерывностью нормы и патологии.

Было бы сверх-упрощением сводить богатство значения языкового выражения только к его использованию в определенном дискурсе, а семиотического как такового — к его включенности в экзистенциальную ситуацию: важны смысловые взаимосвязи совершаемого действия, поступка, деятельности *с временным порядком,* прежде всего с прошлым и будущим, их объединением в феномене, внимание к которому привлекает Фрейд в выражении ***«последействие»*** (Nachträglichkeit)[1],

---

[1] *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. С. 342–346.

позднее акцентировал Лакан, и важные теоретические следствия которого концептуализирует Лапланш применительно к сексуальности и автономизации человеческого Я.

Лапланш приводит пример отсроченного действия: можно сказать «террорист заложил в здании бомбу, после чего она взорвалась». Но действие может быть ориентировано во времени и иным образом, когда мы приходим к пониманию содеянного после того, как само событие произошло: «Этот мост рухнул, после чего архитектор понял, что построил его неправильно». Это понимание после того как событие, участником которого был сам субъект действия, произошло. Различие значений приведенных языковых выражений, определяются различием в ориентации действий субъекта во времени. За каждой из указанных временных ориентаций стоит своя имплицитно предполагаемая позиция, суть которых выражается либо детерминизмом, либо герменевтикой; и проблем не возникает, если речь идет о различных дискурсах, описывающих действия разных субъектов.

Ситуация меняется, порождая настоящую дилемму, когда речь идет об одном и том же субъекте, существующем во времени: либо прошлое детерминирует будущее, либо будущее реинтерпретирует, переопределяет прош-

лое. Чтобы правильно понять темпоральный аспект *последействия*, необходимо принять во внимание то, что не известно с самого начала, неизвестно и позднее — то, что совершенно не известно. Подобная ситуация и возникает в психоанализе, в психоаналитической антропологии в связи с теорией «*детской сексуальности*»: если пытаться понять последействие только с точки зрения человека, который сначала был ребенком, а потом повзрослел, то ничего не получится.

С одной стороны можно сказать, что у маленького ребенка сексуальность *уже была*, а потом этот уже повзрослевший человек, который когда-то был ребенком, вновь испытывает возбуждение, когда видит себя, например, маленьким ребенком, сосущим материнскую грудь. Таково направление детерминизма, биологического детерминизма: сексуальность как таковая незримо — для него в первую очередь — существует в маленьком ребенке и уже позднее, в качестве отсроченного действия, она реактивируется во взрослом человеке. С другой, можно сказать, что вопрос о природе сексуальности — это вопрос реинтерпретации самого взрослого: не существует сексуальности маленького ребенка, он просто посасывает молоко, но сам взрослый, в качестве сексуального существа привносит ее в на-

блюдаемое, (как это происходит с ним в случае эротического зрелища).

Выход из дилеммы детерминизма и герменевтики — *либо* прошлое детерминирует будущее, *либо* будущее реинтерпретирует прошлое — Лапланш видит в необходимости начинать с категории *«другого»* и категории *«сообщения»*, но не как инструментов выражения заранее и тщательно продуманного смысла, а того, что создает необходимость эквивалентного *«перевода»*, побуждает и вынуждает к нему.

Вопрос о травме это не вопрос о реальности внешнего события, приводящего к ней: любому детерминисту, прежде всего биологу, это понятно. Вопрос о травме это вообще не вопрос о реальности, требующей теории познания, которая психоанализу не нужна. Не нужен психоанализ, чтобы понять, почему на определенной шкале некоторым вещам приписывается конкретная, та или иная степень реальности. Проблема не в этом, а в том, что является реальностью *другого* и его *сообщения*, *послания*: их посторонность, чуждость, своеобразие, непонятность, притягательность, загадочность?

Ключевым моментом истоков человеческого является концептуализация встречи ребенка и другого, которая как «живая археология» нуждается в реконструкции: при всем том, что каждый из нас был ребенком, прошел через

опыт встречи с другим, спросить об этом некого. Реальность другого абсолютным образом связана с его своеобразием, странностью.

Тогда как человеческое существо, ребенок, встречает это своеобразие? Оно состоит в том, что сообщения, получаемые им, загадочны, в том числе и для отправителя. Отправитель, теперь уже взрослый когда-то сам испытал вторжение другого, своего собственного другого, внутреннего другого, то есть бессознательного. Таким образом, проблема другого связана с тем фактом, что маленькое человеческое существо не обладает собственным бессознательным и сталкивается с сообщением как вторгающимся бессознательным другого.

Для Лапланша очень важна топографическая модель, потому что само устройство этой топографии психического аппарата связано с тем фактом, что маленькое существо должно справляться с этим своеобразием, инструментом которого по освоению этого своеобразия становится эго.

Справиться со своеобразием странности другого — значит выстроить эго.

Субъект выстраивает себя в качестве индивида, существа, позиционирующего себя, свою индивидуальную укорененность в собственном теле, имеющем в качестве своего соб-

ственного все, что происходит внутри, в нем, в отличие от того, что снаружи; используя историческую аналогию, Лапланш описывает процесс *птолемизации* человека, как существа, вокруг которого вращается весь остальной мир, как существа, которое изначально, однако, является коперниканским, потому что вращается вокруг сообщения, послания, *message*'а другого. Это сообщение необходимо усвоить, впитать, что без выстраивания внутреннего, того, что внутри, — невозможно.

Но проблема, во-первых, и состоит в том, что вовлеченный в богатство мира посланий окружающих его людей, ребенок не обладает никакими интеллектуальными, телесными и эмоциональными возможностями понять их. Мир другого, других смотрит, звучит, обращается, прикасается, охватывает, лишает равновесия, ускользает из рук, липнет, «пристает» множеством способов, перед сложностью и загадочностью которых ребенок остается беспомощным и незащищенным: в него *«инвестируется»* информация, значительную часть которой можно назвать *«сексуальной»* в широком смысле слова.

Эти инвестиции в ребенка в значительной своей части непроницаемы и для самих взрослых, потому что не осознаются ими. Мать ухаживает за ребенком, который сталкивается с *ее*

опытом сексуальности, ухаживания за нею, с ее опытом нежного, любящего прикосновения. Этот аспект часто упускается из виду в других школах психоанализа. Так, кляйнианцы говорят о материнской груди, которая может быть хорошей или плохой, первым объектом, о способах ее интернализации и т. д. Но, размышляет Лапланш, существует нечто большее для понимания сексуальной жизни: для самой матери ее грудь остается эротическим органом, частью ее собственной женской сексуальности. И почему же об этой сексуальности надо забывать? Почему, говоря об отношении младенца к этой груди, надо забывать сам факт этой сексуальности. Многие педиатры подметили, что нет никаких причин проводить разграничение между сексуальной грудью и грудью кормящей, что многие женщины испытывают сексуальное наслаждение во время кормления грудью, хотя и не осмеливаются признаться в этом. Тогда почему же необходимо забывать о сексуальности в самом факте кормления?

Но для *«общей теории сексуальности»* Лапланша важен не столько сам факт сексуального наслаждения, испытываемого женщиной во время кормления грудью, сколько то, что во время кормления что-то передается от женщины младенцу, передается что-то загадочное.

Именно это Лапланш и называет сообщением, посланием. Тогда наиболее важно не то, что грудь имеет форму или же представляет собой объект, но то, что грудь передает младенцу сообщение, и оно включается в себя сексуальностью, тем, о чем ни сама мать, ни ее ребенок не могут знать полностью, тем, что бессознательно, наиболее бессознательно в сексуальности, что остается в ней загадочным. Тем самым вводя в темпоральную структуру последействия *другого* Лапланш имплицитно предполагает метафору неподвижного двигателя: сама темпоральность развивается, но сообщение самой матери темпоральным не является; оно атемпорально, одновременно, синхронно. То, что предназначено развиваться в качестве темпорального в ребенке происходит синхронно у матери: такова синхронность сообщения, которое в тот же самый момент, в том же самом сообщении и сохраняет себя и сексуально. Оно компрометируется сексуальностью, потому что перверсивная сексуальность содержится в самой атемпоральности взрослого.

Присутствие другого в первичном соблазнении в качестве «сообщения», как и обсуждение Лапланшем проблем вытеснения, влечения, психоаналитической работы связано с широким использованием *«перевода»* и *«де-перевода»*, при всей метафоричности которых

их лингвистический характер не подлежит сомнению. Лингвистическая метафора *«перевода»* охватывает не только вербальный, лингвистический перевод, но и перевод *интерсемиотический — с одного типа языка на другой*. Но может существовать перевод в тип кода, внутреннего для языка, например, код кастрации или эдипова мифа, тот тип кода, на который можно что-то переводить. Перевод в отличие от интерпретации не предполагает существования фактической ситуации, доступной интерпретации. Если что-то переводится, это уже сообщение, что-то такое, что является частью коммуникации, или ею самой. Именно поэтому Лапланш предпочитает говорить о переводе, а не о понимании, или интерпретации.

Упоминавшаяся работа «Психоанализ как анти-герменевтика» предполагает в качестве цели аналитической работы не перевод, а процедуру ему обратную — *«де-перевод»*. При всей важности перевода вовсе не он является целью аналитика. Анти-герменевтическая направленность Лапланша вызвана тенденцией сделать психоанализ специальностью герменевтиков.

Единственным переводчиком, единственным герменевтом является человеческое существо, поскольку речь идет о герменевтике послания, но послания не бога, а послания другого. С самого начала герменевтика была тем,

что адресовано вам, в отличие от Хайдеггера, у которого герменевтика стала герменевтикой человеческой ситуации. Но применительно к человеку его самая первая интерпретация — это не интерпретация его собственной ситуации, а ситуации получения послания, которое в случае с упоминавшимся сообщением матери, имеет ко всему прочему *адресный* характер. Утрата разговором с ребенком адресного характера, когда мать говорит о нем в третьем лице, чревато в будущем многими проблемами, хорошо известными для психоаналитиков лакановской формации. Более того, ее специфичность в том — и это делает ситуацию более сложной — в *переводе адреса*, в отличие от *перевода суждения*. Дело в том, что адрес обладает специфической формой, структурой, которая в свою очередь вызывает сопротивление.

Перевод позволяет понять ту часть психической реальности, которая является реальностью послания. Идея перевода представляет собой переосмысление общей проблемы отношения между реальностью и психикой, точнее переформулирует эту проблему классической философии: было бы большой ошибкой со стороны психоанализа пытаться создавать свою теорию познания, как это имеет место у М. Кляйн, у Д. Винникотта, даже Лакана и их последователей, начиная с той

конструкции и реконструкции мира младенца, исходным моментом которых являются те или иные «частичные» объекты (грудь, голос, взгляд, т. н. переходный феномен...). Более того, *другой не нуждается в реконструкции. Он предшествует субъекту*. Другой на сексуальном уровне навязывает биологический мир. Нет нужды конструировать его, он первый приходит к нам, в качестве загадки.

Поэтому проблема реальности — это проблема другого, которого слишком много. И вместо того, чтобы рассматривать, как это делает Д. Винникотт, опыт *«non-me possession»* в противоположность *«first-possession»*, мы нуждаемся в обратном — в том, чтобы выстроить эго, начиная в качестве исходной точки с *инаковости, которой слишком много.*

Вместо того чтобы выстраивать мир, необходимо выстроить эго, восстановить процесс птолемизации.

Эхом этой избыточности другого, загадочности множества посланий — а другими они и не могут быть — становится травма, связанная со случаем, которая позднее вторгается в мир взрослого. Это пробуждение другого, которого слишком много, который возвращается, и с которым не может справиться эго.

Сталкиваясь с темпоральной структурой соблазна, эго связано с тем, что сообщение неким, незримым образом имплантировано, но еще не обрело внутренней процессуальности, еще не обрело собственной психической жизни, для чего эго и должно выстроить себя в качестве структуры.

Момент истины. Как уже отмечалось, исходной точкой движения Лапланша к психоанализу является философия, стремление к синтезу философского и психоаналитического подходов к человеку, его истории. Без преувеличения можно сказать, что в психоанализ Лапланш пришел как философ, главным вопросом которого был вопрос о психоаналитической практике: что удалось Фрейду открыть именно в ней, что происходит между психоаналитиком и пациентом, в чем действенность используемых техник при такой широте исповедуемых психоаналитических идей? Психоаналитик испытывает философский интерес к происходящему в психоаналитической коммуникации, с точки зрения которого многие концептуализации кажутся сверх-упрощением: психоаналитическую ситуацию нельзя понять просто как воспроизведение некоторой фактической ситуации или ее этапов в правильной форме, что и дает ключ к исцелению.

Психоаналитическая ситуация, скорее возрождение встречи, столкновения с загадкой другого. Современная психология перегружена призывами к правильному пониманию другого! Но как можно правильно понять того, кто сам себя не понимает?! И более того, как можно сформулировать критерии правильности такого понимания.

Психоанализ трудное ремесло в силу его фундаментальной неопределенности. Это и не наука и не искусство, хотя подчас его рассматривают или как одно из двух, или как и то и другое, а, возможно, как нечто находящееся посередине между «наукой психоанализа» и «искусством психотерапии». Слишком широкий, с точки зрения научных канонов, и все же слишком прямолинейный для творческой одаренности актера, художника, писателя, всех тех, у кого областью деятельности, как и у психоаналитика, является язык, а инструментом — речь.

Внутренний парадокс фундаментальной антропологической ситуации состоит в том, что человек *становится* историческим существом, а не просто попадает в стихию времени как в некое вместилище, вроде потока времени. При всей несомненной историчности собственного существования, данной прежде всего благодаря собственной памяти, *мы некоторым таинственным образом знаем и о предшествующей*

истории, которая в строгом смысле не дана, поскольку само историческое событие не аффицирует органов чувств человека уже после того, как событие произошло, и, следовательно, не является содержанием его собственной памяти. Несомненно, что память человека не исчерпывает даже его собственной историчности!

Мы знаем то, что, во-первых, *«не дано»* в строгом смысле слова! И во-вторых, — то, что вынуждены «перенаделять» значением, вновь и вновь возращаясь к случившемуся с нами. Более того, вдумчивое отношение к истории как собственной, так и истории другого, обнаруживает своеобразный парадокс. История сопротивляется не только концептуализации, но и обычному нарративу: при всей ее несомненности и очевидности, рассказывать свою собственную историю трудно! Но с другой стороны, история продолжается, и к ней вполне приложимо представление о своеобразном «эффекте Зейгарник», той закономерности, выявленной Б. В. Зейгарник, в силу которой эффективность запоминания материала зависит от степени и формы завершения действия.

Завершенная работа запоминается хуже, чем незавершенная. Степень включенности человека в происходящее выше, пока происходящее не завершено. Тогда незавершенность

исторического действия, порождающая мобилизующее ментальное или экзистенциальное напряжение, тем самым становится источником готовности к продолжению действия. Иными словами, памятование истории некоторым образом *настраивает* на действие в меняющихся ситуациях.

Может быть, именно поэтому основной задачей психоанализа, помимо терапевтической, стоит признать не формирование сильной личности с лидерскими качествами, не адаптацию человека к деятельности в социальной группе, а адаптацию к собственной судьбе, чуткость к тонким ощущениям тех изменений, которые еще не получили своего эксплицитного выражения, но у которых уже есть свои истоки.

Видимо, ключевым словом, находка которого придает психоанализу как антропологии (метапсихологии) несомненно философский характер, является *время*. Несмотря на то, что сам Фрейд смешивал время как опыт внешнего мира, открытый восприятию и сознанию, со временем как частью исследования феномена *«последействия»*, в этом есть что-то, что относится к целостности жизни человека, к темпоральности как *ретрансляции* своей собственной судьбы, что становится частью этой судьбы благодаря message'у другого, и что обнаруживает себя в психоаналитической ситуации. При

таком подходе психоанализ становится необычайно амбициозным проектом, может быть даже чем-то новым в опыте человеческого.

Исследование способов откликаться на послание другого можно и нужно продолжать, особенно в ситуациях, в которых этот отклик не становится переводом и коммуникация не удается. Во всем этом есть какая-то странность, выражение которой сопротивляется нарративу с его грамматикой: в ней первое лицо — это тот, кто говорит, второе — тот, кому говорят, а третье — тот, о ком говорят. Тогда основная проблема, в решении которой философия встречается с психоанализом и обращается к человеку — кто же тогда тот, кто говорит мне, как научиться и научить других способности адаптироваться к собственной судьбе, к тому, с чем приходится справляться каждому, но удается лишь очень немногим?

Здесь мы еще раз возвращаемся к вопросу «*Как читать..?*», стремлению понять, что *хотел* сказать автор, в отличие от того, что *удается понять*, и что приобретает значение для читателя. Ведь автор писал не для себя. Его произведение — вовсе не совокупность заметок, выполненных, когда нельзя полагаться только на память; автор писал для тех, кому интересно все то, что интересно ему, даже если

для этого необходимо убеждать в правоте собственной точки зрения, — для тех, *кто хочет об этом знать*.

Одним словом, вся интеллектуально-психологическая аура, связанная с чтением, необходимостью перевода не является просто избыточной роскошью. Как и само чтение — не совокупность привычек, доведенных до автоматизма и породивших зависимость, используемую обществом в своих интересах.

Можно сказать и так: когда я, как читатель, *хочу* знать о том, что пишет автор, это незримым образом ведет меня к истокам: к моим собственным, когда удается понять авторскую мысль, и к истокам автора, когда его мысль остается для меня загадочной, сопротивляется выражению на языке, доступном моему пониманию, приемлемом для меня.

В этом интерсемиотическом процессе наиболее важным и интересным является не столько вербальный перевод, сколько взаимосвязь различных языков, уровней коммуникации, один из неожиданных примеров которого однажды привел сам Фрейд. Обсуждая технику интерпретации сновидений, он советует делать то же, что мы делаем, когда прислушиваемся к разговору, который для нас важен, но из содержания которого мы почти ничего не можем расслышать. Именно тогда ва-

жен переход от констатации того, что *«в этом что-то есть»* к определению самой предметной области, к которой относится содержание захватившей нас «чтойности». Эта важная для психоаналитика и любого профессионального коммуникатора способность слышать больше, чем содержится в поверхностном смысле сказанного, вслушиваться в его *имплицитное содержание*, в том числе и в музыку речи, почти не культивируется современной культурой, но сохраняется в поэтике письма, имеющего авторский характер.

В переводе, культивирующем способность прислушиваться к тому, о чем идет речь, как более важном из происходящего с нами, наиболее загадочным, тем не менее является не сам процесс перевода, а его своеобразный побочный продукт — те мысли, которые возникают в процессе чтения и процессе *«перевода»*, *«свободные ассоциации»*, к которым что-то непременно побуждает возвращаться, возвращаться вновь и вновь, без чего ни у кого не возникнет творческой жилки, способности думать собственной головой и видеть вещи своими глазами, или как теперь принято говорить — инновационного взгляда на мир.

Литвинский В. М.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
В ПСИХОАНАЛИЗЕ

ВВЕДЕНИЕ

Шесть представленных здесь глав являются моментами или этапами рефлексии о фрейдовском мышлении, попыткой определить посредством историко-структуралистского подхода к творчеству Фрейда проблематику объекта психоанализа.

Если в связи с открытием психоанализа мы говорим о необходимости определенного исторического подхода, то совсем не для того, чтобы заниматься выявлением источников или влияний, способных дать частичное представление о какой-то идее, и не для того, чтобы воспринимать хронологию исключительно в качестве ориентира. История или «исторический обзор» психоаналитического мышления, как мы его понимаем, может ориентироваться лишь на координаты, которые являются координатами самого психоанализа. Иными словами, такая история с явной или официальной

истории переключает наше внимание на историю скрытую, частично бессознательную, дающую о себе знать в повторяющихся темах... Это означает также определенный диалектический подход, предполагающий за переворотами и кризисами некую эволюцию, подход, имеющий дело с противоречиями, статус которых не может быть сразу же установлен тем, кто пытается с ходу их выявить и разрешить. Даже если, на стадии интерпретации, все *противоречия* фрейдовского мышления и нельзя рассматривать в рамках одной и той же трактовки, нельзя включать в действие «одного и того же механизма» или «одной и той же инстанции», они могут удостоиться одного и того же «свободно парящего» внимания. Разумеется, на практике определенные противоречия могут оказаться относительно «внешними», случайными, могут оказаться плодами полемики или следствием поспешного способа выражения; но даже в этом случае было бы ошибкой упускать их из виду: так как нелепость в очевидном содержании или вторичная обработка могут быть, как нам известно из «Истолкования сновидений», признаком критики или затруднения более глубокого уровня. Что же касается крупных противоречий, пронизывающих все его творчество от начала и до конца, то их следует интерпретировать диалектически,

либо как противоречия мышления — отсылающие в таком случае к чему-то «невысказанному» — либо как противоречия самого объекта: таков, например, случай с главным противоречием, внутренне присущим понятию Я, которое в одно и то же время представляет собой и нечто целое и частную инстанцию, которое является объектом любви и инвестирования, но объектом, присваивающим себе положение субъекта... и так далее.

Противоречия мышления и противоречия объекта в конечном счете неотделимы друг от друга. Но их энергия может обнаружить себя лишь в том случае, если проблемы или понятия, относительно которых эти противоречия возникают, связаны со структурным равновесием, в которое эти понятия включены, с его предпосылками и системами противоположностей, в которые данные понятия входят. История понятия, которая пренебрегает перспективой структуры такого рода, завершилась бы простой бесплодной нелепостью или редукцией связанных друг с другом аспектов мышления к их менее значимому общему знаменателю: к той плоскости и пошлости, которой посвящена большая часть «трактатов» о психоанализе. Если ограничиться только одним примером, который мы еще будем иметь возможность развить, то в некоторых неу-

клюжих формулировках Фрейда невозможно обнаружить значение «принципа удовольствия», не принимая в расчет структурные потрясения там, где они имеют место.

За пределами истории той или иной частной проблемы остается, следовательно, история творчества *в целом*, история перехода от определенного структурного равновесия или его нарушения к иному строю мысли, и именно эту историю мы и хотим здесь набросать. Решающей стороной такого наброска является стремление показать, как главные этапы творчества (знаменитые «повороты») соотносятся со смещением определенных сегментов доктрины, идейных ансамблей, которые необходимо тогда обнаруживать в другом месте и с новой функцией. Зная, в чем заключается последняя пружина таких преобразований, возникают следующие вопросы: требование структуры и ее равновесия? Является ли «инвестирование», понятое как возложенное на автора бремя, тем доктринальным *элементом*, который должен обнаружиться в другом месте, если здесь он остается в тени? Является ли, наконец, существование определенного числа фундаментальных инвариантов, которые можно объединить под термином интуиции, «фрейдовским открытием» или определенным фундаментальным желанием?

Но идея фундаментальной потребности, «неизменности», проявляющаяся в череде достаточно эффектных ниспровержений, довольно категоричных отступлений, в череде достаточно радикальных изменений мысли, не может ли она служить оправданием для радикальной критики фрейдовской теории: если все самое важное было там с самого начала (со знаменитого «Проекта научной психологии», 1895 г.), то так называемые переработки его произведений сводились бы к калейдоскопическим движениям, к перестановкам, которые напоминали бы не столько о развитии и обогащении научной мысли, сколько о воплощении того, что Леви-Стросс определяет как «первобытное мышление».

Ответ, который мы здесь только наметим, мог бы быть изложен на двух уровнях:

1) На уровне фактов легко показать позитивные обогащения, которыми пользуется доктрина в ходе своей эволюции, в зависимости от достижений *психоаналитического опыта.* Но такая очевидность, в свою очередь, ведет к новым размышлениям: необходимо выделить модель развития мышления, которое, в определенных аспектах, предстает как *философское*, развивающееся в соответствии с собственной необходимостью, тогда как, с другой стороны, в качестве *научного* мышления оно интегриру-

ет новые факты особо богатой области наблюдения. Речь идет о совершенно оригинальном способе переплетения теоретического мышления и опыта, отличающемся от всего остального именно этой неустранимой данностью: «внутреннее» требование доктрины и «внутреннее» движение того, что открывается наблюдению в области лечения, вырастают из одного корня, одной и той же «пуповины».

2) На уровне значения единственный ответ заключается в том, чтобы выделить главные и постоянные линии фрейдовской проблематики, а затем, отстраняясь, в качестве отклика от формулировок автора, попытаться дать такую *интерпретацию* этой проблематики, которая восстановит ее самые главные элементы. Тем самым постулируется утверждение, что в терминах, которые иногда воспроизводят термины Фрейда, а иногда их переворачивают, можно восстановить структуру фрейдовской теории вне тех взаимосвязанных фигур, в которых она выражена.

Само собой разумеется, что наш подход к фрейдовскому учению тяготеет к отрицанию, что в этом мышлении существуют подлинные «пробелы». Не желая обсуждать этот термин — который становится модным — мы намерены показать, что у Фрейда за всеми изме-

нениями теории проглядывает постоянство какой-то потребности, воспроизводство записей, какой-то находки, выражающиеся в концептуализации, не всегда с первого раза находящей адекватную ей научную форму.

Толковывать Фрейда, обнаруживать у него бессознательные силовые линии — это подход, вызванный к жизни самим его объектом. Но если мы наш тип исследования квалифицируем как «психоаналитический» и «интерпретационный», то не в смысле, в каком это делает Эрнест Джонс в своей биографии Фрейда, руководствуясь, правда, установками, уже предложенными Фрейдом. Один из текстов Фрейда (*«Интерес к психоанализу»*, 1913) дает определенные указания о том, как можно представить психоаналитический подход к философскому творчеству. Занимая позицию между простой рациональной критикой и редукцией мышления к чисто «субъективным» условиям, Фрейд предлагает тонко рассчитанный компромисс: психоанализ натыкается на слабые места теории, но как раз внутренняя критика и демонстрирует эти слабости, выявленные другой дисциплиной.

Мы не считаем, что речь пойдет о последнем слове в области психоаналитического исследования мышления, если верно, что открываемое психоанализом выходит за пределы индиви-

да, и что психоанализ обнаруживает в индивидуальном бессознательном персонаже если не решения, то комбинаторику более общего порядка. В любом случае нашу работу желательно считать психоаналитической не в силу ее *психобиографической* стороны. Наше исследование — это в первую очередь и главным образом исследование фрейдовских текстов, одновременно *письменное*, *критическое* и *интерпретационное.*

Наш подход к Фрейду, дословный и интерпретационный, — это попытка, неизбежно робкая и несовершенная, перенести *mutatis mutandis* то, что можно услышать и интерпретировать в ходе психоаналитического лечения.[1] Таким образом, двойному, взаимодополняющему правилу свободных ассоциаций и свободно парящего внимания следует попытаться найти эквивалент в «аналитическом» чтении, всегда готовом в равной мере трактовать «слово за словом» — в том числе и то, что остается непонятным, — «фразу за фразой» и «текст за текстом». Следовательно, наша интерпретация должна опираться на знание методов работы бессознательного, выявленных психоанализом: смещения, конденсации, символизации, частично видоизмененных, в соот-

---

[1] См. : *Laplanche J.* Interpréter [avec] Freud, in *L'Arc*, N 34 (Freud), 1968. P. 37–46.

ветствии с иными координатами, под главенством метафоры и метонимии.[1]

Тем не менее в той мере, в какой стиль каждого произведения, его место, его предназначение навязывают не делать из него некий краеугольный камень, *критическое* чтение следует поставить в один ряд с другими способами. Если верно, что психоаналитическое мышление постоянно подвержено воздействию своего рода энтропии и сглаживает свои неровности на глубинном уровне, то его такая судьба уже представлена и у Фрейда, особенно в данных им общих изложениях теории, а чтобы показать оригинальность его мышления, было бы несправедливо основываться только на более поздних итоговых текстах.

Мы не скрываем противоречие, которое существует между критическим намерением и аналитическим правилом, применяемым в данный момент. Противоречие, которое вызывает у практика — аналитика или анализируемого — приостановку суждения, сравнимую, в определенном смысле, с «феноменологической редукцией»: остранение от любого выбора из «материала». Но мы, в своей попытке объединить или чередовать эти две противоположные

---

[1] См. : *Laplanche J.* Dérivation des entités psychanalytiques In Hommage à Jean Hyppolite, Paris, P.U.F., 1970.

позиции, не отступаем ни от теории психического механизма, ни даже от некоторых неизбежных аспектов психоаналитической практики: там, где «вторичная обработка» и феномен Я становятся преобладающими, верным методом может быть попытка на время отойти от такого изложения, при котором систематизация стремится заблокировать любую бессознательную инфильтрацию, чтобы затем вернуться к ней вооруженным, когда анализ достигнет определенных результатов... Впрочем, следует признать, что с объектом-Фрейдом потребности в таком методе еще не возникало: самый систематичный текст подвержен стихии бессознательной жизни, когда соприкасается с описаниями, с набросками и с опытами мысли, на которые сам он и подразделяется.

Мы пытаемся представить и определить границы интерпретации *как таковой*, обосновывая ее как зарождающуюся тенденцию произведения интерпретировать самого себя. Тем самым мы намерены определиться по отношению к двум противоположным установкам в интерпретации. Один из этих подходов заключается в том, чтобы измерять ценность Фрейда его собственными мерками, обращаясь к тем смещениям, которые никогда себя в качестве таковых не маркируют. Другой подход, безусловно, более лояльный, не отдает тем не

менее должного оригинальности мышления Фрейда, неотделимой от присущей ему спонтанности: этот подход стремится отделить зерна от плевел, чтобы испечь свой собственный хлеб, но рискует при этом оказаться на более классическом, более официальном уровне, в меньшей степени вдохновленном доктриной.

Жизнь и смерть в психоанализе

Представляется, что продолжение исследований, сгруппированных вокруг классического понятия конфликта, может обрисовать область более сложной проблематики: вмешательство жизни и смерти в границы самого психоаналитического поля, а также — при определенных условиях — и в его внутреннее пространство.

Жизнь и смерть: два термина, подчас довольно ярко представленные в теории, на практике гораздо чаще остающиеся в тени. Понятия биология и биологизм широко присутствуют в сочинениях Фрейда, начиная с «экстренности жизни» *Проекта* научной психологии (1895 г.), безусловного применения — во время периода «трансфера» с Флиссом — учения о «стадиях» и бисексуальности, заканчивая влечением к жизни, которое в конце его творчества включает в себя сексуальность.

Сказалось соседство весьма близкой области, в которую, задним числом, открытия, касающиеся жизни влечений и сексуальности, позволили ввести новую точку зрения. Фрейд[1] недвусмысленно, а затем и Джонс[2] в продолжение, предлагают «междисциплинарный» подход, чтобы определить вклад психоанализа в биологию: вклад, который все еще ждет своего исследования. Что касается обратного воздействия, вмешательства наук о жизни в психоанализ, то оно часто упоминается Фрейдом в качестве решающего, особенно в том, что касается теории влечений; сам факт, что это упоминание чаще всего адресовано спекулятивным или поэтическим демонам биологизма, уже должен заставить нас задуматься.

Если, несмотря на эти оговорки, жизнь материально присутствует на границах психики, то выход на сцену смерти в психоанализе гораздо более загадочен. Сначала, как и все модальности негативного, она радикальным образом исключается из поля бессознательного. Затем, в 1920 г., она внезапно появляется в центре системы, как одна из основопола-

---

[1] См. в частности работу: Фрейд З. Интерес к психоанализу. Гл. Биологический интерес.

[2] *Jones E.* La vie et l`œuvre de Sigmund Freud. T. III. Paris. P.U.F, 1969, P. 343—357.

гающих сил, возможно даже, как единственная изначальная сила внутри психики живого существа или даже всей материи. Душа конфликта, извечного раздора, занимающая отныне первый план теоретических формулировок Фрейда, смерть тем не менее чаще всего остается немым персонажем в клинике, где Фрейд до конца сохраняет строгую сдержанность к следствиям, которые его новая концепция почти естественно должна была бы породить: страх смерти или глубинное стремление умереть в аналитической психопатологии никогда не займут положения несокрушимой «скалы», доставшегося комплексу кастрации.

Не в том ли дело, что смерть — человеческая смерть как конечность, а не только как сведение жизненного напряжения к нулю — свое место в психоанализе находит скорее в этическом измерении, нежели в области объяснения? Один текст[1] — единственный текст, — опубликованный всего лишь пятью годами ранее «По ту сторону принципа удовольствия», по крайней мере его последние строки, позволяют сделать такое предположение. Присоединяясь к классическому и героическому течению, которое, от стоиков и до Монтеня и Хайдеггера, обязывает видеть

[1] Имеется в виду работа «Актуальные мысли о войне и смерти» (1915).

нашу жизнь — наше существование — в свете смерти, «Актуальные мысли» в заключение напоминают, что «поддерживать жизнь остается первым долгом всего живого» и призывают видоизменить старую поговорку «хочешь мира, готовься к войне» в *«si vis vitam para mortem»*. Сентенция, которую Фрейд, возможно, поддаваясь искушению самой темы, переводит как «хочешь поддерживать жизнь, руководствуйся смертью». Следовательно: *твоей* смертью.

Этот вывод, без каких-либо обоснований, прикрывает высказывание совершенно иной направленности:

«Нашему бессознательному столь же недоступно представление о собственной смерти, оно столь же жадно до убийства чужака, столь же расколото (амбивалентно) по отношению к любимому человеку, сколь и бессознательное первобытного человека».

В бессознательном смерть всегда была бы смертью другого, его уничтожением или провокацией его утраты, а нам определенное предчувствие собственной смертности может быть доступно лишь в амбивалентном отождествлении с дорогим человеком, чьей смерти мы одновременно и желаем и боимся: то есть, преимущественно с оттенком скорби. Таким образом, возможно, несколько скромнее в сравнении с соблазнами героической формулы, вы-

ражение «хочешь жизни, готовься к смерти» можно было бы перевести так: «хочешь жизни, готовься к смерти другого». Если из позиции Фрейда выводить определенную этику, то она была бы этикой недоверия ко всякому энтузиазму, даже к энтузиазму *amor fati*, этикой ясности, не скрывающей неизбежной связи моей смерти со смертью другого. Печать подлинности, которой отмечены «некрологические заметки» или «письма соболезнования» Фрейда, отражает продолжение никогда не прерывавшегося самоанализа.

Иными словами, в лечебной практике — хотя ее и нельзя определить иначе, как раскрытие истины — ссылка на смерть как на истину жизни или опыт истины может рассматриваться лишь как аксиоматический, недоступный интерпретации пограничный момент. Воздержание от любого «представления-цели» в первую очередь, относится к тому, что в «По ту сторону принципа удовольствия» обозначается в качестве «конечной цели жизни». И если в лечебной практике открываются иные способы, посредством которых смерть дает о себе знать, то их необходимо искать не рядом с «представлением», но в некотором внутреннем пространстве самой речи.

Ни жизнь, ни смерть, представляемые, несомненно, различными способами, не имеют, сле-

довательно, прямой связи с психоаналитической практикой. Эта констатация послужит для нас предостережением: исследовать психоаналитическое действие с точки зрения концепции существования, которая, будь она пессимистической или оптимистической, придает человеческой жизни ее конечность, — значит, с самого начала отказываться принимать в расчет тот пересмотр понятий, которого требует открытие бессознательного и движения, в нем разворачивающегося. Дело не в том, что мы окончательно отказываемся учитывать в своем подходе к психоанализу значение *Проекта*. Но основания такого обсуждения необходимо предварительно подтвердить исследованием намеренной теоретической предвзятости Фрейда, когда он вводит в психоанализ биологическую полярность жизни и смерти, которое, следуя указаниям Фрейда и интерпретируя их, попыталось бы проследить судьбу витального уровня (уровня жизни и смерти), перемещающегося в пространство психических механизмов.

За этим становлением-иным, символизирующим себя на уровне человека, мы последуем в три этапа, которые шаг за шагом приведут нас к исследованию проблематики сексуальности, проблематики Я и проблематики влечения к смерти.

I. СТИХИЯ ЖИЗНИ И ГЕНЕЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Нашим ориентиром в рассуждениях о сексуальности в психоанализе будет один основополагающий текст Фрейда, текст принципиально новаторский: «Три очерка по теории сексуальности».

Значение, которое придает ему автор, раскрывается в тех последовательных переработках, которым он этот текст подвергает: в изданиях 1905, 1910, 1915, 1920, 1924—1925 гг., детально пересматриваемых всякий раз в том, что касается фраз и терминологии, с добавлениями, сохраняющими исходный замысел, но предоставляющими место сменяющим друг друга открытиям; а также в многочисленных примечаниях, главным образом, к последней переработке, к изданию 1924 г., современнику «окончательной теории влечений». На примере этих наслоений и исправлений лучше всего можно проследить эволюцию и обогащение

теории сексуальности. Но поскольку мы только что намекнули на последний поворот, на последнюю версию — в том смысле, в каком можно говорить, что определенная «версия» представляет собой также и изменение направления творчества, поворот — то эта последняя версия, разрабатываемая с 1920 г., лишь в малой степени вписывается в сам текст, за исключением примечаний. Таким образом, если бы мы пожелали составить приблизительное представление о том, чем могли бы быть «Три очерка» в варианте 1920 г., то нам следовало бы обратиться к сочинению: «Очерк психоанализа» (1938), особенно к его третьей главе. И тем не менее, даже в таком позднем тексте, как «Очерк психоанализа», чувствуются те затруднения, которые испытывает Фрейд, когда представляет нам это обобщение, словно его последние достижения, концепции Эроса и влечения к смерти, почти ничего не добавляют к исходному понятию сексуальности.

Дело в том, что «Три очерка» не представляют собой абстрактную теорию влечения вообще, но описывают это влечение *par excellence*, как сексуальное влечение. Таким образом, не претендуя (в ложном эклектическом синтезе) сохранять верность *всему*, что Фрейд мог говорить о влечениях, мы тем не менее полагаем, что не выходим за рамки лейтмотива его

вдохновения, выдвигая утверждение, которое будет встречаться на протяжении всего нашего исследования: *именно сексуальность представляет собой модель всякого влечения и, вероятно, является единственным влечением в собственном смысле слова.* И если верно, что после 1920 г. Фрейд предлагает и поддерживает теорию, включающую в себя *два типа* влечений, и связывает сексуальность с одним из них, с той биологической, даже космологической силой, которую он называет Эросом, то именно в этом, на первый взгляд, наше утверждение будет явным образом противоречить мышлению Фрейда, но в этом же обнаружат себя и главные затруднения самого Фрейда.

На первом этапе мы имеем дело с той сексуальностью, которая образует объект «Трех очерков». Чтобы уловить, о чем же в действительности там идет речь, весьма поучительно остановиться на самом плане произведения: плане, на первый взгляд простом, состоящем из трех частей: сексуальные отклонения — инфантильная сексуальность — преобразования при половом созревании. Тем не менее, если попытаться восстановить подробную картину рассматриваемых в работе тем и предметов, то перед нами предстанет чрезвычайное многообразие. Разумеется, эта сложность, с одной стороны, вызвана интерполяциями, датируемыми

следовавшими друг за другом изданиями, но помимо этого существует что-то вроде наложения, наслоения различных уровней: уровень, который можно назвать эвристическим (который является следствием самого открытия психоанализа), уровень полемический (разрушающий общепринятую концепцию сексуальности), уровень генетический (который идет вслед за появлением сексуальности у человеческого индивида). Мы попытаемся бегло рассмотреть, как эти различные уровни могли бы соединяться друг с другом, как, в частности, движение мышления, эвристический уровень, следует, как и в случае любого истинно глубокого мышления, за «самой вещью»: правда, сам Фрейд обращается за разъяснениями к Гегелю.

Путеводной нитью нашего исследования будет понятие влечения, *Trieb*, и та пара, которую оно образует вместе с другим термином — с понятием инстинкта. Если верно, что терминология и в первую очередь ее перенос с одного языка на другой может не только помочь нам, но и сбить нас с пути, то в данном случае проблемы перевода принесли с собой путаницу, которая не исчезает и по сей день. Поэтому нам хотелось бы надеяться, что дальнейшие замечания не будут отнесены только на счет привередливости переводчика. *Trieb* часто переводили на французский как инстинкт, и то же са-

мое делали и англоязычные психоаналитики.[1] Но у Фрейда, и вообще в немецком языке мы встречаем не один, а два термина, два «означающих», если использовать более современную терминологию. Следовательно, два значения, и можно сказать, что в обыденном языке они имеют почти один и тот же смысл, а их этимологии параллельны: *Trieb* происходит от *trieben*, приводить в движение; *Instinkt* находит свое начало в латыни, в слове *instinguere*, которое также означает побуждать, подталкивать, приводить в движение. Но — процесс очень частый в языке, особенно в немецком — автор, когда он оказывается перед дублетом такого рода, автор, который со всей серьезностью полагает, что речь идет о латентных модуляциях словаря, будет стремиться использовать эту объективную двойственность, чтобы дать лазейку какому-то смысловому различию, иногда едва заметному, но иногда подчеркиваемому до такой степени, что образуется подлинная противоположность. Таков случай с *Trieb* (влечением) и *Instinkt* (инстинктом): оба термина использовались Фрейдом, даже если не всегда, к сожалению, мож-

---

[1] По крайней мере, это характерно для части авторов, поскольку некоторые, из числа наиболее искушенных, сохраняли за этим фрейдовским термином *Trieb* более адекватный эквивалент «*drive*».

но заметить, что его словарь включал именно этот термин *Instinkt*, который обозначал все что угодно, кроме того, что описывается как сексуальность. *Instinkt* на языке Фрейда – это предопределенное, заранее сформированное поведение, схема которого наследственно установлена, поведение, повторяющееся в соответствии с условиями, адаптированными к определенному типу объекта. Следовательно, важнее, чем этимология, важнее даже, чем семантические резонансы в немецкой культуре та обнаруживаемая нами связь между значениями, принимаемыми двумя терминами в научном мышлении Фрейда, связь сложная, порожденная *аналогией*, *различием*, а также *отклонением* одного от другого. Отклонение, которое является не только отклонением понятий, но которое можно, вместе с Фрейдом, связать с реальным отклонением: отклонением у человека влечения от инстинкта.[1]

Сначала их аналогия: она основана на общей платформе анализа понятия. Анализ влечения, каким он перед нами представлен, имеет, благодаря своему общему характеру, значение также и для инстинкта. Этот анализ намечен, в постепенных приближениях, в различ-

---

[1] См.: *Laplanch J.* Dérivation des entités psychanalytiques // Hommage à Jean Hyppolite. Paris, P.U.F., 1970.

ных изданиях «Трех очерков», но чтобы найти его более систематическое изложение, необходимо обратиться к более позднему тексту, — «Влечения и их судьбы».[1] Здесь влечение оказывается раскрытым в четырех измерениях, или, как выражается Фрейд, в четырех терминах, связанных с понятием «влечения»: «напряжение» (*Drang*), «цель» (*Ziel*), «объект» (*Objekt*) и «источник» (*Quelle*).

Напряжение, говорит он нам с самого начала, — это двигательный момент влечения, «сумма силы или мерило требуемой работы, которую он олицетворяет. Признак импульсивного напряжения составляет общую особенность всех влечений, самую сущность их».[2] В этих нескольких строчках обнаруживается показательная ссылка на механику и, еще точнее — на динамику, что всегда будет играть главную роль для Фрейда. Точка зрения, которую в психоанализе называют экономической, — это как раз и есть «мерило требуемой работы»: если есть работа, изменение в организме, то есть и требование основания, силы и, как и в науках о природе, силу можно опреде-

---

[1] См.: *Фрейд З.* Влечения и их судьба // Фрейд З. Психология бессознательного. Пер. с нем. А. М. Боковикова. М., 2006

[2] Там же. С. 128.

лить лишь посредством измерения количества работы. Определять влечение посредством его напряжения, *Trieb* посредством его *Drang* — это, с эпистемологической точки зрения, почти тавтология: одно является лишь абстрактным элементом, ипостасью другого. Таким образом, предвосхищая то, что последует далее, мы хотели бы предложить следующую гипотезу: именно этот абстрактный элемент, экономический фактор, остается неизменным в том отклонении, которое переведет нас от инстинкта к влечению.

Теперь *цель*. Это, говорит нам Фрейд в «Трех очерках», — «действие, на которое влечение толкает». Следовательно, в случае с предопределяющим наше поведение инстинктом, — это двигательная схема, серия действий, которая приводит к некоторому завершению. Что представляет собой это завершение? Если на этот раз обратиться к тексту «Влечения и их судьбы», то очевидно, что это завершение всегда одно и то же и в конечном счете весьма однообразно, единственная «конечная» цель — это всегда удовлетворение, определенное самым общим образом: это успокоение некоторого напряжения, вызванного как раз тем *Drang*, о котором мы только что говорили. Тогда возникает вопрос о том, какова связь между, с одной стороны, совершенно общей це-

лью и таким же, как напряжение, совершенно абстрактным успокоением, а с другой стороны, таким на этот раз весьма специфическим и определенным действием, которое является целью того или иного инстинкта: питаться, созерцать (поскольку у Фрейда идет речь о «влечении к созерцанию»), заниматься любовью и т. д. Проблемой является специфичность цели: в чем причина того, что она является той или иной целью, а не только тем успокоением, которое представляет собой *конечную цель*?

Если мы продолжим этот анализ, опираясь на различные тексты Фрейда, то заметим, что цель влечения постоянно отсылает к двум следующим факторам: иногда к объекту, а иногда к источнику. К объекту, в той мере, в какой Фрейд, а затем и многие другие психоаналитики постепенно ориентировались на понятие «отношение объекта», которое представляет собой что-то вроде синтетической точки зрения, объединяющей, с одной стороны, тип деятельности, специфический способ той или иной импульсивной деятельности, а с другой стороны, ее привилегированный объект. Таким образом, оральное влечение, если брать первый пример влечения, подразумевает одновременно и некоторый способ связи, скажем, внедрения, и некоторый тип объекта, который как раз и способен быть поглощенным,

внедренным. Мы встречаем здесь первое возможное использование понятия цели: то, которое раскрывается в интерсубъективной перспективе. Другая спецификация цели влечения — это спецификация посредством *источника*; и здесь, очевидно (вскоре мы увидим, что на самом деле теория отличается большей сложностью), мы имеем дело с более сильной биологизаторской, виталистской тенденцией, которая, кажется, преобладает.

Изучим более детально эти два понятия: понятие *объекта* и понятие *источника*. Объект влечения? Чтобы сразу же отбросить некоторые недоразумения, напомним вначале, что этот объект не обязательно является неодушевленным объектом или вещью: фрейдовский *Objekt* не противопоставляется, в своей сущности, субъективному бытию. И вовсе не «объективация» любовной связи имеется здесь в виду. Если в классическом языке XVII столетия этот термин уже использовался для обозначения того, что подразумевается под страстью — «пламя», «злопамятство», — то именно в этом широком смысле и необходимо понимать наш «объект». Тем не менее наша настороженность по отношению к вульгаризированному объекту любви («ты меня принимаешь за вещь» — говорят обычно) не лишена нюансов. Чтобы заметить их, следует об-

ратить внимание на процесс его «дефиниции» в «Трех очерках». Предварительно, во введении, «сексуальный объект» определяется как «лицо, которое внушает половое влечение».[1] Но анализ сексуальных отклонений приводит к изменению этой точки зрения:

«Мы обращаем внимание на то, что представляли себе связь сексуального влечения с сексуальным объектом слишком тесной. Опыт со случаями, считающимися ненормальными, показывает нам, что между сексуальным влечением и сексуальным объектом имеется спайка, которую нам грозит опасность не заметить при однообразии нормальных форм, в которых влечение как будто бы приносит от рождения с собой и объект. Это заставляет нас ослабить в наших мыслях связь между влечениями и объектом. Половое влечение, вероятно, сначала не зависит от объекта и не обязано своим возникновением его прелестям».[2]

Таким образом, несмотря на наши оговорки, термин *объект* оказывается прежде всего объектом как средством: «Объектом влечения является тот объект, на котором или посред-

---

[1] *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. С. 122.

[2] Там же. С. 131.

ством которого влечение может достичь своей цели».[1] Здесь есть приоритет удовлетворения и направленной на него деятельности по отношению к тому объекту, «на котором» эта деятельность находит свое завершение. Что нас приводит к весьма известной в психоаналитических рассуждениях проблеме, которая резюмируется в представлениях о «случайном совпадении» объекта. В той мере, в какой объект является тем объектом, «на котором» цель оказывается достигнутой, теряет значение вся специфичность, индивидуальность объекта; достаточно, чтобы он имел определенные черты, которые позволяют деятельности, направленной на удовлетворение, начаться; сам по себе он остается относительно безразличным, случайным.

Другое измерение объекта в психоанализе — то, что он не обязательно является объектом в смысле теории познания, то есть «объективным» объектом. Здесь следовало бы ясно разделить два значения, которые, к несчастью, в теории современного психоанализа, весьма часто остаются в состоянии смешения: понятие объективности в смысле познания и понятие объектности, где объект, на этот раз, является объектом влечения, а не объектом вос-

[1] *Фрейд З.* Влечения и их судьбы. С. 129.

приятия или объектом науки. Все это, чтобы подчеркнуть, что объект влечения с полным правом может быть *фантазматическим* объектом и что он является таковым, возможно, даже в первую очередь.

Наконец, чтобы завершить этот ряд предварительных замечаний, подчеркнем, что объектом не обязательно является личность «в целом»: это может быть, как мы теперь говорим, частичный объект, термин, который был введен именно Мелани Клейн, но который оказывается в центре размышлений уже у Фрейда и оказывается там весьма рано. Частичные объекты: грудь, пенис и многие другие части тела, многие другие элементы, связанные с переживанием телесности (экскременты, ребенок...), которые имеют общий фундаментальный признак — реально или фантазматически они *отделены* или *отделимы*.

Чтобы окончательно разобраться с понятием влечения, нам больше всего понадобится термин *источник*. Если в «Трех очерках» определение источника — это мы вскоре увидим — отличается относительным богатством содержания и двусмысленностью, то в тексте «Влечения и их судьбы», к которому мы параллельно обращаемся, оно наоборот однозначно: *Quelle* представляет собой соматический процесс, бессознательный, но правомерно по-

знаваемый, разновидность биологического неизвестного, психическим переводом которого как раз и могло бы быть влечение. Под источником влечения понимают «тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении».[1] Мы обращаем здесь внимание, что сам Фрейд часто использует термин «представляет», а не «воплощается». «Представляет» — фундаментальное выражение фрейдовской метапсихологии, которое границы этого исследования не позволяют нам прокомментировать: отметим только, что обычно служащий Фрейду для обозначения отношения между соматическим и психическим образ предполагает метафору «делегирования» полномочий, наделения мандатом, который не дает абсолютной власти. Следовательно, локальное, биологическое возбуждение находит своего «делегата», своего «представителя» в психической жизни в лице влечения. Мы не знаем, обладает ли данный соматический процесс химической природой, или же он может также соответствовать высвобождению иных сил, например, механических: изучение источников влечения, делает вывод Фрейд, «уже больше не относится к

---

[1] *Фрейд З.* Влечения и их судьбы. С. 129—130.

области психологии.»[1] Таким образом, мы обращаемся к центральной проблеме наших настоящих размышлений: проблеме отношения к науке о жизни.

От нее мы вскоре вернемся к вопросу об источнике, который, как нам кажется, особенно интересен как точка соединения инстинкта и влечения. В данный момент, прежде чем исследовать это *соединение*, мы настаиваем на проведении *аналогии*, которая может существовать, с точки зрения наших четырех элементов, между инстинктом и влечением; либо, что то же самое, мы подчеркиваем общий характер определений напряжения, цели, объекта и источника, общий характер, который позволяет применять их *как* к инстинкту, *так и* к влечению. В этом, по нашему мнению, спорный момент текста «Влечения и их судьбы», в этом камень преткновения для неискушенного читателя: этот очерк рассматривает влечение вообще, не только сексуальное влечение, но и все «группы влечений», включая, следовательно, и те «влечения Я» или «влечения к самосохранению», относительно которых мы должны еще разобраться, насколько правомерно применяется к ним название «влечение». Рассматривать любой *Trieb* вообще — значит неизбеж-

---

[1] Там же. С. 130.

но оказываться во власти абстракций. Рассматривать влечение вообще — значит биологизировать его, значит делать его анализ значимым также и для поведения, называемого инстинктивным. И это как раз и является для нас свидетельством значимости этих понятий в области психологии животных или этологии. В конечном счете современные исследования в области психологии животных, особенно школа Лоренца, в самом широком значении используют, даже если никогда и не ссылаются на Фрейда, понятия, аналогичные его терминам; они, в частности, используют понятие «напряжение», поскольку *гидравлический образ*, который Фрейдом выдвигается для обозначения экономического фактора, у них явно воспроизводится. Понятие объекта, который был бы одновременно и случайным и, с определенной точки зрения, специфичным, обнаруживается в представлении о спусковом механизме специфического действия, причем этот спусковой механизм понимается как сочетание элементов восприятия, способное такой механизм ослабить, потому что оно включает в себя некоторые совершенно определенные черты. Известно, что именно посредством ошибок восприятия, изменяющих различные характеристики, и удалось точно определить некоторые из этих спусковых механизмов. Наконец,

понятие цели присутствует в исследованиях этологов под видом устойчивого поведения, следствия цепных реакций, приводящих в конечном счете к длительной разрядке напряжения, цикла, который можно остановить на том или ином этапе, если последующий механизм не возникает, потому что последующий спусковой механизм не был представлен.

Подчеркнув общую значимость этих фрейдовских дефиниций, общую значимость, которая предполагает в одно и то же время и негативный аспект, поскольку эти дефиниции могут оказаться абстрактными, и аспект позитивный, поскольку эти понятия могут пересекаться с понятиями конкретных наук, например, этологии, мы опять возвращаемся к «Трем очеркам», к их первой странице, представляющей собой лапидарное описание «популярного» понятия сексуальности. «Три очерка» начинаются следующими словами:

«Факт половой потребности у человека и животного выражают в биологии тем, что у них предполагается “половое влечение”».[1] Допускается руководствоваться аналогией влечения с питанием, с голодом. Обыденно-

---

[1] *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. С. 122.

му языку недостает термина, соответствующего слову «голод»; наука использует здесь слово *libido*.

«Общепринятый взгляд содержит вполне определенные представления о природе и свойствах этого полового влечения. В детстве его будто бы нет, оно появляется приблизительно ко времени и в связи с процессами созревания, в период возмужалости, выражается проявлениями непреодолимой притягательности, которую один пол оказывает на другой, и цель его состоит в половом соединении или, по крайней мере, в таких действиях, которые находятся на пути к нему».[1]

Эта «популярная» концепция является в то же самое время и биологизаторской, где сексуальность, сексуальное влечение понимается по образцу инстинкта, как ответ на природную потребность, за парадигму которой принимается голод (если нам позволят использовать здесь, более систематическим образом, чем у Фрейда, пару терминов: влечение-инстинкт). Эта потребность, в случае сексуальности, возникала бы на основе процесса полового созревания, процесса, исключительно внутреннего по своему происхождению, в котором психологический момент половой зрелости являет-

[1] Там же. С. 122.

ся определяющим; соответствующее ей поведение, следовательно, было бы жестко детерминировано его «источником», а также устойчивым и весьма точно определенным «объектом», поскольку сексуальность могла бы быть нацелена, предопределенным извечно способом, только на другой пол; наконец, ее «цель» также была бы раз и навсегда установлена: «половое соединение, или, по крайней мере, действия, которые находятся на пути к нему». Нам, следовательно, необходимо подчеркнуть тот факт, что «популярная» концепция, которую здесь Фрейд кратко излагает, чтобы затем подвергнуть ее критическим нападкам, совпадает с представлением, которое может показаться научным, соответствующим науке о жизни, представлением, которое в конечном счете может быть полностью достоверным, по крайней мере, в каких-то иных областях, но не для человеческой сексуальности. Если мы теперь обратимся к оглавлению «Трех очерков», то мы лучше поймем, каким образом это оглавление сформировано и как оно приближает нас к цели самого труда: все это оглавление выстраивается как функция определенного «разрушения» (возможно, в смысле гегелевского *Aufhebung*) этого «популярного» — но также и биологизаторского — образа сексуальности. Напомним сразу же,

что работа разделена на три части: «Сексуальные отклонения», и этой первой части можно было бы дать подзаголовок «Утраченный инстинкт». Вторая часть: «Инфантильная сексуальность», и мы комментируем: Генезис человеческой сексуальности. Наконец, третья часть: «Преобразования при половом созревании»; вероятно, в определенном смысле, можно было бы сказать: возвращенный инстинкт? Разумеется, но возвращенный на ином уровне. Скорее, не возвращенный, а — мы предпочитаем здесь предложить предварительную формулу — *имитированный* инстинкт.

На первом «Очерке» мы остановимся ненадолго и только для того, чтобы перейти ко второму, который и является предметом нашего настоящего исследования. Он представляет нам полемический, квазиапологетический обзор сексуальных отклонений. Речь идет о разрушении посредством описания извращений, обыденные представления о специфических целях и объектах сексуальности. Этот обзор, между прочим, не отличается ни научной строгостью, ни исчерпывающим характером объяснений. Неуместно разыскивать в «Трех очерках» альфу — и уж в любом случае не омегу — психоаналитической теории извращений. Самое важное для Фрейда — показать, насколько широко, почти универсально их поле,

и как их наличие разрушает всякое представление об определенной цели и объекте человеческой сексуальности. Сексуальность, можно подытожить эту первую часть, у взрослого, у взрослого, называемого нормальным, приобретает видимость инстинкта, но здесь перед нами лишь непрочный результат исторической эволюции, который, на каждом ее повороте, может сворачивать с главного пути и порождать самые странные отклонения.

Наши размышления о втором «Очерке» будут сосредоточены на одном отрывке, который, как нам кажется, выражает самое важное, так как дает новое определение сексуальности в зависимости от ее детских истоков. Речь идет о заключительной его части, которая называется «Источники инфантильной сексуальности»:

«На сосании мы могли уже заметить три существенных признака инфантильных сексуальных проявлений. Они состоят в присоединении какой-нибудь важной для жизни телесной функции; не знают сексуального объекта, *автоэротичны*, и сексуальная цель их находится во власти *эрогенной зоны*».[1]

Отметим теперь, что эти три признака будут встречаться в большинстве инфантиль-

[1] *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. С. 157.

ных эротических проявлений и что они даже выйдут далеко за пределы сексуальности детского возраста, знаменуя собой, в конечном счете всю человеческую сексуальность. Дефиниция называет три изначальных и сложных понятия: понятие *примыкания*, понятие *автоэротизма* и понятие *эрогенной зоны*.

Мы изучим вначале два первых, которые тесно друг с другом связаны; на самом деле именно их сочетанием Фрейд и собирается объяснить сам генезис сексуальности.

Примыкание: франкоязычный читатель, возможно, будет удивлен, услышав, что здесь речь идет об основополагающем термине концептуального аппарата Фрейда. В сегодняшних переводах Фрейда, как во французских, так и в превосходных английских переводах издания «*Standard Edition*» единственным следом этого фрейдовского понятия является спорадическое и слабо обоснованное использование прилагательного «анаклитический», взятого из греческого. Осмысление терминологии Фрейда[1], работа над новыми переводами его трудов привели нас к тому, что мы, под влиянием переводчицы, которая, хотя и не систематически, но уже использовала этот тер-

---

[1] *Laplanche J., Pontalis J. B.* Vocabulaire de la psychanalyste Paris, P.U.F., 1967

мин[1], остановили свой выбор на примыкании и производных от него понятиях. Если мы приняли этот термин, то потому, что было необходимо подчеркнуть — чего никто в полной мере не делал — то строгое концептуальное значение, которое принимало у Фрейда немецкое слово *Anlehnung*, как раз и означающее поддержку, опору на нечто иное[2]. Тем самым мы

---

[1] Речь идет о г-же Ревершон-Жюв и о ее первом переводе «Трех очерков».

[2] Лапланш обращает внимание читателей на проблему перевода этого немецкого слова, для которого в «Словаре по психоанализу» в переводе Н. Автономовой используется слово «*примыкание*», коннотации которого с опорой, поддержкой выявляются лишь в таких выражениях русского языка как «*примкнуть к партии, движению*», «*примкнувший к...*», «*примкнуть штыки*»...; столкнувшийся с проблемой перевода этого слова на английский в «Standart Edition» Джеймс Стречей (James Strachey) пошел другим путем, создав, идя от греческого, искусственное слово, неологизм «анаклитический», прочно вошедшее в международный психоаналитический словарь. Так называемые терминологические трудности хорошо иллюстрируют феномен концептуализации, имеющий в различных языках свою собственную историю и особенности. Для Фрейда слово Anlehnung было словом повседневного языка. Лапланш использует слово «*etayage*» — букв. крепление, придание жесткости конструкции и пр., несущее иные смысловые оттенки. Тем самым сам вопрос о переводе приобретает имплицитный психоаналитический характер.

попытались придать рельефность, наделить различными оттенками понятие, долгое время остававшееся в тени либо благодаря переводам, стремившимся не столько к строгости, сколько к элегантности, либо в силу использования псевдонаучного, слишком замысловатого и чрезвычайно мало «говорящего» термина: анаклитический. Более того, прилагательное «анаклитический» оказывается, в свою очередь, искаженным всей психоаналитической традицией, берущей начало в точке отсчета, которая, на самом деле, является и производной и вторичной. Действительно, этот термин «анаклитический» был введен переводчиками в текст, гораздо более поздний, чем «Три очерка», в текст о «Нарциссизме» (1914), где Фрейд противопоставляет два типа «выбора объекта», два способа, посредством которых человек осуществляет выбор своих объектов любви: «нарциссический» тип выбора объекта, когда человек избирает возлюбленный объект по своему образу, и «анаклитический» выбор объекта (*Anlehnungstypus*, как говорится в немецком тексте), когда на этот раз (по крайней мере, именно так, несколько поспешно, все истолковывается) сексуальность опирается на объект функции самосохранения. Таким образом, в этой традиции, был понят термин *примыкание* — как опора на *объект*, в конечном

счете, как *опора на мать*. Здесь мы видим, как вся теория связи с матерью искажает понятие, предназначенное для объяснения сексуальности в период ее возникновения. Действительно, если мы более внимательно изучим это понятие, то заметим, что оно с самого начала ни в коей мере не обозначает опору субъекта на объект (ребенка на мать), даже если такая «опора» может быть установлена. То, что описывает Фрейд, — это феномен опоры влечения, тот факт, что зарождающаяся сексуальность опирается на иной процесс, одновременно и сходный и глубоко отличающийся: сексуальное влечение опирается не на сексуальную, а на витальную функцию, или, как формулирует Фрейд в терминах, не поддающихся никакому комментарию, на «телесную функцию, существенно важную для жизни». Допустим, что мы совсем немного удаляемся от мысли Фрейда, что мы всего лишь уточняем ее, утверждая, что то, что описывается как примыкание — это *опора*, изначальная, сексуальности на инстинкт, если под инстинктом понимается то, что направляет эту «телесную функцию, существенно важную для жизни»; в том частном случае, который вначале анализируется Фрейдом, речь идет о голоде и о функции питания. Хотя терминологическая связь никогда не была абсолютно систематической в сочине-

ниях Фрейда, мы тем не менее обнаруживаем, что термины функции, потребности и инстинкта обычно отмечают витальный регистр или регистр самосохранения, противопоставляемый сексуальному регистру.

Под *примыканием влечения к функции* имеется в виду не некий абстрактный генезис, не квазиметафизическая дедукция, но процесс, который описывается с большой точностью на примере, играющем роль архетипа, на примере оральной сексуальности. На этой стадии, доказывает он нам, можно выделить два периода: период кормления грудью, а затем период, характеризуемый «сосанием», весьма отличным от кормления грудью. В первый период, период кормления грудью, перед нами функция или, если взять вышеупомянутые различия, законченное инстинктивное поведение, настолько завершенное, что, как мы видели, именно голод, поведение, связанное с пищей, в рамках «популярной концепции» принимается за *образец любого инстинкта*. Инстинктивное поведение со всем его «напряжением», и на этот раз мы в состоянии уточнить, что скрывается за этим «X» энергетическим, мы способны вслед за психофизиолагами связать с этим гуморальным или тканевым нарушением равновесия то состояние напряжения, которое субъективно соответствует чувству

голода. Итак, *напряжение*, накопление напряжения; а также *источник*, если вести речь о пищеварительной системе, более специализированный и более локализованный, с теми его аспектами, где особенно ощущается инстинктивная потребность. Мы имеем перед собой специфический «объект»... Намерены ли мы утверждать, что это грудь? Да, но это грудь, которая предоставляет не удовлетворение, но пищу, молоко. Наконец, более сложный процесс, или «цель», процесс сосания, который наблюдатели стремились описать с большей точностью: поиск соска, сосание, ослабление напряжения, успокоение.

Решающий момент в том, что в то же самое время, когда пищевое функционирование удовлетворяется пищей, начинает обнаруживать себя и сексуальный процесс. Параллельно питанию имеет место возбуждение губ и языка соском и струей теплого молока. Это возбуждение вначале настолько связано с функцией, что между ними едва ли возможно уловить различие. Объект? Он, кажется, представлен на уровне функции. Известно ли, что это молоко? Или же это уже грудь? Источник? Он также определен питанием, поскольку губы также являются частью пищеварительной системы. Цель также близка к цели пищеварения. Наконец, объект, цель и источник тесно

связаны в одном совершенно простом предложении, которое позволяет описать то, что происходит: «это входит через рот». «Это» — это объект; «вхождение» — это цель, и идет ли речь о сексуальной цели или о цели пищеварения, процесс «вхождения» один и тот же; «через рот»: на уровне источника обнаруживается та же двойственность, рот является одновременно и сексуальным органом и органом функции пищеварения.

Таким образом, примыкание состоит прежде всего в той опоре, которую находит зарождающаяся сексуальность, в функционировании, связанном с сохранением жизни. Этот вывод наилучшим образом подтверждает другой отрывок из сочинения Фрейда, посвященный оральной эротической деятельности ребенка:

«Далее совершенно ясно, что действия сосущего ребенка определяются поисками удовольствия (Lust), уже пережитого и теперь воскресающего в воспоминании. Благодаря ритмическому сосанию кожи или слизистой оболочки он простейшим образом получает удовлетворение. Не трудно также сообразить, по какому поводу ребенок впервые познакомился с этим удовольствием, которое теперь старается снова испытать. Первая и самая важная для жизни ребенка деятельность — сосание материнской груди (или суррогатов ее) должна

было уже познакомить его с этим удовольствием. Мы сказали бы, что губы ребенка вели себя, как эрогенная зона, и раздражение от теплого молока было причиной ощущения удовольствия. Сначала удовлетворение от эрогенной зоны соединялось с удовлетворением от потребности в пище. Сексуальная деятельность сначала присоединяется к функции, служащей сохранению жизни, и только позже становится независимой от нее. Кто видел, как ребенок насыщенный отпадает от груди, с раскрасневшимися щеками и с блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет сознаться, что эта картина имеет характер типичного выражения сексуального удовлетворения в последующей жизни. Затем потребность в повторении сексуального удовлетворения отделяется от потребности в принятии пищи; это отделение становится необходимым, когда появляются зубы, и пища принимается не только посредством сосания, но и жуется».[1]

Таким образом, в самом акте кормления грудью можно выявить соединение с окончательным удовлетворением, которое уже приобретает сходство с оргазмом; но в самое ближайшее время мы присутствуем при отделе-

---

[1] *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. С. 156.

нии одного от другого, поскольку сексуальность, вначале целиком опирающаяся на витальную функцию, в то же самое время *целиком охвачена движением, которое ее с этой функцией разъединяет.* На самом деле, прототип оральной сексуальности — это не кормление грудью, это вообще не кормление, но то, что Фрейд, под влиянием трудов Линднера, называет *das Ludeln oder Lutschen* (на французском: посасыванием). С этих пор объект отходит в сторону, цель, а также источник приобретают независимость по отношению к питанию и к пищеварительной системе. Вместе с сосанием мы подходим ко второму «признаку», упомянутому выше, который также тесно связан с тем примыканием, которое ему предшествует: к автоэротизму.

Автоэротизм: Фрейд заимствует этот термин у сексологов своей эпохи, в частности, у Хэвлока Эллиса, но придает ему совершенно новое значение. Он определяет его через отсутствие объекта (*Objektlosigkeit*): это тот случай, когда «влечение не направляется на другие лица». Такого рода определение сразу же вынуждает нас подчеркнуть, что если понятие автоэротизма выполняет крайне важную функцию в мышлении Фрейда, то в то же время оно приводит психоаналитическую мысль, а возможно, и мысль самого Фрейда, и к опре-

деленному заблуждению, касающегося «объекта» и изначального его отсутствия. С такой точки зрения речь идет о том, чтобы вывести объект, словно *ex nihilo*, взмахом волшебной палочки, из изначального состояния, рассматриваемого как совершенно «безобъектное». Следовательно, необходимо было «открыть» человеческого индивида его миру — как вещам, так и другим индивидам — отталкиваясь от того, что мы охотно назвали бы разновидностью биологического идеализма, еще менее мыслимого, нежели философский солипсизм. Вывести объект из состояния без объекта представляется некоторым психоаналитикам делом настолько невозможным, что они без колебаний утверждают — реакция, которая может быть похвальной по намерениям, но которая приводит лишь к иной ошибке — что сексуальность как таковая сразу же обладает объектом. Такова позиция психоаналитика Балинта, который стремится, часто подкрепляя свои рассуждения соблазнительными аргументами, доказать, что у ребенка существует «изначальная любовь к объекту».[1] С тех пор всякая психоаналитическая дискуссия, каса-

[1] *Balint M.* Primary love and psychoanalytic technique. Особенно: «Early Developmental States of the Ego Primary Objet of love». London, 1952.

ющаяся объекта, оказывается ограниченной рамками следующей альтернативы: либо полное отсутствие объекта у человеческого индивида, либо присутствие сразу же *сексуального* объекта. Кому удастся освободить нас от этой ложной апории? Выход указан нам в некоторых замечаниях, в отрывках, соответствующих моментам особой ясности фрейдовской мысли. Когда мы говорим об «особой ясности», то напоминаем, что некоторые открытия могут быть позабыты, отодвинуты в сторону, отброшены их автором: примеры этому мы имеем у самого Фрейда, в том числе и касающиеся того, что нас занимает.

Вот важный отрывок, который обнаруживается далее, в третьем «Очерке», но который резюмирует утверждения второго «Очерка»:

«Когда самое первое сексуальное удовлетворение было связано с принятием пищи, сексуальное влечение имело в материнской груди сексуальный объект вне собственного тела. Позже оно лишилось его, может быть, как раз тогда, когда у ребенка проявилась возможность получить общее представление о лице, которому принадлежит доставляющий ему удовлетворение орган. Обыкновенно половое влечение становится тогда автоэротичным, и только по преодолении латентного периода снова восстанавливается первоначальное от-

ношение. Не без веского основания сосание ребенком груди матери стало прообразом всяких любовных отношений. Нахождение объекта представляет собой в сущности вторичную встречу».[1]

Такого рода текст звучит совершенно иначе, чем вся та грандиозная легенда об автоэротизме как о состоянии полного и изначального отсутствия объекта, состояния, отталкиваясь от которого можно было бы этот объект искать; автоэротизм, напротив, является вторичным периодом, периодом утраты объекта. Утраты «частичного» объекта, скажем мы, поскольку речь идет об утрате груди, и Фрейд здесь добавляет то важное уточнение, что, возможно, частичный объект утрачивается в тот момент, когда начинает прорисовываться полный объект, мать как личность. Но самое главное — если такого рода текст следует принимать всерьез, то он означает, что с одной стороны объект имеется с самого начала, но с другой стороны, сексуальность вначале не имеет реального объекта. Понятно, что реальный объект, молоко, был объектом функции, а эта последняя была чем-то заранее данным в мире удовлетворения. Именно этот реальный объ-

[1] *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. С. 185.

ект и был утрачен, но объект, связанный с автоэротическим возвращением, грудь — ставшая фантазматической грудью — это объект сексуального влечения. Таким образом, сексуальный объект не идентичен объекту функции, он смещается по отношению к нему, он пребывает в том промежуточном состоянии, которое заставляет нас незаметно переходить от одного к другому, от молока к груди как его символу. «Нахождение объекта — так завершает Фрейд формулу, ставшую знаменитой — представляет собой в сущности вторичную встречу», что мы комментируем следующим образом: объект вторичной встречи — это не утраченный объект, но его заменитель посредством смещения, утраченный объект — это объект самосохранения, это объект голода, а объект, который стремятся обнаружить в сексуальности, — это объект, смещенный по отношению к этому первичному объекту. Отсюда, очевидно, невозможность обнаружить когда-либо этот объект раз и навсегда, поскольку объект, который утрачен, — это не тот же самый объект, который назван объектом вторичной встречи. Именно в этом состоит внутренний механизм той «ошибки», которая возникает в самом начале сексуального поиска.

Сексуальная *цель* также находится в совершено особом положении по отношению к цели

пищеварительной функции; она одновременно и та же самая и иная. Целью питания было глотание; в психоанализе мы говорим о поглощении, внедрении, проникновении внутрь. Термины могут показаться весьма близкими и тем не менее они сдвинуты, смещены по отношению друг к другу. В поглощении, внедрении, цель становится сценарием фантазма, сценарием, заимствующим у функции ее тональность, ее язык, но добавляющим глотанию все, что подразумевается под термином «каннибализм», включая такие значения, как сохранение в себе, разрушение, усвоение. С другой стороны, поглощение расширяет глотание целым рядом возможных связей; речь идет не только о пищевом глотании, поскольку можно представить поглощение, происходящее в иных телесных системах, нежели пищеварительный тракт: в психоанализе мы также говорим о поглощении на уровне других телесных отверстий, на уровне кожи, например, или на уровне глаз. Говоря о поглощении взглядом, мы способствуем истолкованию некоторых симптомов. Таким образом, от цели функции к сексуальной цели существует переход, который может быть определен как некоторое смещение, смещение, которое на этот раз сопровождается аналогией, метафорой, а не ассоциативной цепочкой промежуточных связей.

Наконец, прежде чем оставить вопрос о том, что происходит с целью при примыкании, следует заметить, что мы, рядом с таким действием или с таким фантазматическим сценарием, обнаруживаем цель другого типа, связанную, несомненно, с этим сценарием, но гораздо более локализованную, гораздо менее «диалектичную», — стремление получить «удовольствие на месте», получить наслаждение от сосания. Между фантазматической целью поглощения и этой целью, гораздо более локализованной и гораздо менее легкодостижимой, нежели возбуждение губ, неизбежно существует целостная связь, которую мы должны рассмотреть заново.

Остается проблема *источника*. Мы только что отметили, что, возможно, речь идет о самой главной проблеме, если верно, что то, что мы в настоящее время исследуем, является *первоначалом*, а следовательно, как раз и представляет собой *источник* сексуальности. Подчеркнем, что для нас, как и для Фрейда, речь не идет только об игре словами, так как в «Трех очерках» мы встречаем два значения понятия *источник*, одно из них переходит в другое, и этот переход необходимо исследовать. В первый раз слово источник берется в более конкретном и более локальном значении термина, как *эрогенная зона*: всегда в связи с ораль-

ной сексуальностью, как зона губ, возбуждаемая во время протекания молока. Как если бы существовало биологическое приспособление, которое «вызывало бы к жизни» сексуальность некоторых заранее установленных зон, подобно тому, как определенное физиологическое приспособление порождает потребность пищеварения в некоторых локальных напряжениях; следовательно, мы имеем представление об источнике в значении чисто физиологического процесса. Но мы встречаемся и с другим смыслом термина, который по меньшей мере столь же интересен, хотя в то же самое время и отличается более общим содержанием. Мы постепенно переходим от эрогенной зоны, как привилегированного места возбуждения, к целому ряду процессов гораздо более широкого значения. Уже в тексте «Трех очерков», но еще больше по мере того, как размышления Фрейда расширяются благодаря клиническому опыту, можно заметить, что эта способность быть исходной точкой сексуального возбуждения ни в коей мере не является привилегией таких последовательно описываемых зон, как участки оральной, анальной, уретральной или генитальной сексуальности. На самом деле не только локализованные зоны кожно-слизистого покрытия, но и любой участок кожи способен

быть исходной точкой сексуального возбуждения. В более поздний период Фрейд будет полагать, что эрогенным (производящим сексуальное возбуждение) является не только любой участок кожи, но и любой орган, даже внутренний орган; при этом он опирается, в частности, на интерпретацию симптома ипохондрии. Затем, в еще более широком смысле, приходится утверждать, что всякая функция, в конце концов, всякая человеческая деятельность может быть эрогенной. Мы опираемся здесь на ту часть «Трех очерков», которая касается «косвенных источников» сексуальности, чтобы на этот раз заметить, что «источник» сексуальности, вместо того, чтобы быть только биохимическим процессом, локализуемым в одном органе или в нескольких различных ячейках, может быть таким же процессом общего характера, как и механическое возбуждение тела в целом; возьмем, например, укачивание ребенка или сексуальное возбуждение, которое может возникнуть от ритмичных сотрясений при путешествии по железной дороге; возьмем сексуальное возбуждение, связанное с мышечной активностью, в особенности, с занятиями спортом. Затем, в еще более широком смысле, Фрейду приходится утверждать, что интенсивный интеллектуальный труд сам по себе может быть

исходной точкой сексуального возбуждения — факт, подтверждаемый самым банальным клиническим наблюдением. Так же обстоит дело с такими процессами общего характера, как аффекты, особенно, «тягостные» аффекты; внезапно возникшее состояние тревоги нередко порождает сексуальное возбуждение. Впрочем, у нас еще будет возможность, когда мы обратимся к феномену мазохизма, вернуться к тягостному аффекту как к «косвенному источнику» сексуальности.

Вот заключение Фрейда по этому поводу:

«В этих источниках сексуального возбуждения решающее значение имеет качество раздражений, хотя и момент интенсивности (при боли) не совсем безразличен. Но, кроме того, в организме имеются такие приспособления, вследствие которых при многих внутренних процессах возникает, как побочное явление, сексуальное возбуждение, как только интенсивность этих процессов переходит известные количественные границы. То, что мы назвали частичными влечениями сексуальности, или непосредственно исходит из этих внутренних источников сексуального возбуждения, или составляется из того, что дается этими источниками и эрогенными зонами. Возможно, что в организме не происходит ничего более или менее значительного, что не должно было бы

отдавать своих компонентов для возбуждения сексуального влечения».[1]

Здесь очевидно, что Фрейд отдает приоритет не источнику в узко физиологическом смысле, но источнику в так называемом «косвенном» значении, в смысле «внутреннего источника», который всего лишь сообщает сексуальную тональность всему тому, что происходит в организме за пределами определенной количественной границы. Такое повторное определение источника интересно тем, что всякая функция, всякий жизненный процесс может «выделять» сексуальность, тем, что любое потрясение к этому причастно. Сексуальности в целом свойственно легкое отклонение от функции, ее *клинамен*... Для нее характерен этот клинамен, но в той мере, в какой он приводит к автоэротической интериоризации.

Что же в конечном счете представляет собой источник влечения? В рамках такого подхода можно сказать, что это инстинкт в целом. Инстинкт в целом, вместе с его «источником», его «напряжением», его «целью» и его «объектом», какими мы их определили, инстинкт, вооруженный и экипированный его четырьмя факторами, является, в свою очередь, источником процесса, который ему подражает, ко-

---

[1] *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности.

торый его замещает и его искажает: источником влечения. В известном отношении эрогенная зона, соматически привилегированная, не является источником в том же самом смысле, в каком можно говорить о соматическом источнике инстинкта, она определяется, скорее, как точка, особо предрасположенная к тому побочному эффекту, к тому *Nebenwirkung*, о котором мы только что упоминали.

Мы подошли к концу нашего весьма краткого обзора. Оставим третью часть «Трех очерков», ограничившись упоминанием о вторичной встрече с инстинктом; вторичной, как и при всякой находке — мы это только что показали в случае со вторичной встречей объекта — то есть, с чем-то иным, нежели то, что было вначале, так как находка — это всегда находка *чего-то иного*. Очевидно, это период Эдипа. Оставим, таким образом, этот третий этап и обратимся к тому, что придает смысл, направленность и единство двум первым частям. Еще раз поразмыслим над тем, что они нам дают, и используем для этого понятие *извращения*, поскольку именно о нем идет речь как в первой части, касающейся сексуальных отклонений взрослого, так и во второй, с характерным для нее представлением о ребенке как о «полиморфном извращенце». Рассмотрим, таким образом, этот термин извращения

и специфику того, что происходит внутри самого этого понятия. Извращение? Это понятие обычно определяется как *отклонение от инстинкта*, что предполагает особый путь и особую цель и подразумевает, что от них отклоняются, что избирают *девиантный* путь (в биологии, а теперь и в гуманитарных науках, говорят о «девиантах»). Если обратиться к какому-нибудь труду по психиатрии, то можно заметить, что авторы допускают самые разные извращения, в области любого инстинкта и в соответствии с тем числом инстинктов и с той их классификацией, которую они принимают; не только сексуальные извращения, но также, и главным образом, извращения нравственного чувства, извращения социального инстинкта, извращения инстинкта питания и т. д. В «Трех очерках», наоборот, Фрейд основывает свое понятие извращения только на сексуальных извращениях. Стоит ли говорить, поскольку речь идет об определении отклонений по отношению к норме, что сам Фрейд мог бы придерживаться понятия сексуального инстинкта? И в конечном счете определение «сексуального инстинкта» могло бы предложить пересмотренную и улучшенную версию «популярной концепции»... Но дело обстоит иначе, и диалектика Фрейда более фундаментальна. Изменения, на которые мы только что указа-

ли, изменения в изложении, которые в одно и то же время являются и изменениями в мышлении и изменениями самих вещей, состоят в том, что исключение — мы хотим сказать извращение — в конце концов исключает вместе с собой и само правило. Исключение, которое должно предполагать существование определенного инстинкта, заранее данной сексуальной функции, вместе со строго определенными нормами ее выполнения, это исключение в конечном счете подрывает и разрушает понятие биологической нормы. Любая сексуальность впоследствии становится извращением, по крайней мере, любая детская сексуальность.

Что же тогда извращается, если речь уже не идет о «сексуальном инстинкте», по крайней мере, у маленького ребенка? Извращается всегда инстинкт, но как витальная функция он извращается сексуальностью. Таким образом, вновь приходится соединять и разъединять два понятия, которые мы обсуждали в начале этого раздела, понятие влечения и понятие инстинкта. Влечение в собственном смысле слова, в единственном смысле, который был бы верен фрейдовскому открытию — это сексуальность. Итак, сексуальность в целом, у маленького человеческого существа, охвачена изменениями, которые отклоняют ее от инстинкта, которые превращают ее цель в метафору,

которые смещают ее объект, интериоризируют его, которые, наконец, в случае необходимости сосредоточивают его источник вокруг минимальной зоны, эрогенной зоны. Эта эрогенная зона, которую мы имели время обсудить, указывает на интерес, который с ней связан. Это что-то вроде точки разрыва или возвращения в телесную оболочку, так как речь всегда идет прежде всего о сфинктерных отверстиях, таких, как рот, анус и т. д. В то же время это зона обмена, поскольку важнейшие биологические процессы обмена проходят через нее (мы вновь имеем в виду питание, но, кроме того, и другие виды обмена). Зона обмена — это также зона особой заботы, если под заботой иметь в виду хлопоты и внимание матери. Эти зоны притягивают к себе первые эрогенные действия со стороны взрослого. Еще более важным значением обладает тот факт, что если на сцену выходит субъективность первого «партнера», эти зоны фокусируют на себе родительские фантазмы, прежде всего, материнские, и можно сказать, что они представляют собой точки, через которые в ребенка входит то внешнее инородное тело, каким, собственно говоря, и является сексуальное возбуждение. Именно это внешнее инородное тело и его становление в человеческом существе и образует объект нашего дальнейшего исследования.

II. СЕКСУАЛЬНОСТЬ И СТИХИЯ ЖИЗНИ В ПСИХИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ

Прежде чем начать этот второй раздел, также посвященный сексуальности, мы предложим несколько рассуждений относительно нашего предыдущего размышления, разумеется, слишком поспешного, чтобы, исходя из самой жизни, из уровня витальности, проследить генезис сексуальности у Фрейда. Вначале отметим, что речь здесь может идти только о чем-то весьма несовершенном и приблизительном. Мы изложили лишь один аспект проблемы сексуальности. Сам термин *генезис* напоминает о понятии возникновения, о возможности линейного, последовательного постижения, понимания предыдущего посредством последующего; о точке зрения, которая должна быть выстроена в обратном порядке: с одной стороны, предложенный генезис подразумевает то, что было ранее — скажем, саму жизнь, витальный уровень — и что включает в себя

то, что можно назвать фундаментальным несовершенством человеческого существа, его подлинной ущербностью. То, что «извращается» сексуальностью, — это, разумеется, функция, но функция немощная, недоношенная. В этом и заключается проблема «жизни» человека, проблема возможности, или, скорее, невозможности постичь ее «за пределами» того, что затем ее «скрывает» (предположим, что эти термины еще сохраняют значение, которое не может быть чисто дидактическим). С другой стороны, в той же самой мере именно то, что происходит после, является наиболее значительным, возможно, именно оно и позволяет понять и истолковать то, что, как мы полагаем, происходило ранее. Мы намекаем здесь на понятие, которое также преобладает в мышлении Фрейда и которое теперь совпадает своими гранями с тем, что мы попытаемся показать, на понятие «последействие» (*Nachträglichkeit*[1]).[2]

---

[1] Ж. Лакан первым по достоинству оценил это понятие, являющееся составной частью того, что можно назвать официальным концептуальным аппаратом Фрейда.

[2] «Последействие» (*Nachträglichkeit)* — слово, не существующее в русском языке. Есть мнение, по-видимому, разделяемое Лапланшем, что понятие «последействия», обозначающее особый тип темпоральности, является наиболее фундаментальным в пси-

Наше второе предварительное размышление, в равной степени направляемое Фрейдом, будет касаться того чрезвычайного расширения, которому психоанализ подвергает понятие сексуальности, расширения, выражающегося как в увеличении объема понятия, так и в его понимании. Речь идет о расширении, поскольку теперь сексуальность охватывает не только небольшой сектор генитальной активности, не только извращения, не только неврозы, но и всякую человеческую деятельность, что доказывает, например, введение понятия сублимации. Здесь необходимо напомнить о термине «пансексуализм», который выдвигался против Фрейда как настоящая боевая колесница, как полемическое оружие, против которого он часто затруднялся найти ответ. Разумеется, он от него защищался, с энергией, необходимой для отражения вражеской атаки, но тем не менее он делает это всегда окольным путем. Пансексуализм — Фрейд чаще всего делает вид, что понимает этот термин в самом уничижительном и в самом пригодном для обороны смысле, принимая буквально упрек своих противников, не отличающихся, надо сказать, особой тонкостью: вы все объясняете исключительно одной

хоанализе, придавая ему несомненный философский характер.

сексуальностью. У него есть ответ там, где это и не требуется, и он напоминает, что вся его теория основана на конфликте, и что конфликт подразумевает двойственность; действительно, необходимо, чтобы что-то противостояло сексуальности, даже если этот противоположный термин определяется различным образом в тот или иной момент мышления Фрейда: это может быть другой тип влечения — то, что Фрейд называл влечением к самосохранению или влечением к собственному Я, — это может быть само Я, как инстанция, наконец — это будет в последних работах — влечение к смерти. Фрейд, следовательно, отвечает на возражение, которое он желает сформулировать самым нелепым образом: вы все объясняете исключительно одной сексуальностью; но на самом деле, и именно поэтому он и не отвечает на возражение: вы повсюду находите сексуальность. Так как «пансексуализм» не обязательно говорит о том, что сексуальность — это «все», но, возможно, *во «всем»* имеется сексуальность. «Именно поэтому», если, как мы попытались показать, *все что угодно* может породить сексуальность, то это предполагает, что *все что угодно* может также и вернуть к ней в нашем клиническом опыте.

В конечном счете настоящий ответ Фрейда на эту «клевету» заключается, скорее, в контра-

таке: ваше возражение, бросает он упрек, — это всего лишь признак вашего собственного вытеснения. Мы процитируем здесь текст, поражающий своей актуальностью, особенно если обратиться к самым последним исследованиям, объектом которых является распространение психоаналитических понятий в современном обществе. В своем труде о «Психоанализе его образе и его публике»[1] Московичи намеревается точно определить посредством того метода анкетирования, который практикуется в социальной психологии, что же именно имеет в виду публика наших дней под этим термином: Московичи просто отмечает тот факт, что не для специалистов, разумеется, а для человека с улицы «психоанализ» означает «вытеснение» и «сексуальность». А вот что заявляет Фрейд в своем предисловии 1920 г. к четвертому изданию «Трех очерков»:

«После того как стихли бушующие волны военного времени, можно с удовлетворением установить, что интерес к психоаналитическому исследованию во всем огромном мире не угас. Но не все части учения постигла одинаковая судьба. [Именно это и доказывает Московичи более научным методом.] Чисто пси-

---

[1] *Moscovici S.* La Psychanalyse, son image et son public. Paris, P.U.F., 1961.

хологические положения и открытия психоанализа о бессознательном, о конфликте, ведущем к болезни, о вытеснении, о выгоде от болезни, о механизмах образования симптома и др. пользуются всевозрастающим признанием и принимаются во внимание даже принципиальными противниками. [Что касается психоаналитической «психологии», то весь мир начинает с ней соглашаться, весь мир все более и более вступает в согласие ее принять и к ней приспособиться.] Граничащая с биологией часть учения, основы которой изложены в этой маленькой работе, все еще вызывает такие же возражения, и даже побудила некоторых, кто в свое время интенсивно занимался психоанализом, отойти от него и выработать новые взгляды, благодаря которым роль сексуального момента в нормальной и больной душевной жизни снова ограничивается».

Мы только что упоминали о том, что обнаружило анкетирование Московичи: для «неспециалиста» именно сексуальность резюмирует собой самое важное из вклада психоанализа в современную мысль. Вопреки этому Фрейд подчеркивает, что для «ученых» именно сексуальность остается в тени, тогда как гораздо легче принимаются определенные механизмы, описываемые психоанализом, например, вытеснение, преимущества заболевания

и т. д. Скажем, кратко и полемически, что принимается вытеснение, но вытесняется вытесненное; а вытесненное и есть сексуальное.

Процитируем другой отрывок того же самого предисловия; Фрейд отвечает здесь на обвинение в «пансексуализме», и мы увидим, что он в известном смысле не запрещает себе быть пансексуалистом:

«Необходимо, однако, далее припомнить, что многое из того, что составляет содержание этой книги, подчеркивание значения сексуальной жизни во всех проявлениях человеческой деятельности и сделанная здесь попытка расширить понятие сексуальности всегда были самыми могучими мотивами сопротивления против психоанализа. Исходя из потребности в полнозвучном лозунге, дошли до того, что стали говорить о “пансексуализме” психоанализа и делать ему бессмысленный упрек, что он объясняет “все” сексуальностью. Можно было бы удивляться, если бы мы были еще только в состоянии сами забыть аффективные моменты, запутывающие и заставляющие все забывать. Ведь философ Артур Шопенгауэр уже давно указал людям, насколько их действия и мысли предопределяются сексуальными стремлениями в обычном смысле слова; и целый мир читателей ведь должен был оказаться неспо-

собным выкинуть из своей головы такое изумительное указание!»

Рассмотрим теперь другую проблему, уже не проблему расширения (в логическом смысле термина) сексуальности в любой области человеческой деятельности, а проблему, которую ставит расширение понимания, а в конечном счете и подлинное изменение того смысла, который придается термину сексуальности. Вот те несколько слов, которые Фрейд посвящает ей в том же самом предисловии:

«Что же касается "расширения" понятия о сексуальности, ставшего необходимым благодаря анализу детей и так называемых перверсивных, то да позволено будет напомнить всем тем, кто с высоты своей точки зрения с презрением смотрит на психоанализ, как близко расширенная сексуальность психоанализа совпадает с Эросом "божественного" Платона».

О «сексуальности в более широком смысле» на самом деле и идет речь, поскольку мы переходим от сексуального как витального инстинкта к сексуальному как всеобщему извращению инстинкта (или, если использовать термин, который мы рассматриваем если не как синоним, то, по меньшей мере, как принадлежащий к тому же самому смысловому ряду, извращению функции). На протяжении всего своего творчества Фрейд, очевидно, бьется над

этой проблемой и защищается от возражений, которые по данному поводу могли против него выдвигать; для этого ему необходимо было попытаться дать новое определение сексуальности, поскольку он действительно заметил, что прежнее определение — то, которое опиралось на представление о генитальной сексуальности, имевшей свою устойчивую цель и точно определенный объект — утратило свою силу. На какое-то мгновение его внимание привлек один термин, который, вероятно, высоко оценивался сексологами, испытывавшими притяжение со стороны психоанализа: речь идет о выражении «органическое удовольствие», как раз и обозначавшем это извращение инстинкта и противостоящем — нам эта гипотеза кажется весьма вероятной — представлению о «функциональном удовольствии». Сексуальность как раз и является локализованным, автоэротическим удовольствием, непосредственным органическим удовольствием, а не удовольствием функциональным, включая всю ту открытость объекту, которую этот термин подразумевает. Фрейд иногда использует термин «органическое удовольствие», использует в той мере, в какой он может помочь пониманию, но он также относится к нему и с недоверием, так как введением синонима рискует перечеркнуть утверждение, что любой опи-

сываемый процесс имеет отношение к сексуальному; упразднить само слово «сексуальный» означает для него отказаться от самой идеи: нам известно, насколько Фрейд щепетилен в вопросе о словах, и мы видим, что он неоднократно утверждает, что сделать уступку в словах — значит на три четверти уступить и в самом содержании мысли. В любом случае нам кажется, что если эта трудность, над которой бьется Фрейд, указывает на некоторую расплывчатость его мысли, то речь идет о неизбежной расплывчатости, о той, что временно возникает тогда, когда при диалектическом развитии науки одна теория оказывается отвергнутой, замененной новой теорией, общая аксиоматика которой позволяет охватить прежнюю теорию как частный случай. С точки зрения субъекта, ученого, научная революция внезапно расширяет значение понятия, выбивая, можно сказать, почву из-под ног. Так обстоит дело и с самим Фрейдом: мы видим, как он уповает на гормональное, химическое, биологическое определение сексуальности, связываемое с более или менее отдаленным будущим науки; либо мы видим, как он просто воспроизводит, словно не может продвинуться дальше, причины, вынуждающие его *сближать* сексуальное с популярным, «генитальным», значением термина. Напомним главные

аргументы: например, *сходство*, которое может существовать между предгенитальным и генитальным наслаждением; *смежность*, незаметные переходы, связывающие между собой целый ряд наслаждений, причем окончательное наслаждение часто является генитальным или во всяком случае удовольствием, имеющим генитальное значение. Вспомним, например, что касается ребенка, обо всех переходах, которые не являются чисто генитальными, но которые приводят к мастурбации; вспомним, что касается взрослого, о том, что называется предварительным удовольствием в половом акте; вспомним об извращенном поведении, которое может быть связано с экстрагенитальными практиками, но относительно которого мы обязаны видеть, что оно также приводит к сексуальному возбуждению в узком смысле термина; вспомним, наконец, обо всех связях, которые мы обнаруживаем в невротическом симптоме, связях между несексуальным удовольствием и наслаждением в сексуальном значении. Наконец, мы обнаруживаем аргумент «вытеснения», аргумент *ad hominem*, который с точки зрения обычной логики является вызывающим и порождает раздражение, но который неотразим в логике психоанализа; вот какую форму он принимает в данном случае: если «сосание», эта автоэротическая ма-

нифестация, осуждается матерями, то дело в том, что они скрыто признают за ней характер «дурной привычки», и каждый знает, что «дурная привычка» — это лишь риторическая фигура, скрывающая привычку к возбуждению и сексуальному наслаждению. У матерей постоянно обнаруживается двойственная оппозиция: одновременно и по отношению к *понятию* детской сексуальности и при встрече с ее *проявлениями*. Что означает, что они в одно и то же время высказывают два противоречивых предложения: ребенок сексуально невинен и, поскольку это не так, он достоин осуждения. Мы узнаем одну из форм знаменитого рассуждения о кастрюле, которое использует все ложные основания, чтобы в конечном счете отвергнуть определенный факт: вы мне никогда не давали эту кастрюлю, между прочим, она уже была дырявой, и в любом случае я вам ее вернул. Во всех отношениях сексуальность, в смысле Фрейда, приводит к вытеснению и к отрицанию. Речь идет о чем-то туманном, темном и, возможно, достойном бесповоротного осуждения, даже если в наши дни, в постфрейдистскую эру, выражение «детская сексуальность» пугает значительно меньше. В связи с этим мы процитируем хитроумное замечание одного детского психоаналитика, которому мы однажды задали вопрос: что же все-таки

означает, в вашем опыте, эта детская сексуальность, о которой столько говорят? Ответ был приблизительно следующим: это удобное название, которое взрослые используют, чтобы скрыть целую кучу ужасных вещей, которые они не желают видеть.

Сексуальность — это, следовательно, вытеснение как таковое, и во всех произведениях Фрейда, с самого первого и до самого последнего, это утверждение повторяется вновь и вновь. Что может помешать пониманию этого тезиса и что порождает иллюзии всего «психологизирующего» течения в нашей дисциплине — так это тот факт, что Фрейд иногда давал описание *механизма* конфликта или *механизма* вытеснения, не обращая внимания на его содержание. Мы, в частности, намекаем здесь на один поздний текст, «Очерк психоанализа» (1938), который, какие бы ценные указания он не содержал, описывает в первую очередь — посредством уловки в изложении, которая не исключает серьезных неудобств — психический конфликт как абстрактный конфликт между еще не определенными точно «инстанциями», с одной стороны, Я, с другой тем, что называют «Оно», вместилищем влечений, не располагая в этом «Оно» ничего определенного, не размещая там никакого конкретного влечения, в частности, сексуальности. Эти описания вы-

зывают впечатление, особенно у авторов, которые заняты изложением метапсихологии Фрейда, что с одной стороны существуют психологические процессы, адекватно описываемые в терминах механики, и что с другой стороны эту абстрактную схему конфликта можно заполнить «влечением» любого типа, здесь сексуальностью, в другом случае агрессивностью, или чем-то еще. Тем не менее немного далее в «Очерке психоанализа» Фрейд возвращается к этой теме и ставит ясный вопрос: хотя важнейшие признаки конфликта и механизм вытеснения и могут быть описаны во всей их всеобщности, так, как он это делает, но не образует ли на самом деле сексуальная жизнь того слабого места, на которое вытеснение распространяется в первую очередь? Почему вытесняется одна только наша сексуальность? На этих страницах мы обнаруживаем несколько точных указаний, касающихся специфических признаков сексуального влечения у человека, в частности, ее «двухфазное становление», тот факт, что сексуальность появляется в два этапа: с одной стороны, фаза детства, с другой стороны, фаза созревания и взросления, и их разделяет длительный период, называемый латентным. Здесь есть обстоятельство, значение которого гораздо более важно, чем простое «взросление», образующее его основание. Речь идет о процес-

се, предполагающем ритм времени: первое появление — которое можно назвать преждевременным — сексуальности; ее отход на второй план посредством вытеснения; возобновление прежних признаков на основе физиологических возможностей, на этот раз адекватных ее цели. Этот ритмический фактор, как мы вскоре увидим, Фрейд выводит на сцену в феномене вытеснения. Другое, не менее интересное замечание в том же отрывке подчеркивает то, что можно назвать искажением сексуальности у человека в сравнении с животным: например, утрату периодического характера сексуального возбуждения, который, как известно, характерен для сексуальности животного. Здесь именно природный, функциональный ритм (ритм течки) исчезает, в то время как устанавливается иной тип последовательности, непонятный, если не обратиться к таким категориям, как вытеснение, воспоминание, переработка, последействие...

Все эти замечания «Очерка» весьма впечатляют, но относительно слабо развиты и слабо связаны между собой. Сексуальность действительно обозначается как «слабое место» психической организации, но что связывает эту «слабость» и процесс вытеснения, не уточняется. Словно этот поздний текст представляет собой лишь приглушенный отзвук того вопроса, кото-

рый Фрейд в гораздо более острой форме ставил с самого начала своих метапсихологических исследований, еще в 1895 г.: *«Должен существовать признак сексуального представления, объясняющий, что только сексуальные представления подвержены вытеснению»*. Мы процитировали «Проект научной психологии» (1895), текст, имеющий важнейшее значение для данного исследования, если верно, что именно в это время была предпринята наиболее продуманная попытка органично, изнутри связать вытеснение и сексуальность в рамках одной и той же теории. Мы здесь имеем дело с тем, на что можно наклеить ярлык «теории обольщения» или «теории истерического *proton pseudos*»[1], теории, создающей основу не только всей второй части «Проекта научной психологии», но и подавляющего большинства теоретических сочинений в период, продолжающийся до 1900 г. Теории обольщения, теории *proton pseudos*? Разумеется, трудно извлекать понятия из определенной

---

[1] Во второй части *Проекта* Фрейд вводит *proton pseudos* в связи с истерией. Сам термин восходит к Аристотелевской теории силлогизма, в которой описывается связь между ложными посылками и ложными заключениями: если посылки ложны, то выводы будут ложны с необходимостью, при всем правдоподобии опосредующего размышления. Случай с Эммой как раз этого рода.

терминологической оболочки, из определенного, частично устаревшего концептуального аппарата, который затрудняет доступ к «Проекту научной психологии». Неудобства современного читателя при чтении этого текста очевидны. Либо он буквально воспринимает используемую Фрейдом концептуализацию до момента, когда, опомнившись, он будет вынужден задать себе вопрос, не втянут ли его в чудовищное псевдонаучное предприятие, весьма далекое от «психологических реалий»; либо он сразу же пытается различать то, что возникает из зарождающегося психоаналитического опыта, и то, что является остатком банального сциентистского способа мышления; но если принимается эта вторая позиция, то следует признать, что значительная часть содержания *Entwurf* должна быть тогда отвергнута. Тем не менее, вопреки мнению большого числа историков фрейдизма[1], несмотря на суждения самого Фрейда[2], мы позволили себе

---

[1] «*Проект* возникает как самая грандиозная попытка Фрейда заставить массу психических фактов войти в рамки количественной теории, а также как доказательство, посредством сведения к абсурду, того факта, что содержание выходит за эти рамки». — П. Рикер. Об интерпретации. (Ricœur P. De l'Interprétation. Paris, Le Seuil, 1965. P. 82–83.)

[2] «Я не стремлюсь более понять то состояние духа, в котором я нахожусь, когда я постигаю психологию;

войти в сложный лабиринт этого текста, подчинившись его вызывающей отторжение «техничности»; мы руководствовались уверенностью, что значительное произведение — основанное на не менее значительном опыте — нельзя так легко расчленить на плохие и хорошие части.

Не приступая сегодня к этому длительному обзору, даже не начиная его, мы тем не менее попытаемся подойти к самому важному в содержании понятия *обольщения*. Обольщение, по мысли Фрейда, раскрывается на двух уровнях: это, с одной стороны, *клиническая констатация*, последовательно подтверждаемая, неподтверждаемая, подвергаемая сомнению, вновь подтверждаемая и так вплоть до самых последних сочинений, а с другой стороны, это *теория*, разрабатываемая на основе наблюдения фактов обольщения.

Констатация с самого начала весьма простая. Посредством психоаналитического метода обнаруживается то, что на первый взгляд дано как воспоминания — в любом случае речь пойдет о сценах, какой бы ни была приписы-

---

я не могу себе объяснить, как я сумел бы тебе это состояние навязать. Я полагаю, что ты слишком вежлив; это кажется мне разновидностью заблуждения».

Фрейд З. Письмо Флиссу от 29 ноября 1895 г. Aus den Anfängen der Psychoanalyse. № 46. Londres, Imago, 1950.

ваемая им степень реальности, — о сценах, где взрослый выдает ребенку сексуальные авансы, будь это простые слова или более менее ясные жесты, иногда даже сексуальные акты, если и не завершенные, то начатые. В «Исследованиях истерии» (опубликованных в 1895 г.), содержащих, главным образом, сообщения о первых терапиях Фрейда и Брейера, на каждом шагу обнаруживается ссылка на обольщение в истерических воспоминаниях. В некоторых наблюдениях эти воспоминания сообщаются в той форме, в какой они и были обнаружены; иногда они частично искажены или подвержены цензуре (как он будет это объяснять позже), когда автор еще не осмеливается прямо смотреть на свое открытие во всей его широте, открытие, хотим мы сказать, комплекса Эдипа, и когда он приписывает какому-то «дяде» то, что на самом деле (это нам уточняют в примечании) было сделано его отцом. Так, у больных истерией, излечиваемых в тот период «методом катарсиса», обольщение было общим сценарием, часто обнаруживаемым в последовательности сцен, к которым Фрейд обращался с энтузиазмом, неутомимо разыскивая за более поздней сценой аналогичное событие, но еще более раннее и более «травматичное». Этот страстный поиск сцен, какой-то определенной сцены и в конечном счете «изначальной» или

первичной сцены должен, в конце концов, привести к драматическому разочарованию, которое находит свое выражение в одном из писем Флиссу, в письме от 21.09.1897 г., под номером 69, из которого мы процитируем некоторые фрагменты, снабдив их комментариями:

«Я вновь, дорогой Вильгельм — мы вернулись вчера утром — бодр, в хорошем настроении, беден, ничем в настоящий момент не занят, и я пишу тебе, полностью восстановив свои силы. Необходимо, чтобы я доверил тебе один большой секрет, который в течение последних месяцев медленно мне приоткрывался. Я не верю более в мою *невротику* [а именно — в теорию невроза, основанную на обольщении и «*proton pseudos*»], что нельзя понять без объяснений; ведь и ты сам находил правдоподобным то, о чем я тебе говорил. Я, таким образом, собираюсь начать сначала и показать тебе, как возникли мотивы более в нее не верить. Постоянные неудачи в доведении отдельного случая анализа до реальных выводов; уход из анализа тех, кто был долгое время сильно захвачен (анализом); возможность объяснить себе частичные успехи иными, обыденными вещами — это первая группа [здесь Фрейд довольствуется тем, что самым общим образом резюмирует свои терапевтические неудачи]. Затем удивление, что во всех случаях

отец, не исключая моего собственного, должен быть извращенцем [действительно, если требовалось обнаружить сцены обольщения, то требовалось также распространить клиническую диагностику и на отца этих больных истерией и допустить, что он был сексуальным извращенцем, если он набрасывался на своих детей], и признание, что необычайной частоте истерии с одними и теми же свойствами вряд ли может соответствовать такое же широкое распространение извращений по отношению к детям. Тем более, что количество случаев извращения должно быть гораздо больше, чем случаев вызванных ими истерий, поскольку болезнь возникает только при повторявшихся событиях и дополнительных факторах, ослабивших защиты.

[Фрейд приводит здесь что-то вроде статистического возражения: сексуальное извращение родителей встречается гораздо чаще, чем истерия у детей, так как необходимо предполагать, что существует гораздо больше случаев обольщения, чем те, что при определенных обстоятельствах привели к истерии как неврозу.][1] В-третьих, реализация того, что

---

[1] Если вместе с В. Граноф и Ф. Перье (*Проблема извращения у женщин и женские представления* в журнале *Психоанализ* № 7 , 1964.), что как раз в *мате-*

в подсознании отсутствуют указания на реальность, так что невозможно разделить истину и выдумку, которая была спровоцирована аффектом [то есть, истину и фантазм. Перед нами главная идея фрейдовской теории: в бессознательном мы не находим никакого «индекса реальности», который позволяет различить «реальное» воспоминание от простого воображения]. В-четвертых, я был вынужден констатировать, что в наиболее глубоких психозах бессознательное воспоминание не дает о себе знать, поэтому тайна происшедшего в детстве даже в самых бредовых состояниях не обнаруживается [следовательно, даже в наиболее благоприятных для исследования случаях, случаях психоза, возвращение в прошлое в конечном счете никогда не приводит к первичному событию].»[1]

ринской заботе и проявляется, если не исключительным, то преобладающим образом, то, что можно назвать «извращенным отношением» у женщины (отношением, подобным фетишистскому извращению), то возникает аргумент, позволяющий пересмотреть и, может быть, отвергнуть то «статистическое» возражение, которое Фрейд противопоставил своей собственной теории обольщения.

[1] *Фрейд З.* Письмо Флиссу от 21 сентября 1897 г. в кн. La Naissance de la psychanalyse. Paris, P.U.F., 1956. Замечания в скобках принадлежат Ж. Лапланшу.

Короче говоря, Фрейд представляет, вопреки своей собственной теории, фактические возражения — невозможность вернуться к «сцене» — а также правовые аргументы: невозможность допустить такую частоту извращений у отцов и, главным образом, неспособность решить, является ли обнаруженная «сцена» реальной, или же она относится к фантазмам.

Это письмо было встречено как негативный момент, свидетельствующий о великом открытии и устраняющий препятствия на пути к фантазму, можно сказать, истинно «царском» пути психоанализа, если перефразировать то, что было сказано по поводу сновидения. Опыт этого открытия мы до сих пор и усваиваем, если верно, что центральная часть психоаналитической работы заключается в объяснении и анализе бессознательных фантазмов. Путь плодотворный для нас, так как ведет к объяснению фантазмов, но путь тягостный для Фрейда в той мере, в какой, несмотря на введение категории *психической реальности*, на которой он будет все более и более настаивать, он оказывается в плену у альтернативы, которую в наши дни мы пытаемся преодолеть, альтернативы между, с одной стороны, реальным, реальностью воспоминания о действительно пережитом, след которого можно обнаружить

чуть ли не полицейским способом[1], и, с другой стороны, воображаемым, традиционно понимаемым как нечто менее реальное. Скажем, что он недостаточно ясно выражает то, что тем не менее присутствует в понятии *психической реальности*, нечто такое, что обладает всей полнотой реального, но все же не подлежит проверке во внешнем опыте, категория, которую можно было бы при первом приближении обозначить как категорию «структуры».

Начиная с этого исторического момента 1897 г. во всем фрейдовском творчестве наблюдаются бесконечные колебания по поводу обольщения и, в более общем плане, реальности первичных сексуальных сцен. Мы не будем прослеживать историю этих колебаний, одно лишь существование которых доказывает, что Фрейд так окончательно и не овладел категорией *психической реальности*; таким образом, хотя он и утверждал, что совершенно неважно, является ли обнаруженное реальностью или фантазмом, поскольку фантазм для него также является реальностью, он не перестает обращаться к поиску реальных доказательств того,

---

[1] La psychanalyse et l'établissement des faits en matiere judiciaire par une méthode diagnostique // Essais de psychanalyse appliqué. Paris: Gallimard, 1933. P. 45–58.

что происходило в детстве. Напомним только, что главным подспорьем в этом отношении является анализ «человека-волка» и занимающая множество страниц в этом обзоре дискуссия о том, наблюдалась ли «изначальная сцена» — зрелище совокупления родителей — пациентом в действительности или просто возникла на основе более поздних событий или совершенно минимальных данных.

Тем не менее, несмотря на непрерывное колебание между такими терминами, как реальность, чистое воображение, ретроспективная реконструкция и т. д., Фрейд будет все больше и больше подтверждать фактическое существование обольщения, а в конце своего творчества (в «Новых Докладах») представит его как почти универсальную данность: и действительно существует обольщение, от которого ни одно человеческое существо не способно ускользнуть, — это обольщение материнскими ласками. Первые действия матери по отношению к ребенку неизбежно пропитаны сексуальностью, и это утверждение отбрасывает все то, что мы сформулировали по поводу поляризации детской сексуальности на «эрогенных зонах».[1]

Оставим теперь в покое обольщение как *сцену* и перейдем к *теории* обольщения. «*Pro*-

---

[1] См. окончание I части.

ton pseudos»: первая ложь, первая истеричная ложь. Больные истерией лгут, и это было известно и до Фрейда. Мы вместе с ним это констатируем, поскольку они в качестве сцены, принадлежащей их мнимому детству, предлагают нечто такое, о чем нам неоднократно приходилось думать, как о простом воображении. Они приняли свое воображение за реальность и, еще глубже, перенесли — в соответствии с определенными законами переноса — свое желание в реальность: здесь, где речь идет о том, что мы называем «изначальным фантазмом» обольщения, они переносят свое собственное желание соблазнить отца, превращая его в реальную сцену соблазнения отцом. Тем не менее, вместе с термином «*proton pseudos*», перед нами возникает нечто иное, чем субъективная ложь; это что-то вроде перехода от субъективного к основополагающему, даже, можно сказать, трансцендентальному; в любом случае что-то вроде объективной лжи, переплетенной с фактами. Сразу и окончательно психоанализ располагается вне нищеты официальной «клиники», которая не перестает ссылаться на неискренность и на симуляцию, чтобы учитывать то, что она называет «нервным расстройством». Если больные истерией и лгут, то они же являются и первыми жертвами лжи или обмана. Дело не в

том, что кто-то им солгал, но в том, что как-будто в самих фактах существует что-то вроде фундаментального обмана, для обозначения которого мы предлагаем термин «обманчивость». «Первичная обманчивость» — возможно, именно так следовало бы перевести «*proton pseudos*», во всей его специфичности.

Теория обольщения или «первичной обманчивости» — это теория вытеснения, то есть, теория главного условия защиты и, в «Проекте научной психологии», который действительно нацелен на построение психологии, проблема ставится в более общих рамках психологии защиты. Как раз в сравнении с нормальными условиями защиты специфика вытеснения и будет определена Фрейдом. Психологическое наблюдение на самом деле позволяет нам описать многочисленные случаи — защиты от восприятия или от болезненных воспоминаний, например — где используются нормальные психологические механизмы, вполне определенные и легко устанавливаемые. Эти механизмы приводят в действие различные факторы: функцию внимания со стороны нашего Я; постепенное затухание посредством повторения и частичной разгрузки; установление ассоциативных связей, которые позволяют связать это слишком «тяжелое» воспоминание с другими воспоминаниями и дру-

гими идеями, что приводит к включению их в ментальный поток, где его тяжесть постепенно разделяется на части и растворяется. Этот последний фактор образует то, что Фрейд называет «переработкой», процессом, который под названием «обработки» или «переработки» остается одной из движущих сил психоаналитического лечения: возвратить в поток ментальной жизни то, что до сих пор оставалось изолированным и замкнутым. Так, если этот механизм переработки используется нормальным способом, оказывается, что в некоторых случаях субъект не может к нему прибегнуть... Но процитируем вначале один отрывок, один их многих, где Фрейд описывает так называемый нормальный механизм защиты:

«При других обстоятельствах воспоминания могут вызвать и неприятные ощущения. Это совершенно нормально, когда речь идет о недавних воспоминаниях. Тогда, когда травма (опыт боли) происходит впервые, когда Я уже сформировано [это самое главное: когда *Я присутствует с самого начала процесса*, защита обычно осуществляется «нормальным» способом] — так как самые первые травмы полностью от моего Я ускользают — возникают неприятные ощущения, но Я уже работает и производит побочные инвестиции [речь идет о процессе подавления, который должен

воспрепятствовать тому, чтобы разгрузки происходили неконтролируемым способом]. Когда затем повторяется инвестирование следов в памяти [будем под этим понимать, что болезненное воспоминание пробуждается], повторяются и неприятные ощущения, но они уже проходят через Я [говоря обычным языком, Я к ним уже привыкло]; опыт показывает, что во второй раз возникшие неприятные ощущения слабеют, и так до того момента, когда, после множества повторений, они становятся сигналами определенной интенсивности, которые Я способно выдержать [самое важное, следовательно, в том что при первом возникновении неприятных ощущений начинается процесс, который затем постепенно затухает]. Необходимо, таким образом, чтобы при первом возникновении неприятных ощущений происходило подавление Я, чтобы процесс не осуществлялся по образцу первичного «посмертного» эмоционального опыта [вскоре мы увидим, что означает этот термин «посмертный»].[1]

Можно было бы привести многие другие отрывки, соответствующие всякий раз новой попытке — так как Фрейд, в *Entwurf*, пользуется методом последовательных приближений,

---

[1] *Freud S.* Esquisse d'une psychologie scientifique // Naissance de la psychanalyse. Paris, P. U.F., 1956. P. 369.

не претендуя предоставить завершенную работу — чтобы объяснить, как проходит эта «нормальная защита» посредством Я.

Но то, что обсуждается во второй части, посвященной психопатологии, это не нормальная защита, а *защита при истерии*. Оказывается у больного истерией воспоминание лишено этой возможности нормальной защиты посредством затухания, оно не подвержено/не доступно, не подвергается никакой переработке, и никакая ассоциативная сеть не связывает его (если утверждения Фрейда воспринимать буквально) с остальной психической жизнью. Чтобы более точным образом уловить смысл этого рассуждения, необходимо ввести два термина: с одной стороны, вытесненная сцена, неприятное воспоминание; с другой стороны, воспоминание, сопровождающее нечто очевидно второстепенное, обстоятельство, ограничивающее травматическое событие, которое остается в памяти в качестве симптома или «символа» первичной сцены, в то время как сама эта сцена не может быть возвращена в сознание. Связь между этими двумя терминами не может быть удержана в сознании, словно, если говорить терминами гидравлики или «психической экономики», вся «тяжесть» постоянно смещается от одного к другому, словно бессознательное воспоминание

не может сохранить достаточную тяжесть, но прямо, «во всю мощь», без какого-то ограничения и незамедлительно, передает весь свой аффект в сознательное воспоминание. Так в «Исследованиях истерии» одна больная, Катарина, во время своих приступов тревоги видит лицо, с которым она совершенно неспособна что-либо связать, лицо, абсолютно лишенное значения, но действительно становящееся исходным пунктом этой тревоги. Соответственно, сцена, которая вначале спровоцировала эту тревогу, и во время которой это лицо воспринималось, совершенно внешним образом, эта сцена остается недоступной. Всякое новое восприятие, раздражающее и пробуждающее бессознательное воспоминание о травмирующем событии, всякая новая повторяющаяся травма вызывает в разуме появление не самой сцены, но только ее символ. Фрейд предлагает схему всего этого, обозначая буквами *A* и *B* эти два элемента, с одной стороны — внешнее обстоятельство, с другой стороны — сцену, которая в реальности мотивировала вытеснение:

«*A* — это чрезмерно интенсивное представление, которое слишком часто появляется в сознании, всякий раз вызывая слезы [в случае «Исследований истерии», который мы только что упоминали, симптом заключался в приступе тревоги. В этом примере *B* было тем ли-

цом, которое видела Катарина, как настоящую галлюцинацию, и которое было связано с тревогой.]. Субъект не знает, почему *А* заставляет плакать, и рассматривает эту ситуацию как нелепость, не имея тем не менее возможности ей воспрепятствовать».[1]

То, что только что было описано, — это состояние перед анализом, когда существует симптом. Теперь изучим состояние после анализа:

«Было обнаружено существование определенного представления *В* [скажем: сцена], которое, вполне правомерно, вызывает слезы и которое, вполне правомерно, часто повторяется, до того момента, пока субъект не сможет выполнить, наперекор этому представлению, сложную психическую работу. [Эта психическая работа, как мы только что указали, является работой соединения. Именно так в этот период представляется аналитическая работа. Следовательно, сцена *В*, которая действительно оправдывала слезы, обнаруживается посредством анализа и вновь обрабатывается до того момента, пока она не лишится возможности приносить вред.] Эффект *В* не является нелепостью, субъект понимает его и может с ним бороться».

[1] Там же. С. 360.

«*B* [скажем: главная сцена] имеет некоторые точки соприкосновения с *A* [мнемоническим символом]. Происходит некоторое событие, заключающееся в *A* + *B*. *A* представляет в нем второстепенное обстоятельство, тогда как *B* обладает всем тем, что необходимо, чтобы произвести длительный эффект. Когда воспоминание об этом событии возникает вновь, все происходит так, словно *A* занимает место *B*. *A* становится заместителем, *символом B*. Отсюда впечатление абсурдности, поскольку *A* сопровождается последствиями, для которых оно не дает повода и которые с ним не согласуются».[1]

Если коротко, то перед нами вытеснение определенного воспоминания, и на его месте возникает симптом, который понимается как символ этого вытесненного воспоминания, символ совершенно внешний и в известном смысле совершенно второстепенный по отношению к воспоминанию. Но теперь Фрейд идет еще дальше и вновь связывает проблему с нормальным функционированием:

«Символы также образуются нормальным способом. Солдат может пожертвовать собой ради куска разноцветной ткани, привязанного к древку [следовательно, чего-то совер-

---

[1] Там же. С. 428—429.

шенно внешнего, флага], потому что эта ткань символ его родины, и никто не рассматривает этот факт как невротический... Рыцарь, сражающийся за свою даму, прекрасно знает, что именно ей эта перчатка обязана всей своей ценностью, а с другой стороны, цена, которую он ей придает, ничуть не мешает ему думать о даме и служить ей другим способом».[1]

Следовательно, в этих двух примерах «нормального» символа нас удаляет от истерии то, что воспоминание о символизируемом сохраняется, что символизируемое остается инвестированным; иначе мы бы обнаруживали себя перед нелепостью (которая, впрочем, не является чем-то невероятным!): перед солдатом, способным умереть за флаг, галантным рыцарем, жертвующим собой ради перчатки, полностью забывающими о родине или о даме, которые находятся за этими символами.

«Больная истерией, которую *A* заставляет плакать, не знает, что речь идет лишь об ассоциации между *A* и *B*; кажется, *B* не играет никакой роли в ее психической жизни. Символ в подобном случае полностью заменяет предмет».[2]

Конечно, мы можем сказать, что все эти рассуждения остаются в рамках «ассоцианизма»,

---

[1] Там же. С. 361.

[2] Там же.

но необходимо видеть, что способ, каким функционируют эти «ассоциации», весьма специфичен: в настоящем случае символизируемое полностью опустошило всю свою весомость, и весь аффект, который оно вызывает, передало тому, что его символизирует. Когда мы используем термин «опустошил», мы всего лишь заимствуем выражение с экономическим значением, используемое Фрейдом в отрывке, который сразу же идет следом. Здесь можно уловить один из тех моментов, когда экономические понятия возникают в клинической практике; эти понятия для Фрейда всего лишь непосредственный перевод того, что он устанавливает для аффекта и представления. Вот объяснение феномена с экономической точки зрения:

«Термин "чрезвычайная интенсивность" указывает на количественный признак. Все позволяет предположить, что вытеснение имеет, с количественной точки зрения, значение уменьшения количества, и что сумма обоих [то есть, инвестирования символа и инвестирования вытесненного] равна норме. Это означает, что всегда есть одно и то же количество аффекта, одно и то же количество страха или, можно сказать, одно и то же «количество слез» в каждом случае, и что сумма *A* + *B* должна всегда производить один и тот же аффект. Но что установлено и что заслуживает объяснения —

так это тот факт, что аффект производит иногда одно, иногда другое, а иногда и то и другое вместе]. Только распределение количества оказывается меняющимся. К *А* добавляется то, что было изъято у *В* [*В* оказывается полностью опустошенным от всякой психической энергии или, если использовать более технический термин, лишено инвестиций]. Патологический процесс — это процесс *замещения*. Подобный тем, о которых нас заставляют узнать мечты, то есть, это первичный процесс».[1]

Мы шли следом за Фрейдом в рамках его примера с истерией, но мы могли бы также опереться и на пример с символом в *сновидении*. Точно так же, как и больной истерией, субъект, видящий сновидения, способен испытывать страх, желание или боль перед таким представлением, которое, на первый взгляд не способно их мотивировать. Мы, посредством анализа сновидений, обнаруживаем, что за этими представлениями существуют другие, совершенно отсутствующие в сновидении, «скрытые», полностью «опустошенные», так что имеющееся в наличии представление, проявленное содержание, символ сновидения кажется единственной причиной совершенно абсурдного, иррационального аффекта. Это образец того, что Фрейд

---

[1] Там же. С. 429.

называет «первичным процессом», то есть *полным замещением аффекта*, замещением — как мы только что сформулировали — совершаемым словно «во всю мощь», законченной коммуникацией, приводящей к тому, что одно представление, связанное с другим, не сохраняет ничего от психической потребности, с ним связанной, но полностью передает эту психическую потребность второму представлению.

Первичный процесс раскрывается прежде всего в феномене желания. Как раз в сновидении, как осуществлении желания, его «законы» демонстрируют себя легче всего. Так, в вытеснении происходит *первичный процесс, который желание не контролирует в той же мере, что и защитный механизм*. Защита — это процесс, приводимый в действие нашим Я, инстанцией, чья функция как раз и состоит в том, чтобы обуздать безудержное вращение аффекта, к которому сводится первичный процесс, например, делать так, что когда я говорю, что *A* равно *B*, я в то же время удерживаю нечто от *A*, не переходя полностью к *B*. Как происходит, что механизм, который прямо зависит от моего Я, может в то же самое время управлять первичным процессом? Как возможна эта патологическая защита, которая в конечном счете функционирует по законам желания? С этим вопро-

сом мы подходим к самому сердцу проблемы; и следующий шаг в ее решении заключается в том, чтобы показать, что *такая патологическая защита случается лишь тогда, когда она распространяется на воспоминание сексуального порядка.*

Необходимо, чтобы «сцена» некоторым образом касалась области сексуальности, мы увидим как; кроме того, необходима не одна сцена, а две сцены; в их перестановке и в чем-то вроде впечатляющего фокуса, которому они дают место, и рождается на свет та объективная ложь, которую мы перевели словом «обманчивость». Чтобы продемонстрировать это, Фрейд весьма кратко сообщает об одном случае с пациенткой, о которой он нигде больше не говорит и которую он называет Эммой. Эмма страдает фобией, симптомом которой, при всей ее простоте, является страх входить в магазины. У этой больной истерией Фрейд выявляет две сцены (поскольку речь всегда идет о сценах: о картинах или сценариях). Он описывает их в обратном порядке, характерном для анализа: с одной стороны осознаваемая сцена, датируемая возрастом 12 или 13 лет, с другой стороны сцена, которую обнаружит только анализ, предшествующая сцена, которую можно связать с возрастом 8 лет. Во-

преки Фрейду мы будем рассматривать их в хронологическом порядке.

Когда мы говорим о *первичной сцене*, мы, разумеется, знаем, что впоследствии ни Фрейд, ни психоаналитики не удовлетворяются воспоминаниями, которые мы считаем весьма поздними. Но что здесь для нас гораздо более важно — так это, скорее, последовательная схема, а не возраст, с которым эти сцены связываются. Следовательно, «более древняя» сцена, та, что была вытеснена и которую смог выявить анализ, имеет главного протагониста в лице торговца, который держит бакалейно-галантерейный магазин и который совершает по отношению к маленькой Эмме то, что Фрейд называет «сексуальным покушением»:

«В возрасте 8 лет она два раза входила одна в бакалейно-галантерейную лавку, чтобы купить там лакомства, и торговец прикасался рукой, через ткань ее одежды, к ее половым органам. Несмотря на первый случай она вернулась в лавку во второй раз, а затем прекратила туда ходить. В настоящее время она упрекает себя за то, что вернулась к этому торговцу, словно она еще раз желала спровоцировать покушение. Фактически, «нечистая совесть, которая ее угнетает», должна быть связана с этим случаем.[1]

---

[1] Там же. С. 433.

В настоящий момент мы отметим только два пункта; *повторяющийся* характер сцены и *извращенное* ее истолкование, которое можно предположить, и которое мы, впоследствии, непременно представим: разумеется, имело место сексуальное покушение со стороны взрослого, но можно также сказать, что, с другой стороны, имело место и обольщение со стороны маленькой девочки, поскольку она возвращается в магазин, очевидно, чтобы вновь подвергнуться действию того же типа. Поскольку воспоминание и фантазм могут как сжимать в одну единственную сцену несколько последовательных событий, так и располагать во временной последовательности пережитое в одно и то же время, ничто не мешает задать вопрос, не пришла ли уже в первый раз маленькая девочка в магазин, подталкиваемая неким смутным сексуальным предчувствием. Разделение, изоляция, расхождение служат в воспоминании средством снять с себя вину.

Вторичная сцена не предполагает, очевидно, никакого сексуального происшествия, и больная, сообщая об источнике своей фобии, сразу же о ней рассказала:

«Она связывает с ней воспоминание, восходящее к ее тринадцатилетнему возрасту, сразу же после ее полового созревания. Войдя в лавку, чтобы что-то там купить, она заметила двух

продавцов (она вспоминает об одном из них), которые тихонько посмеивались. Охваченная чем-то вроде страха, она быстро вышла».[1]

Таким образом, два продавца, которые, возможно, насмехаются над тем, думает она, как она одета. Сразу же укажем, каким будет результат диалектики, размещаемой между двумя сценами: первая, та, что включает в себя сексуальное значение, будет вытеснена и, в соответствии со схемой, которая показывала нам, как термин *B* вытесняется термином *A*, на ее месте обнаруживается мнемический символ или симптом: определенный страх перед магазинами. Между этими двумя сценами Фрейд устанавливает целую сеть связей, выраженную в графической схеме вроде тех, что можно установить, например, по поводу сновидения. Он указывает, какими являются ассоциативные связи между элементами осознаваемой сцены и элементами сцены, которая была бессознательной, ассоциативные связи, которые имеют видимость совершенно внешних, безобидных и во всяком случае не сексуальных связей: с одной стороны, одежда, а с другой стороны, смех, смех двух продавцов, который обнаруживает свой эквивалент или свое соответствие в той раз-

[1] Там же. С. 433.

новидности гримасы, которую делал лавочник в первичной сцене. Итак, две сцены, связанные ассоциативными цепочками, но также ясно отделенные друг от друга *временным барьером, который наделяет их в различные периоды времени различным значением: моментом полового созревания.* Именно в этом и состоит главный фактор теории *proton pseudos*: между двумя сценами возникает совершенно новый элемент, возможность сексуальной реакции. И когда мы ведем речь о «сексуальной реакции», мы помним не только о возможности новых физиологических реакций, но, параллельно, и о существовании сексуальных представлений. Иными словами, в момент первичной сцены маленькая Эмма неспособна связать то, что произошло, с тем, что могло бы у нее этому соответствовать. Наоборот, вместе со вторичной сценой, она приобретает представления, которые позволяют ей понять, чем является сексуальное покушение.

Это вмешательство фактора полового созревания вводит любопытную инверсию между двумя сценами. Можно сказать, выражаясь почти в терминологии самого Фрейда, что в первичной сцене мы имеем сексуальное содержание, благодаря ясно выраженному поведению взрослого протагониста, но это содержание является сексуальным *в себе*,

а не *для субъекта.* Сцена является сексуальной для внешнего наблюдателя или в намерениях лавочника. Для ребенка она не может полностью обладать таким значением. Сцена, следовательно, которая не имеет непосредственного сексуального следствия, которая не вызывает возбуждения, которая не провоцирует защитную реакцию; и термин, который Фрейд использует, чтобы охарактеризовать ее, прекрасно передает этот двусмысленный и даже противоречивый характер: это «досексуально-сексуальная» сцена. О вторичной сцене, в свою очередь, можно также сказать, что она испытывает недостаток сексуальности, поскольку речь идет об очевидно банальных обстоятельствах, о том, что два продавца посмеивались над туалетом девочки-подростка. Разумеется, можно было бы долго рассуждать о подразумеваемой сексуальной атмосфере в этом сценарии (глупый смех — бегство и т. д.). Но что точно, так это тот факт, что сексуального покушения здесь нет. Так эта сцена, каким бы образом она ни происходила, реактивирует воспоминание о первичной сцене, чтобы, посредством этого воспоминания, «высвободить» или «ввести в действие» (*entbinden*) сексуальную реакцию в ее двойной форме: с одной стороны, в виде физиологического возбуждения, с другой —

в виде совокупности представлений, которые маленькая Эмма, достигнув половой зрелости, отныне имеет в своем распоряжении.

Теперь вот как Фрейд обобщает это отношение между двумя сценами и вот как он приходит к выводу, что *воспоминание* о первичной сцене, в тот момент, когда происходит вторичная, не может являться объектом «нормальной» защиты (защиты посредством соединения и затухания), но что оно должно быть подвержено атипичной или патологической защите:

«Скажем, что нисколько не удивительно, что связь осуществляется посредством определенного числа бессознательных промежуточных звеньев и приходит к некоему осознаваемому звену, как это здесь и происходит. Элемент, ставший сознательным, — это, вероятно, тот, который вызвал наиболее живой интерес. Но что особенно замечательно в нашем примере — так этот тот факт, что то, что проникло в сознание, является не тем звеном, которое вызвало интерес (покушение), но другим элементом, символом (одежда). [Следовательно, первичная сцена проникает в сознание не вместе со всем своим значением покушения, но посредством совершенно внешнего элемента, одежды.] Где искать причину патологического процесса, который здесь дает о себе знать? Возможен только один ответ: эта причина в вы-

свобождении сексуальной энергии (возбуждении), которая констатируется также и сознанием. Это высвобождение сексуальности связано с воспоминанием о покушении, но следует отметить главное — что такая разгрузка не была связана с покушением в тот момент. Когда оно происходило [первичная сцена ничего не вызвала]. Мы находим здесь пример воспоминания, вызывающего определенный аффект, который само происшествие не вызвало; дело в том, что со временем изменения, спровоцированные половым созреванием, делают возможным новое понимание фактов, ставших достоянием памяти. Этот случай представляет нам типичную картину истерического вытеснения. Мы никогда не перестанем обнаруживать следующее: воспоминание, которое вытеснено, задним числом превращается в травму [это самое важное из рассуждений: мы пытаемся исследовать травму, но травмирующее воспоминание было лишь вторичным: мы не можем определить исторические координаты травмирующего события. Этот факт можно проиллюстрировать образом «отношения неопределенности» типа Гейзенберга: если стремятся определить место и время травмы, то уже нельзя оценить ее травмирующее воздействие, и наоборот]. Причина такого положения вещей обнаруживается в более поздний период полового созревания

посредством сравнения со всей остальной эволюцией индивида»[1].

«Травматизм»: это понятие, вокруг которого вращается мысль Фрейда в этот период, начиная с его сотрудничества с Брейером, уже в те годы, когда он испытывает на себе влияние Шарко. Проблемой здесь является сведение истерии к травматизму. Но образ физического травматизма, как разрушительного воздействия внешнего происхождения, совершенно недостаточен, когда речь идет о травме психической. Здесь объяснение может быть достигнуто лишь схемой, включающей в себя два этапа: можно, в определенном смысле, сказать, что травматизм оказывается полностью подчинен действию «обманчивости», которая порождает что-то вроде качелей между двумя событиями. Ни одно из двух событий само по себе не является травматическим, ни одно не является приливом возбуждения. Первое? Оно не приводит в действие ни возбуждение, ни реакцию, ни символизацию или психическую обработку; мы видели его причины: ребенок, в то время, когда он является объектом покушения со стороны взрослого, еще не обладает представлениями, необходимыми для его понимания. В та-

---

[1] Там же. С. 366. Замечания в квадратных скобках принадлежат Ж. Лапланшу.

ком случае можно с полным правом задать себе вопрос — каков психологический статус воспоминания о первичной сцене, в том временном интервале, который отделяет ее от вторичной. Что касается Фрейда, то, кажется, он не настаивает ни на осознаваемом состоянии, ни на состоянии вытесненном; оно пребывает в ожидании, в неопределенном месте, в уголке «подсознательного»; самое главное, что оно не связано с остальной психической жизнью. Мы присутствуем при образовании того, что в «Исследованиях истерии» обозначается термином «обособленная психическая группа».

Если первое событие не травматическое, то второе, если можно так выразиться, таким должно быть еще меньше. На этот раз речь идет не о сексуальном событии, а о банальной сцене из повседневной жизни: о посещении магазина, где обнаруживаются два продавца, которые, возможно, охвачены безудержным смехом. И тем не менее именно эта вторичная сцена вызывает возбуждение, пробуждая воспоминание о первичной: теперь это воспоминание действует как настоящее «чужеродное внутреннее тело» атакуя субъекта изнутри, пробуждая в нем сексуальное возбуждение.

Чтобы доказать, что такое объяснение не связано с каким-то преходящим моментом те-

ории Фрейда, мы могли бы привести целый ряд отрывков и даже множество книг этого периода. Процитируем только один фрагмент из «Исследований истерии», который касается той же самой идеи, но который может быть понят лишь как продолжение писем Флиссу и «Проекта научной психологии»:

«Однако строго закономерную взаимосвязь психической травмы (давшей повод к болезни) с истеричными феноменами нельзя рассматривать только как одно из явлений в истории жизни невротика, скажем, считая, что травма в качестве провоцирующего агента создает симптом, который затем становится самостоятельным и далее уже существует независимо. Скорее мы должны утверждать, что психическая травма, или воспоминание о ней, действует наподобие чужеродного тела, которое в течение достаточно длительного времени после своего проникновения продолжает действовать в качестве активного агента. Доказательство этого мы видим в одном необычайно обращающем на себя внимание феномене, который в то же время придает нашим взглядам большое практическое значение».[1]

[1] *Фрейд З., Брейер Й.* Исследования истерии / Пер. С. В. Панкова. СПб.: ВЕИП, 2005. С. 85.

От образа физического травматизма мы переходим к травматизму психическому, не посредством неизвестной, смутной и немыслимой аналогии от одной области к другой, но посредством точного и ясного перехода от внешнего к внутреннему. Психический травматизм определяет не общее качество психики, но тот факт, что психический травматизм приходит изнутри. Образуется что-то вроде одновременно и внутреннего и внешнего, «заноза в теле», или, можно сказать, настоящая заноза *в оболочке нашего Я*. Старая формулировка Брейера и Фрейда означает в точности то же самое, при всей своей очевидной банальности: «больные истерией страдают от воспоминаний»; так как воспоминания, как внутренний объект, постоянно атакуют наше Я. Воспоминание, или фантазм, на примере Эммы, — это интериоризация первичной сцены. Таким образом, предохраненный от всякого износа в процессе вытеснения фантазм становится постоянным источником свободного возбуждения. Благодаря такому обращению внутрь фантастической сцены мы обнаруживаем понятие источника влечения, которое мы комментировали в рамках предыдущего размышления, исходя из совершенно иных оснований и опираясь на «биологическое» развитие, представленное в «Трех очерках теории сексуальности». Можно

утверждать, что все приходит извне в теории Фрейда, но в то же время все действенное приходит изнутри, из изолированной и замкнутой в себе сферы внутреннего.

Завершая, мы приведем цитату из заключительной части главы о *proton pseudos*, где вновь нормальная защита противопоставляется той мнимой невозможности защиты, или той катастрофической защите, какой является истерическое вытеснение:

«Следовательно, Я свойственно препятствовать всякому освобождению аффекта, которое способствовало бы раскрытию первичного процесса. Самый лучший механизм, которым оно для этого располагает, — это механизм внимания. Когда инвестирование, высвобождающее неприятные ощущения, способно ускользать от внимания, вмешательство Я является слишком поздним. Это как раз и происходит в случае истерического *proton pseudos*.

[Пружиной объяснения является неспособность Я приводить в действие нормальные механизмы внимания, особенно в той мере, в какой Я «подвергается атаке», можно сказать, с той стороны, с какой оно «меньше всего ожидает». Его защита ориентируется в направлении восприятия. Здесь же оно застигнуто врасплох. Мы должны принять во внимание эту «антропоморфную» и, очевидно, весьма наивную тер-

минологию.] Внимание — это механизм, руководствующийся восприятием, так как, вообще говоря, именно оно способно вызвать высвобождение неприятных ощущений. Но здесь не восприятие, а мнемический след внезапно высвобождает неприятные ощущения, и Я обнаруживает их слишком поздно. Потому что оно к этому не было готово; оно позволило раскрыться первичному процессу. Тем самым оказывается подтвержденной значимость необходимых условий, с которыми нас знакомит клинический опыт: *задержка полового созревания делает возможными посмертные первичные процессы*».[1]

Весь этот отрывок может, в определенном смысле, показаться «историческим» и тем самым анахроническим по отношению к тому, что мы теперь знаем — или верим что знаем — в психоанализе о психологии влечений и, главным образом, о психологии Я. Поэтому мы, под видом заключения, поставим несколько вопросов, нацеленных на то, чтобы острее почувствовать еще и сегодня остающийся актуальным характер этой теории Фрейда.

Первый вопрос: *почему сексуальность?* Ответ Фрейда: одна лишь сексуальность способна соответствовать такому действию в два эта-

[1] Naissance de la psychanalyse. Paris, P.U.F., 1956. P. 368–369.

па, которое также является и последействием. Здесь и только здесь мы обнаруживаем ту постоянно повторяющуюся внутри временной последовательности, создаваемой упущенными возможностями, сложную игру «слишком рано» и «слишком поздно». В сущности, речь идет об отношении у человеческого существа между его «аккультурацией» и его «биологической» сексуальностью, при условии, что понятно, что последняя уже, в свою очередь, частично «денатурализована». Слишком поздно? Это биологическая сексуальность с ее собственными этапами зрелости и с моментом полового созревания; эта органическая сексуальность приходит слишком поздно, не предоставляя ребенку (который является главным субъектом «Трех очерков») достаточных гарантий в виде «аффектов» и «представлений», чтобы интегрировать сексуальную сцену и «понять» ее. Но в то же самое время сексуальность как межчеловеческое отношение приходит слишком рано, она приходит словно извне, из мира взрослых.

Здесь приходится добавить второй вопрос: если самое важное в схеме Фрейда опирается на эту диалектику «слишком рано» и «слишком поздно» в половом созревании и, в конечном счете, в ритме становления сексуальности у человека, то не может ли ценность объяс-

нения выходить за пределы той фактической проблемы, которую ставит сама реальность обольщения? Выше мы упоминали, в связи с обольщением как сценой, а не как теорией, что Фрейд до конца своего творчества продолжал утверждать реальность сцен обольщения. Часто он возвращается к этому, несколько изменяя акцент своих утверждений: в конечном счете за сценами обольщения отцом и за обольщением видом открытых гениталий, находится обольщение материнскими заботами, на которое он ссылается как на первый образец. Эти заботы, сосредоточиваясь на определенных областях тела, содействуют их определению в качестве эрогенных зон, зон обмена, которые вызывают и пробуждают возбуждение, чтобы затем воспроизводить его независимым способом, посредством внутренней стимуляции.

Следовательно, исходя из этого возбуждения ласками и заботами, мы можем составить представление о том, чем изначально является обольщение. Но здесь необходимо сделать еще один шаг и не держаться за чистую материальность возбуждающих действий, если вообще такую «материальность» можно вообразить. Следует понять, что за этим случайным и преходящим переживанием стоит вторжение в мир ребенка определенных значений

из мира взрослого, которые передаются по-видимому самыми повседневными и самыми невинными действиями. Любое первоначальное интерсубъективное отношение, отношение матери и ребенка, является носителем этих значений. В этом, полагаем мы, самый глубокий смысл теории обольщения, смысл, который Фрейд в конце концов придает самому понятию обольщения:

«Общение ребенка со своими няньками составляет для него беспрерывный источник сексуального возбуждения и удовлетворения через эрогенные зоны, тем более, что эта нянька — обычно это бывает мать — сама питает к ребенку чувства, исходящие из области ее сексуальной жизни, она ласкает, целует и укачивает его и относится к нему совершенно явно, как к полноценному сексуальному объекту».[1]

Подчеркнем, между прочим, что интерес к обольщению не ограничивается исследованиями одного только Фрейда: к этому понятию будут обращаться некоторые его ученики и последователи, в частности, один из самых проницательных среди них. Ференци в своей статье о «Смешении языков взрослых и ребенка», представляет ту же самую идею в виде глубо-

---

[1] *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. С. 133.

кой противоположности между миром ребенка — характеризуемым тем, что автор называет «нежностью» — и миром взрослого, где царствует «страсть». Под страстью Ференци понимает сексуальность, не только в том смысле, что она включает в себя явно выраженные элементы агрессивности, но и благодаря той «негативности», которая ей внутренне присуща: негативности наслаждения, доходящей до уничтожения оргазма, негативности запрета, того, что не следует делать и, главным образом, говорить. У него язык нежности и язык страсти сталкиваются в ребенке, и это столкновение лежит у истоков травматизма, первого психического конфликта.

Свыкнемся с той идеей, что значения, подразумеваемые в самом незначительном из родительских действий, являются носителями фантазмов родителей; на самом деле, когда говорят об отношениях матери и ребенка или отношениях родителей и детей, то часто забывают, что у самих родителей были их собственные родители, они сами имели свои «комплексы», свои желания, отмеченные историчностью, так что восстановить комплекс Эдипа у ребенка как ситуацию треугольника, забывая, что у двух вершин треугольника каждый взрослый протагонист сам, можно сказать, является носителем своего маленького

треугольника и даже, может быть, целого ряда треугольников, вставленных друг в друга, значит пренебречь весьма важным аспектом ситуации. В конечном счете завершенная эдипова структура *непосредственно представлена* одновременно и «в себе» (в объективности семейной конфигурации) и, главным образом «у другого», вне ребенка. Путь освоения этого «в себе» вначале проходит через восприятие — смутное и в каком-то отношении чудовищное — комплекса у другого изначального существа (главным образом матери).

Среди наиболее оригинальных последователей Фрейда, наиболее предрасположенных к исследованию бессознательного, мы здесь, после Ференци, выделим Мелани Клейн. Нам известно то «неправдоподобное», что она высказывает, и с каким упорством ее в этом упрекают. Она собиралась в хронологии либидозных стадий, установленных Фрейдом, произвести неслыханный переворот. Схематично Фрейд полагает, что вначале ребенок имеет оральную сексуальность, затем анальную сексуальность, затем фаллическую сексуальность, и что в связи с фаллической сексуальностью в возрасте 4 или 5 лет начинает появляться то, что называют комплексом Эдипа, проблематика кастрации и, наконец, генитальность. Для некоторых психоаналитиков, кото-

рые, возможно, слишком поспешно принимают видимую сторону дела, термины «эдипово» и «генитальное» иногда оказываются синонимами. Кроме того, часто высказываются таким образом, словно «доэдипово» — то есть, отношения, предшествующие структуре треугольника ребенок—отец—мать — было также и областью «догенитального» и тем самым относят его к разряду тех видов элементарной и негенитальной сексуальной деятельности, какими являются оральная и анальная сексуальность. Мелани Клейн привнесла сюда самый полный концептуальный и хронологический беспорядок: она, например, говорит об оральном внедрении пениса, она относит к первому году жизни «ранний» комплекс Эдипа, она считает, что отец, или, по меньшей мере, его пенис, играет определенную роль для ребенка уже в первые несколько месяцев его жизни. Каждое предположение, каждая интерпретация Мелани Клейн переворачивает наши привычные идеи: не только наш фрейдистский догматизм, но также и наш «здравый смысл» (относительно которого Фрейд уже, кажется, доказал, насколько он может быть обманчив); как шестимесячный или годовалый ребенок может опасаться, например, вторжения в его тело отцовского пениса, вторжения, способного повлечь за собой самые ужасные катастро-

фы: ожог, разрыв, уничтожение внутренностей, раздробление на части и т. д? Чему могут соответствовать такие процессы и такие фантазмы, которые в *непосредственных* наблюдениях ребенка подтверждаются очень немногим? И, конечно же, такого рода незрелость или наивность при изложении самых нелепых сценариев может показаться шокирующей, особенно если ее не связывать с *практикой интерпретации* в анализе ребенка. Но, даже вне такой связи с влиянием практики, мы убеждены в существовании теоретической истины мышления Клейн, в определенном способе по-новому интерпретировать и открывать то, что может образовывать фундамент «психической реальности». Это тот факт, что хотя начиная с первых отношений — будь это даже «двойственные» отношения с одной лишь матерью — отец отсутствует — для младенца он на самом деле как реальный персонаж почти полностью отсутствует — некое присутствие третьего лица начинает играть определенную роль. В этом смысле отец присутствует сразу же, пусть даже мать является вдовой: он присутствует, потому что сама мать имела отца, потому что она сама устремлена к пенису; а также, как нам известно, потому что мать устремлена к своему собственному ребенку, а за ним и к пенису, которого она желает. Эти

истины, которые повседневно подтверждаются в психоанализе женщины, но которые мы так легко забываем, когда речь идет о ребенке той же самой женщины, учение Клейн, раскрываясь перед нами со своей фантастической стороны, возвращает в нашу память.

Понятно, что то, что описывается схематично и почти карикатурно как *событие* в теории *proton pseudos* у Фрейда, представляет собой что-то вроде внедрения взрослой сексуальности в ребенка. Мы полагаем, что уместно дать этому новую интерпретацию, уже не как событию, не как пережитой и подлежащей датировке травме, но как факту одновременно и наиболее туманному и наиболее структурированному, факту, также наиболее изначальному, в том смысле, что он настолько связан с процессом очеловечивания, что только благодаря абстрагированию мы можем предположить существование маленького человека «до» этого обольщения. Так как, разумеется, говорить о «невинном», с самого начала, ребенке — значит создавать миф, совершенно симметричный мифу об обольщении. И это подводит нас к *третьему замечанию*:

В начале этого второго сообщения мы предложили тему, которую, как мы опасались, обсудить удастся лишь частично: сексуальность и стихия жизни в психическом конфликте.

Мы придерживались этой темы в том смысле, что действительно задавали вопрос, вместе с Фрейдом и его последователями, о том, как получается, что сексуальность оказывается в центре психического конфликта. Но какой фактор — или сила — вступает в конфликт вместе с сексуальностью? Мы встречаем целый ряд возможных ответов, но из их числа мы вначале процитируем только два. Первое решение: если верно, что перед нами вторжение сексуальности в стихию жизни, если именно в «жизнь» сексуальность привносит беспорядок, то не становится ли та совокупность сил, которые эту жизнь защищают — объединенные под термином «импульса самосохранения» — движущей силой вытеснения? Тем не менее — мы на это сразу же указываем — сомнительно, чтобы мы имели право гипостазировать этот порядок жизни, у человеческого существа, как некое «до», как нечто априорное или как определенную инфраструктуру. Все, что мы знаем об элементарных жизненных механизмах у новорожденного, если мы сравниваем их с тем, что происходит у животного и даже у маленького животного, показывает нам, наоборот, глубоко незрелый характер этих жизненных функций у человеческого существа; как раз благодаря этому и вводится сексуальность.

Второй ответ Фрейд сразу же предоставляет нам в своем творчестве: то, что противоположно сексуальности, то, что атакуется «изнутри», это наше Я. Мы видели, что чувству *псевдо*, лжи или обману наше Я также подвержено, оно словно захватывается врасплох, посредством военной хитрости. *Proton pseudos* также является такой хитростью: наше Я захватывается врасплох с той стороны, с какой «оно не ожидает», оно атакуется, разоружается, подчиняется импульсивному процессу, тому первичному процессу, против которого оно и было создано.

Так наши размышления о конфликте и наше исследование сил, противостоящих сексуальности, приводят нас к теме наших ближайших разделов: к проблематике Я.

III. Я И СТИХИЯ ЖИЗНИ

Напомним вначале результат двух наших первых исследований: сексуальность у маленького человеческого существа возникает посредством *девиации* и *автоэротического обращения* жизненных процессов. С другой стороны, сексуальность — этот термин всегда берется в его «обобщенном» значении — появляется как реальность, *имплантируемая* в маленького человека из мира родителей, из его структур, его значений и его фантазмов.

Очевидно, что здесь перед нами две стороны одного и того же процесса: автоэротической интериоризации и образования этого «внешнего чужеродного тела» — фантазма — постоянного источника сексуального влечения. Но, с другой стороны, второй процесс вносит глубокие коррективы в первый. В первом случае генезис мог бы означать также и возникновение, линейный процесс, или, если

можно так выразиться, что-то вроде секреции сексуальности всеми жизненными процессами, что подразумевало бы, в период, *предшествующий* автоэротизму, последовательное существование различных этапов человеческой жизни. Второй процесс, наоборот, позволяет нам понимать возникающие перед нами феномены лишь в обратной перспективе, как связанные с последействием. Искажение сексуальности в рамках этого второго процесса подразумевает биологическую точку отсчета, но это весьма своеобразная точка. Вместо того, чтобы посредством своего расцвета сама жизнь приводила бы к сексуальности, именно ее ущербность, недостаточность как раз и требует вторжения со стороны мира взрослых. Слабость, неразвитость, преждевременность жизненных процессов у маленького человека — эти термины мы привыкли встречать уже у Фрейда; они позволяют понять, что при всей своей широте эта «стихия» жизни будет опустошена «стихией» сексуальности. Опустошена, но вместе с тем и сохранена. Почему необходимо, чтобы мы столь часто заставляли детей есть, почему необходимо, чтобы мы предлагали им «одну ложечку за папу, одну ложечку за маму», то есть, одну ложечку ради любви к папе, одну ложечку ради любви к маме, словно аппетит сохраняется и поддерживает-

ся у маленького ребенка лишь одной любовью? Доказательство от противного коренится в ментальном истощении, где страх сексуального порядка прямо порождает страх самосохранения, то есть функции питания.

Вернемся еще раз к проблеме конфликта. Мы задаем вопрос: что же атакует сексуальность, что в конечном счете от нее защищается? Первая попытка ответа у Фрейда: мы имеем в своем распоряжении дуализм жизненных сил, с одной стороны, «любовь», с другой «голод», с одной стороны сексуальность, с другой самосохранение. То, что в рамках этого воззрения Фрейда защищается, так это сам индивид в его борьбе за выживание, выживание, которому угрожает сексуальность. И необходимо признать, что существование такого конфликта, между сексуальными влечениями и влечениями к самосохранению, постоянно подтверждается Фрейдом во всем его творчестве в рамках определенного периода: это, говорит он нам, «гипотеза, к которой меня заставил прийти анализ чистых неврозов переноса». Возможно, он даже сам себя убеждает в значимости этой схемы. Но если более внимательно изучить клинические сочинения Фрейда, а также его учеников, то можно сказать, что никогда эта теория на самом деле не применялась к конкретному анализу

конфликта. Один лишь текст, очень маленький, «Психогенное нарушение зрения в психоаналитическом восприятии» (1910), то есть о расстройствах, связанных со слепотой при истерии, излагает идею, что зрительный аппарат — это очаг конфликта между двумя функциями: функцией самосохранения и функцией сексуального возбуждения. Однако, необходимо сказать, что как в этом тексте, так и в других, на самом деле никогда этот конфликт специально не рассматривается. Мы скорее сказали бы, что функция самосохранения, следовательно, зрение в его самой простой функции возникает как территория конфликта и симптома, а не как один из терминов противопоставления. Вообще говоря, можно утверждать, что большое безрассудство или недомыслие полагать, что сексуальность может *на самом деле* угрожать жизни ребенка и его самосохранению. То, чему она конечно же угрожает, — это определенная целостность, но такая, которая *непосредственно* не является целостностью самой жизни. Вспомним о главной роли в теории Фрейда не страха смерти, а страха перед кастрацией как угрозой телесной целостности: то есть то, что находится под угрозой, является чем-то гораздо большим, чем жизнь, это *определенный представитель жизни*, определенный представи-

тель стихии жизни, то, что теперь ставит перед нами вопрос о нашем Я.

Конфликт Я и сексуальности был установлен в психоанализе сразу же, с самых первых сочинений, как в теоретических исследованиях, так и в клинических текстах: в «Исследованиях истерии» речь идет об уже установившемся понятии. Остается задать вопрос, что же обозначается этим словом Я, *Ich*. Бесспорно, в нем есть определенная связь с жизнью, определенная связь с сохранением индивида или, если уточнить уже нашу мысль, определенная связь с живым индивидом как целым. Я, говорит он нам постоянно, — и мы и сегодня ориентируемся на эти термины в нашей практике — Я есть всеобъемлющее единство: мы приписываем ему унитарную направленность, «синтетическую функцию»; мы понимаем его как представителя (законного или узурпатора?) интересов целого.

Следует напомнить — здесь есть один немаловажный пункт в истории идей — что во всем творчестве Фрейда предпочитают выделять два совершенно различных значения Я. Иногда, утверждают историки, Фрейд говорит о Я так, как о нем говорят в повседневной жизни, чтобы просто обозначить индивида. Я тогда является индивидом, таким, каким он отличается от другого, особым биологическим инди-

видом, но кроме того и психологическим индивидом, как пространством конфликта, целью конфликта, но не стороной, принимающей в нем участие. И потом следовало бы отделять от этого довольно банального, не «технического» смысла собственно психоаналитический смысл, где на этот раз Я берется как сторона определенного целого, а не как само целое, как инстанция и, в силу этого, как один из протагонистов конфликта, который раскалывает индивидуальность.

Верно, что иногда, не без некоторого произвола, можно различать эти два значения в сочинениях Фрейда; тем не менее, если мы приписываем языку значение, которое не является «чисто вербальным», если мы полагаем, что никогда одно и то же слово не используется, чтобы обозначать совершенно разные вещи, то проблемы не существует; не следует ли в отношении двух «значений» одного и того же слова считать, что они используются в различных контекстах? Чтобы сразу же перейти от этого общего терминологического вопроса к главной проблеме, мы зададим вопрос, как определенная «инстанция», «система», «центр» (как переводят на английский) личности может оказаться наделенным функциями индивида, функциями, взятыми здесь в самом широком смысле, включая как элементарные функции

(мы только что упоминали о питании), так и функции более высокие, будь это «восприятие», «познание» или «мышление»?

Здесь мы имеем дело с тем, что вслед за М. Фуко, называем проблемой «отклонения».[1] Мы намерены говорить об ускользании смысла понятия, когда оно, в частности, переходит от определенного «нетехнического» использования к новому значению в рамках какой-то науки, например, поскольку речь идет о психоанализе, в рамках психоаналитической науки. И мы хотели бы дать почувствовать, что такое ускользание смысла — если он действительно должен достичь определенной глубины и если мыслитель является оригинальным мыслителем — должно происходить параллельно определенному ускользанию *в самой реальности*. Понятно, что здесь, в том частном случае, который мы рассматриваем, отклонение не только ведет от одного смысла слова Я к другому (Фрейд заимствовал тот или иной термин из обыденного языка или философского мышления и использовал его совершенно по своему), но является также (и несомненно с самого начала) отклонением в самой реальности: отклонение понятий может заимствовать пути, па-

[1] *Laplanche J.* Dérivation des entités psychanalytiques // Hommage à Jean Hyppolite. Paris, P.U.F., 1970.

раллельные путям отклонения в самом бытии или, точнее, в области *сущностей*, поскольку именно эти сущности Фрейд и обозначает термином «инстанции»: Я, Сверх-Я или Оно.

Мы, в этом отклонении одновременно и понятия и бытия, указываем на два измерения, принимая различия, уже давно установленные теми, кто изучал эволюцию смысла понятий: отклонение по смежности, которое уже давно, на техническом языке лингвистики или риторики называют метонимическим отклонением; а с другой стороны, отклонение по сходству или метафорическое отклонение.

Что имеется в виду, когда говорят о метонимическом отклонении Я? Что между Я как индивидом (в «нетехническом» смысле) и Я-«инстанцией», как элементом психической структуры, существует связь, которая как раз и является связью по смежности или, если говорить более точно, связью дифференциации. Я появляется здесь как специализированный орган, настоящее продолжение индивида, наделенное, разумеется, особыми функциями, но в целом лишь локализующее то, что уже с самого начала существовало в живом существе. То, что мы здесь обозначаем как «метонимическая концепция Я», представляет собой в психоанализе господствующую теоретическую тенденцию в решении проблемы Я. То, что се-

годня называют «эго-психологией», на самом деле является концепцией, создающей из Я центр всей личности, дифференцирующийся, как известно, в зависимости от проблем адаптации. «Психология Я и проблема адаптации» — это заглавие одной из статей, лежавшей у истоков этой «эго-психологии»; психология Я в целом рассматривается в ней в свете проблемы адаптации. Эта «эго-психология» имеет намерение — или, по меньшей мере, амбицию — восстановить мост между психоанализом и открытиями или исследованиями не психоаналитической психологии, будь это психофизиология, психология образования, детская или социальная психология. Короче, все то огромное поле психологических знаний и исследований должно быть *чем-то* связано с индивидом, и поскольку мы, психоаналитики, имеем возможность препарировать индивида с различных сторон, необходимо, чтобы психология нашла свое место в одной из этих сторон, и разумеется, стороной, где она легче всего находит себе пристанище, является наше Я. Как определить это положение Я как специализированного продолжения индивида? Можно сделать это в рамках трех подходов: с точки зрения генезиса, с точки зрения ситуации в невротическом и психотическом конфликте, то есть с точки зрения, которую мы обычно на-

зываем «динамической», наконец, с точки зрения экономического статуса Я, что влечет за собой вопрос об энергии, которой располагает инстанция внутри конфликта.

Генезис: в рамках этой *«эго-психологии»* происходит постепенная «поверхностная» дифференциация механизма благодаря соприкосновению с реальностью, соприкосновению, за исходную точку которого принимается восприятие и сознание — привилегированный пункт соединения организма индивида и внешнего мира. Такого рода генезис предполагает множество затруднений, самое меньшее из которых состоит в том, чтобы знать: что же таким поверхностным образом дифференцируется? Живой биологический индивид? Но тогда каково соотношение этой дифференцируемой «поверхности» с поверхностью индивида, которой в реальности является его кожа? Фрейд пытался, не без затруднений, установить здесь весьма точную связь, напоминая, что в анатомии и в эмбриологии центральная нервная система является производной от кожной поверхности или, точнее, от эктодермы. Утверждение, что кожа и центральная нервная система имеют общее происхождение, было, возможно, для Фрейда не только образным значением, но желание сопоставить такое рассуждение с его на-

учными опровержениями очень быстро привело бы к противоречиям.[1] Или «психика индивида» все же дифференцируется? Известны гипотезы одного текста, отмеченного вдохновением, но в то же время и усеянного противоречиями, — «По ту сторону принципа удовольствия». Там воспроизводится модель живого пузырька, поверхность которого, под воздействием ударов, наносимых из реальности внешнего мира, дифференцируется, образуя одновременно и восприимчивую и защитную поверхность. Основной вопрос, который мы сразу же ставим — что же дифференцируется на поверхности? — пересекается с другим вопросом: что же представляет собой такая модель? Каков смысл биологической модели, используемой здесь Фрейдом, пузырька протоплазмы или инфузории? Имеем ли мы здесь дело с «простым» сравнением? Или,

---

[1] Кора головного мозга, серое вещество, где локализуются восприятие и сознание, — это *поверхность* мозга. Но с эмбриологической точки зрения она не производна от слоев, более «поверхностных», чем белое вещество. И с точки зрения анатомии и физиологии именно она оказывается наиболее удаленной от периферийных рецепторов. Но в том-то и состоит гений Фрейда, что для того, чтобы описать воображаемые структуры, он использует (с демонстративной бесцеремонностью) воображаемую анатомию.

наоборот, перед нами нечто гораздо более сложное, имеющее основание в самом бытии субъекта?

Вспомним, в связи с работой «По ту сторону принципа удовольствия», тот любопытный ряд включающих друг друга форм, в каждом случае со своей защищающей и воспринимающей поверхностью: тело и кожа, психика и Я, само Я и его оболочка. И, поскольку мы намекали на трудности генетической концепции, представляющей слово как метонимию организма, то есть, как дифференцированное его продолжение, то другой, не менее сложный вопрос заключается в том, чтобы знать — поскольку среди различных уровней именно уровень психики находится в центре наших интересов — *чем опосредуется на уровне психики то воздействие реальности*, которому Фрейд отводит столь значительную роль. Следует ли признать за реальностью особую силу, свойственную уровню психики, и что это значит, если эта реальность понимается прежде всего как реальность физическая, как «внешний мир»? Как эта реальность превращается в «психическую» силу, способную оказывать воздействие на нашу психику и таким образом ее дифференцировать?

Вторая точка зрения относительно Я, динамическая — точка зрения конфликта: в «эго-

психологии» — будем понимать под этим термином и психологию Фрейда, а не только психологию его последователей — акцент все же, в том, что касается конфликта, все еще ставится на реальности. С такой точки зрения реальности обязательно будет приписываться значение инстанции истины, инстанции, воздействия которой всего лишь концентрируются в Я, обеспечивающем постепенное господство над влечениями. Мы приведем здесь один отрывок из «Я и Оно», текста, главного для поворота к психологии Я:

«Я стремится сделать влияние внешнего мира господствующим над Оно и его наклонностями, стремится поставить принцип реальности на место принципа удовольствия, безгранично царствующего в Оно. *Восприятие играет для Я такую же роль, какую в Оно играет влечение*».[1]

Это означает, что реальности в рамках психического конфликта приписывается собственная сила. Не столько само Я действует посредством своих собственных энергий, подчиняясь требованиям реальности, сколько сама реальность играет роль самостоятельной

---

[1] *Freids S.* Le Moi et le ca. (Я и Оно). G. W. XIII. P. 237–289. Trad. fr., in Essais de Psychanalyse. Paris, Payot, 1948. P. 179.

инстанции; по крайней мере в начале, до того, как дифференциация аппарата психики будет завершена. Я в такой концепции оказывается непосредственно возвышающимся над реальностью посредством системы «восприятие-сознание» и благодаря первичным дифференцированным механизмам восприятия, органам чувств. Такое понятие, как *Realitätsprüfung* — понятие, которое, как мы полагаем, является гораздо более двусмысленным, если брать его во всей широте фрейдовского понимания и нашего опыта — взято здесь в самом его банальном смысле, в смысле определенного опыта реальности. Оно включает в себя функцию, изучаемую другими средствами психологического исследования: функцию обучения. Опыт реальности есть ничто иное, как исправление искажений, навязанных реальности нашими желаниями. О неудачах такого опыта реальности свидетельствует картина различных психических заболеваний — как, в меньшей степени, неврозов, так и, в большей степени и более наглядно, психотических галлюцинанций. Если Я оказывается достаточно сильным, чтобы преобладать в своем подходе к реальности, то галлюцинация, нам говорят, корректируется, устраняется; в таком случае психотерапия психотической галлюцинации должна предполагать за-

дачу устранения иллюзии за счет обращения к тому небольшому количеству энергии, которое остается в Я, за счет попытки развить «функцию реальности» Я.

Наконец, третий пункт этого краткого обзора «психологии Я»: какова, с *экономической* точки зрения, та сила, которой оно располагает? Здесь также ключевым термином является преемственность: связь с влечениями Оно и особенно с той стороной этих влечений, которые «в окончательной теории» будут названы влечениями к жизни. Эти влечения к жизни оказываются в нашем Я лишенными сексуального характера; Я выступает как передатчик «витальной» энергии Оно, которую Я очищает, которой оно распоряжается и которой находит лучшее применение.

Концепции, которую мы обозначили как метонимическую, противопоставим вторую концепцию Я, ту, которую назвали «метафорической». На этот раз Я понимается не как продолжение живого индивида, но как его *смещение*, или переход его образа в *другое место*, следовательно, как подобие интрапсихической реальности, как интрапсихическая конкретизация образа индивида. Идет ли речь об образе Я? Многие авторы, напомним, хотели бы ввести, наряду с Я, понятие «*самости*» или «*самого себя*», руководствуясь, ве-

роятно, ощущением, что в аппарате психики для него имеется место, оставленное пустым в чисто *функциональной* концепции Я. Однако, существенный пункт, на который нам уже указано Фрейдом и который делает бесполезным и даже ложным различие между Я и «*самостью*», или — это констатация, что генезис самого Я отмечен образом, нерасторжимо связывающим себя и другого.

Именно здесь открывается проблемное поле идентификации. Тем не менее мы, в той мере, в какой мы намерены следовать за эволюцией мышления Фрейда, начинаем не с этого идентификационного генезиса Я. На самом деле понятие идентификации, единственное, которое способно дать полное представление об образовании метафорической инстанции Я, будет развито лишь несколько позже и сравнительно неполным образом. Но до того, как Фрейд сможет, в рамках идентификационного подхода, поставить вопрос о том, как возникает Я, у него уже было что-то вроде интуитивного прозрения относительно этого полагания Я как интрапсихической реальности, то есть одновременно и структурного и экономического полагания Я. В данном исследовании, как и в ближайшем, мы попытаемся проследить, как эта метафорическая проблематика Я меняется на трех стадиях мышления Фрейда.

С одной стороны, на первом этапе, она возникает вместе с такой явно абстрактной моделью, как «Проект научной психологии» (1895); затем — в более проработанном тексте, «Введение в нарциссизм» (1914); наконец, более сжатым образом, в обещаниях дальнейшей разработки понятия идентификации.

Проект 1895 г. является, подчеркнем вновь, весьма значительным сочинением Фрейда о Я, в гораздо большей степени сконцентрированном на этом вопросе, чем какой-либо из текстов Фрейда впоследствии, включая и «Я и Оно». Чтобы выяснить здесь, со структурной, а также с экономической точки зрения, положение и функцию Я в этом тексте, нам необходимо в первую очередь сделать беглый набросок модели механизма психики, или «механизма души», в который это Я включено. Модели, как известно, на первый взгляд, неврологической, поскольку речь идет о том, чтобы полностью реконструировать человеческую психику и ее нормальное функционирование, а также и о теории неврозов, основанной на двух важнейших гипотезах: на гипотезе нейрона — основании структурной или топографической точки зрения — и количественной гипотезе — основании экономической точки зрения. Очевидно обращение к традиции рационалистической и материалистиче-

ской мысли, которая уже столетия, если не тысячелетия стремится понимать все феномены на основе двух подобных составляющих: нейрон и количество — выражает то, что у Декарта, например, называлось фигурой и движением, а в «физикалистской» школе Гельмгольца, оказавшей сильное влияние на Фрейда — массой и энергией. В конце XIX столетия Фрейд, между прочим, не претендует на оригинальность: «Попытки подобного рода — подчеркивает он — сегодня вполне обычны»; и действительно, можно доказать, что проект Фрейда не был единственной попыткой использовать в амбициозном обобщении все последние открытия анатомической науки и делавшей первые шаги физиологии нервной системы. Однако, прежде чем повторить, как это принято среди учеников Фрейда, что это его первая и, несомненно, последняя попытка втиснуть совершенно новое психологическое открытие в старую и несоответствующую форму, то есть в неврологическую теорию, рассмотрим эту теорию более внимательно. Прокрустово ложе? Куколка, из которой вскоре появится ослепительно красивая бабочка? Образ *Entwurf*, согласно нашему мнению, достоин более внимательного рассмотрения, и мы вскоре поймем, насколько современное звучание приобретают его гипотезы.

Вначале *нейроны.* Их представляют как дискретные единицы, совершенно отличающиеся друг от друга и, тем не менее совершенно идентичные (*gleichgebaut*: созданные по одной и той же модели). Это сразу же позволяет сделать шаг в направлении структуры: поскольку эти единицы совершенно похожи друг на друга, то как их можно еще отличить, если не по положению в «нейронной системе» в целом? Какова особенность этого положения? Она состоит в том, что между нейронами существуют связи и, с другой стороны, каждый нейрон включает раздвоение одной исходной линии на два выхода, схему, самым лучшим образом выражаемую буквой Y. Раздвоения также включены друг в друга, в ряд последовательных дихотомий, образующих чрезвычайно сложную сеть.

С точки зрения функционирования существенным признаком этих нейронов является их способность передавать энергию. Но подчеркнем тот факт, что эта передача является абсолютно механической, зависит только от того, что можно обозначить как разновидность естественной предрасположенности каждого нейрона, предрасположенности, которая заставляет энергию проходить именно в этом месте. Помимо этой способности передавать энергию нейронные элементы могут так-

же при определенных условиях ее задерживать, накапливать, и это происходит потому, что на границе со следующим нейроном устанавливается что-то вроде преграды, в той или иной мере проницаемого или непроницаемого «барьера».

Теперь *количество*. Итак, ни одна спецификация, ни одно описание заранее не дано: есть лишь чистое количество, без какого-либо элемента, который пришлось бы «наделить качеством». Это чистое количество, о котором ничего иного в учении Фрейда не говорится и которое всегда обозначается как разновидность гипотетического X, и все, что о нем только известно, — мы нуждаемся в нем, как в *независимой* переменной: вдоль тех путей, что соединяются в сложной сети проводимости, должно существовать нечто такое, что по ним циркулирует, и что поддавалось бы количественному определению, что в той или иной мере было способно к добавлению, исключению и разгрузке.

Это, разумеется, весьма абстрактная и философская модель. Но мы хотели бы подчеркнуть, что у Фрейда речь идет и о клинической модели. Что сообщает этой модели жизнь и заставляет ее быть чем-то иным, нежели чисто спекулятивным приспособлением, так это клинический опыт всего зарождаю-

щегося психоанализа в целом и весьма странные факты, которые он устанавливает. Эта связь с опытом отчетливо декларируется с самого начала «Проекта научной психологии»: «Количественная концепция выводится непосредственно из патолого-клинических наблюдений, в частности, из тех, где дело касается таких сверх-интенсивных представлений, как при истерии или при навязчивом неврозе, где количественный характер проявляется в более чистом виде, чем в случае с нормальным человеком».[1] С примерами таких сверх-интенсивных представлений мы встречались совсем недавно; так, в «Исследованиях истерии» это лицо, которое внезапно сопровождалось тем, что называют аффектом страха. И именно страх и представляет собой то, что более всего сближается с чисто количественной манифестацией; это, если угодно, аффект, уничтожающий качество, аффект, где остается лишь количественный аспект. Процитированный отрывок продолжается следующим образом: «Такие процессы, как возбуждение, замещение, конверсия, разгрузка, описываемые в психопатологии, привели нас непосредственно к концепции нейронного возбуждения как

---

[1] *Freud S.* Esquisse d'une psychologie scientifique // *Naissance de la psychanalyse.* Paris, P. U.F., 1956. P. 316.

преходящего количества». Замещение, например, выражается в том, что представление способно по своему усмотрению использовать один аффект вместо другого. Конверсия — в том, что одна часть тела может оказаться внезапно насыщенной определенной энергией, вызывающей движение или, наоборот, паралич, в то время, как некоторые представления, наоборот, оказываются нейтрализованными, почти абсолютно лишенными эмоционального резонанса. Разгрузка, наконец, может быть лучше всего проиллюстрирована такими приступами страха, когда аффект обнаруживается в особом состоянии, за пределами любого осознанного представления.

Представление и *аффект*, здесь это элементы, устанавливаемые в клинике, или, по крайней мере понятия, которые наилучшим образом позволяют ориентироваться в столь необычном опыте неврозов. Эти два клинических понятия точно, во всех деталях соответствуют главным понятиям описания механизма психики: нейрон обозначает представление, количество является последним элементом аффекта. Поразительный феномен, обнаруживающийся при клиническом изучении неврозов, — ***независимость представления и аффекта***, возможность замещения их друг другом. Такое замещение — его пример

мы видели в связи *proton pseudos* – может в определенном случае быть полным, например, в случае символа и того, что символизируется: символ способен воспринять весь «квантум аффекта», тогда как символизируемое настолько полно утрачивает свое содержание, что, в конечном счете, оказывается вытесненным, недоступным.

Напомнив, каким *новым* и живым опытом насыщена физикалистская схема нейронного механизма, мы не станем, вслед за Фрейдом, вдаваться в детали ее функционирования. Сопоставим теперь два наших термина — нейрон и количество. Перед нами нейронные системы, цепочки последовательных нейронных раздвоений, которые Фрейд, особенно не раздумывая, называет «мнемическими» системами, в силу уравнения нейрон = представление, лежащего в основе его гипотезы. Мнемическая система — это система памяти или воспоминаний, но вместе с одной замечательной характеристикой: непосредственно в нее не включается ничего количественного. Речь, разумеется, идет о приспособлении, способном зарегистрировать «энграммы», но у Фрейда энграмма совершенно не похожа на «образ», на «аналог» воспринимаемого объекта. Вся оригинальность данной энграмматической записи основана исключитель-

но на специфичности тех путей, по которым движется циркулирующее количество. И эта специфичность резюмируется только в различии между двумя путями или в последовательности различий, где при первом раздвоении избирается путь *a*, а не путь *b*, где первый путь «прокладывается», а на втором, наоборот, воздвигается «барьер»; при следующем раздвоении будет избран правый путь, а не левый; при третьем — наоборот, и так далее.[1] Следовательно, именно структура целого, следствие этих «выборов» в ряду раздвоений, и формирует сама уникальное сочетание для каждого воспоминания. Современник в этой модели легко улавливает совершенно иные отзвуки. Достаточно немного ее видоизменить, дать ей несколько иную интерпретацию, чтобы увидеть в ней разновидность электронной машины, компьютер, функционирующий на основе принципа бинарного исчисления.

Нейрон и количество. Артикуляция этих двух терминов побуждает сформулировать принцип, регулирующий циркуляцию ко-

---

[1] «Память представлена различиями в способах передачи нервных импульсов, существующих между нейронами Ψ». *Freud S.* Esquisse d'une psychologie scientifique // Naissance de la psychanalyse. Paris, P. U.F., 1956. P. 384.

личества по нейронам — принцип «нейронной инерции», на который мы уже намекали выше, говоря о чем-то вроде естественной «предрасположенности» нейронов. «Нейроны стремятся освободиться от энергии» — такова первичная формулировка этого принципа. Эта склонность к *полной* разгрузке, склонность к *инерции*, склонность к *нулевому уровню* будет постоянно находить подтверждение в теории Фрейда; вначале, на этой первичной стадии, она будет названа принципом нейронной инерции; затем она получит имя принципа удовольствия, закончится все принципом Нирваны или принципом влечения к смерти. Сегодня мы не настаиваем на пересечениях, даже недоразумениях, которые такого рода эволюция вызовет во всей системе фрейдовской мысли.

Взятый в его истоках этот фундаментальный принцип формулируется с абсолютной строгостью: его действие заставляет нейроны опустошаться, энергия должна полностью передаваться от одного элемента к другому, что лучше всего иллюстрируется примером с символом и тем вытесненным содержанием, которое он символизирует. Аффект нацелен на полное высвобождение, он стремится полностью покинуть тот ряд представлений, через который он проходит: здесь перед нами

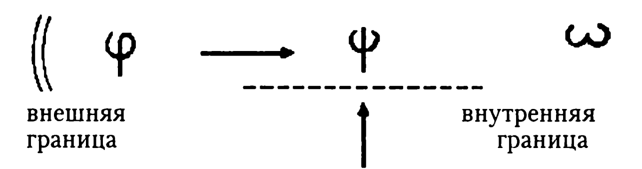
функционирование или первичный процесс, модель функционирования, которая определяется как модель бессознательного, та, с которой, в частности, психоанализ имеет дело, например, при анализе сновидений.

Теперь на мгновение остановимся, чтобы задать вопрос, на каком уровне реальности работает этот принцип. Является ли этот принцип принципом живого организма? Или же это совершенно иной принцип, располагающийся, несмотря на видимость, на ином уровне, не на уровне биологии? Фрейд действительно представляет нам аксиому об инерции как основной принцип всякого организма. И тем не менее организм, который функционировал бы в соответствии с этим первичным принципом, был бы попросту нежизнеспособным. Это утверждение сам Фрейд, возможно, и не стал бы опровергать, поскольку он, чтобы объяснить выживание, сразу же обращается к видоизменению — переработке или усовершенствованию — первичной функции во «вторичную, вызываемую требованиями самой жизни». Но противоречие возникает от того, что движущую силу этого адаптивного видоизменения ищут в самом первичном принципе, тогда как он, в своей сущности, стремится к нивелированию любого живого различия.

Мы, таким образом, утверждаем, что принцип нейронной инерции, который позже у Фрейда становится принципом удовольствия, — это не принцип жизни, и он не имеет ничего общего с процессами функционирования живого организма. Это так, несмотря на введение термина «удовольствие», который, очевидно, напоминает об адаптивном значении, определяемом в контексте психофизиологических ссылок, в котором следовало бы разобраться. *Эта модель полного высвобождения психической энергии обнаруживается только на уровне представлений, а не в функционировании живого организма.* Она разрабатывается для использования при анализе сновидений и психопатологии. Мы еще вернемся к тому парадоксу, что Фрейд тем не менее постулирует ее — пусть абстрактно, пусть как первый логический ход — на уровне жизни. Это модель смерти, а не жизни. И это также модель функционирования бессознательного...

Нарисуем теперь общую структуру, главные черты психического механизма, каким он описывается в знаменитом «Проекте научной психологии». Этот механизм разделяется на несколько систем, обозначаемых греческими буквами: ψ, φ, ω. Центр механизма образован системой ψ, управляемой первичным

процессом, системой, которая в самом главном соответствует «бессознательному». Эта система бессознательного, где, в виде сочетаний путей передачи нервного импульса, регистрируются «мнемические следы», оказывается с одной стороны связанной с внешним восприятием посредством тех способов, которые обозначены буквой φ. Внешняя граница организма на нашей схеме представлена двойной чертой: это кожный барьер, а также защитные механизмы, которые, на уровне всех органов чувств, фильтруют и уменьшают возбуждение. С другой стороны система ψ оказывается связанной с сознанием, обозначенным как система ω. *Мы сразу же и постоянно будем настаивать на том факте, что эта система ω не имеет ничего общего с* Я. Наконец система ψ (при гораздо более сложных условиях, чем на схеме, здесь нарисованной) оказывается, с третьей стороны, связанной посредством целого ряда механизмов, включая и последовательные пороги реакции, с возбуждениями, идущими с внешней стороны тела: именно от-

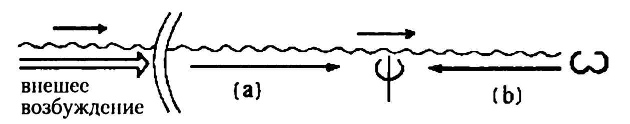
сюда появляется импульсивная энергия, выполняющая функцию разгрузки.

Система ψ, совокупность мнемических систем и, в частности, системы бессознательного, расположена, следовательно, на перекрестке трех путей: того, который связывает ее с φ и с внешними возбуждениями, того, который несет в нее определенную информацию из сознания, и, наконец, того, который, через что-то вроде внешней периферии, изображенной пунктиром, доставляет внутренние физиологические возбуждения.

Если мы пожелали нарисовать схему этого механизма, то, разумеется, не для того, чтобы с ней согласиться и затем использовать ее в психоанализе. Сделали мы это только для того, чтобы попытаться связать с ней проблематику, наиболее тесным образом связанную с функцией Я: проблематику реальности и ее воспроизведения в «опыте удовлетворения». Внешняя реальность в этой схеме — это и есть совокупность возбуждений, передаваемых механизмами восприятия. То, на что при всей своей простоте указывает эта схема — это прямая связь механизма психики с внешней реальностью. У истоков мышления Фрейда не найти проблематики, в рамках которой предпринимались бы попытки из доступа к реальности создать некий гипотетический, всегда

неопределенный, движущийся на ощупь процесс, исходя из состояния механизма психики, напоминающего монаду. Ω, система сознания — хотя и расположенная полностью внизу, с другой стороны от ψ — передает, можно сказать, автоматически то, что Фрейд называет «признаком реальности»; это что-то вроде сигнала в электрическом биллиарде, что можно сравнить с тем, что происходит при механическом взаимодействии шаров, когда оказывается задетым определенный «контакт». Когда воспринимается реальность, автоматически, с повторениями, происходит разгрузка, целый ряд разгрузок, которые информируют систему ψ о том, что возбуждения, которым она подвержена, имеют «значимость реальности». Необходимо понять, что центральный механизм, когда он сталкивается с внешним возбуждением, получает в одно и то же время два вида сообщений: то, которое приходит прямо с периферии (А), и то, которое передается через ω, сообщение о сообщении, доносящее первому признак «реальности».

Итак, перед нами характерный для Фрейда *реализм*; это наивный реализм? Реализм, под-

дающийся «феноменологической» интерпретации? Какой бы ни была наша оценка, важно утверждение, что психический и биологический индивид воспринимает реальность непосредственно, что ему свойственно признавать ее наличие и что для этого он не нуждается в Я.

Только один раз, в специальной главе, в эту твердо устанавливаемую и направляемую на реальность модель «вводится» Я.[1] На самом деле функция Я оказывается необходимой не для достижения реальности во внешнем мире, но для различения того, что является реальностью, и того, *что выдает себя за реальность, возникающую из внутреннего мира*. Иными словами, проблема во *внутреннем возбуждении* и его отзвуках в мнемических системах «представлений», уже имеющихся в ψ. Любое внутреннее возбуждение, любое физиологическое возвышение над уровнем потребности передается оживлением в системах воспоминания следов прошлого опыта. Это процесс, обозначаемый в *Entwurf*, а затем и во всем творчестве Фрейда термином *опыт удовлетворения*.

Опыт удовлетворения недоступен пониманию, если его не связать с биологическим

[1] Имеется в виду раздел «Введение Я» в кн. *Freud S.* Esquisse d'une psychologie scientifique.

фактом полового созревания. На самом деле именно в силу того, что Фрейд называет *Hilflosigkeit* — то есть в силу своей беспомощности, изначальной неспособности помочь себе самому — маленький человек не способен заставить функционировать механизмы, необходимые для удовлетворения своих потребностей, механизмы, объединенные под заглавием «специфической деятельности» и являющиеся ничем иным, как инстинктивным приспособлением. Инстинктивного приспособления недостаточно, и, в любом случае, оно появляется слишком поздно, со смещением: оно не появляется в тот момент, когда его ожидают, то есть с самого рождения. Начиная с рождения и пока имеется это смещение, перед нами, следовательно, что-то вроде *дисквалификации инстинкта*: удовлетворение потребностей не может происходить посредством заранее установленного приспособления, которое будет формироваться лишь постепенно, в соответствии с ритмом созревания центральной нервной системы, но удовлетворение должно сразу же происходить посредством интерсубъективности, то есть благодаря другому человеческому существу, матери. Чувствуется аналогия этой схемы с той, которую мы описывали в связи с «подкреплением». Признаки, сопровождающие удовлетворение (признак, со-

провождающий поступление молока для питания), теперь приобретают значение приспособления, и именно это приспособление, фантазм, еще сводящийся к весьма слабо выработанным элементам, оказывается повторяющимся во время дальнейшего появления потребности. Фрейд очевидно все это выражает в терминах, описывающих передачу нейронных импульсов, поскольку воспроизведение прошлого опыта не является возрождением каких-то новых элементов, но сводится к тому, что энергия вновь проходит по определенным путям системы.

В таком случае возникает проблема: когда появляется внутреннее возбуждение, приспособление посредством фантазма — эта совокупность нескольких элементов представления, связанных в единую короткую сцену, в сцену чрезвычайно примитивную, неизбежно создаваемая из частичных, а не из целостных объектов, например, груди, рта, движения рта, которым, например, улавливают грудь — возрождается, и такое возрождение, приводящее в движение сознание (систему ω), сразу же переживается как нечто реальное. Разумеется, можно задать вопрос, чему соответствует это понятие *галлюцинаторного удовлетворения желания*: идет ли речь о реальности, действительно переживаемой маленьким ребенком,

или же просто о частной модели, соответствующей, разумеется, определенной структурной необходимости, но которая сразу же, в самой реальности, сталкивалась бы с затормаживающим элементом, который препятствовал бы ее полному функционированию? Верно, что для Фрейда такая первичная галлюцинация, оживление определенного фантазматического следа во время появления новой потребности, должна происходить с первых дней существования: «Нет сомнения, что такое оживление желания вначале производит то же самое, что и восприятие, то есть галлюцинацию».[1] Об этом свидетельствует существование сновидения, модели первичного процесса, где оживление представлений сопровождается полным ощущением реальности происходящего.

В противоположность этой проблеме галлюцинаторного чувства реальности и конструируется схема: φ, ψ, ω. И именно в ω, в системе сознания, воздействие процесса нового обогащения фантазма вновь вызывает сообщение или «признак реальности». Здесь, вместо механизма упрощения, перед нами совершенно оригинальная концепция «осознания реальности»: впечатление о реально-

---

[1] *Freud S.* Esquisse d'une psychologie scientifique. P. 338.

сти достигается не посредством приближений, реальность не изучается и не проверяется опытом или ошибками, но она является тем, что дано или не дано, полностью или нет, в соответствии с тем, присутствует или отсутствует признак, оказывающий на нее воздействие (и который сам ее и выводит на свет). И если элемент реальности во внешнем восприятии не является плодом обучения, галлюцинацию тем более нельзя скорректировать каким-либо исправлением, посредством опыта или проверки. Галлюцинация или есть, или ее нет, и когда она есть, то совершенно невозможно вообразить какой-либо протокол, позволяющий доказать испытывающему галлюцинацию, что он ошибается. В этом пункте мы встречаем у Фрейда устойчивость клинической констатации, отвергающую раз и навсегда концепцию знаменитого *Realitätsprüfung* как опыта реальности, словно в случае с испытывающим галлюцинацию можно было бы найти иную реальность, способную вывести его из заблуждения.

Именно здесь и вводится Я, и его роль в проблеме реальности не зависит от того, связано ли оно с самой реальностью прямым образом. То, что с метапсихологической точки зрения определяет проблему галлюцинации, так это факт, что реальности уже слиш-

ком много в системе, а не необходимость обратиться за помощью к какой-то иной реальности: слишком много реальности, поскольку там имеется одновременно и реальность перцептивная, пришедшая из-за внешнего барьера, и реальность галлюцинаторная, берущая начало во внутреннем приведении в действие «признака реальности», своего рода сигнала для системы сознания. Искать другой признак реальности, в котором пришлось бы еще разделять «истинную» реальность и то, что напрасно выдается за ее признак, — и так до бесконечности, — значило бы только возобновлять апории, хорошо известные философскому мышлению. Я, следовательно, если оно является инструментом реальности, не предоставляет какого-либо привилегированного доступа к реальности, но, благодаря своему простому присутствию, позволяет действовать одной лишь внешней реальности и выводит из игры псевдо-реальность внутреннего происхождения. Иными словами, его функция исключительно затормаживающая: препятствовать галлюцинации, отвергать «излишек реальности», происходящий из внутреннего возбуждения, и позволять признаку реальности, идущему из внешнего восприятия (и который всегда существует независимо от потребности в Я), действовать одному, без

конкуренции со стороны галлюцинаторного оживления, функционируя теперь в качестве достоверного *критерия.*

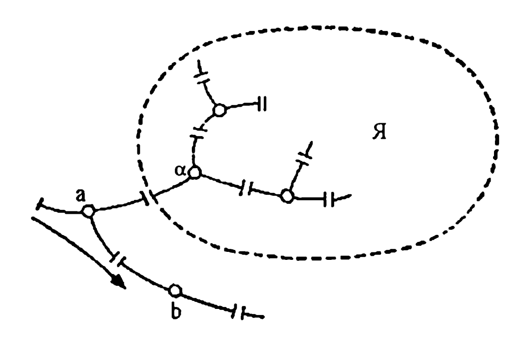
Что же такое Я, наделенное этой функцией торможения? Я — это часть ψ и, поскольку само ψ образовано мнемическими системами, мы должны сделать вывод, что Я основано на процессах, которые имеют нечто общее с памятью: оно, следовательно, имеет историческое происхождение. Тем не менее эта часть оказывается организованной иначе, чем иные мнемические системы. Что преобладает в Я, так это не столько тот факт, что оно, как и любая совокупность нейронов, образовано последовательными разветвлениями, сколько то, что оно образует определенную организацию, о которой напоминает понятие *Gefüge*, «организованная совокупность», или понятие *Zusammengesetztes Ich*, «сложное Я», одновременно образованное *partes extra partes* и тем не менее единое. Его наиболее ясное определение дает нам *сеть взаимосвязанных друг с другом нейронов* (*Ein Netz besetzer, gegeneinander gui gebahnter Neuronen*). Понятие *сети* в первую очередь дает представление о чем-то более статичном, более устойчивом, чем образ мнемических систем, в которых раздвоения обладают функцией высвобождения энергии, а не ее удержания. Здесь перед нами то, что можно анахронически обозначить

как разновидность *Gestalt*, формы, для которой понятие энергетического обогащения является главным. Отсюда выражение *«взаимосвязанные друг с другом»*, которое указывает, что внутри системы Я связи являются устойчивыми, тогда как на периферии, наоборот, существуют барьеры, ограничивающие обмен; таким образом, Я возникает как разновидность резервуара, внутри которого действует принцип сообщающихся сосудов, позволяющий энергии распределяться в равной мере, тогда как вне этого резервуара сохраняется неравномерность. Разумеется, обращение к теории и к психологии формы возникает в связи с Я так же не случайно, как и понятия энергетически насыщенных форм, как и образы и модели, отсылающие к аналогиям из гидравлики или электрики: резервуар, конденсатор и т. д. В то же время такая модель формы вырисовывается на фоне напоминания о связи организма со своей средой, организма, определяемого границей, окружающей регион, в котором циркулирует определенная энергия, чей средний уровень остается постоянным, хотя и более высоким, чем энергетический уровень внешнего мира, из которого этот регион выделяется и которому он противостоит.

Эта интерпретация Я как *Gestalt* прекрасно согласуется с механизмом, который описы-

вается нами как *тормозящее воздействие*: речь идет о чем-то вроде индукции в окружающей среде, подобной той, какую оказывает воздействие электрически или магнетически насыщенной массы, причем воздействие индукции зависит от энергетического различия между зарядом индуцирующего элемента и зарядом среды. Здесь перед нами то, что весьма точно описывается Фрейдом термином «побочное инвестирование» (*Nebenbesetzung*). Чтобы изобразить это воздействие в схеме, которую нарисовал сам Фрейд, достаточно вообразить, с одной стороны, путь или ряд нейронных путей, по которым свободно происходит протекание первичного процесса, то есть протекание бессознательных процессов. А с другой стороны, по соседству с этим путем имеется ограниченная сеть, где застывает определенная энергия. Эффект торможения, на пути первого типа, как раз и достигается соседством *Gestalt* Я, стабилизирующего в своей области движение энергии и стремящегося даже включить ее в свою собственную систему.

«*Побочное инвестирование* — это, следовательно, *торможение количественного перехода*. Если мы представим Я как сеть взаимосвязанных друг с другом нейронов, то дело, возможно, обстоит так: определенное количество,

идущее извне, проникающее в нейрон *a* и, если на него не оказывается никакого влияния, переходящее в *b*, подвергается в *a* побочному инвестированию *α* таким образом, что оно лишь частично переходит в *b* или даже не достигает *b*. Следовательно, если существует Я, то оно должно тормозить первичные психические процессы».[1]

Если не упускать из виду, что речь здесь идет о цепочках представлений, то Я представляет собой то, что вводит в циркуляцию фантазма определенный балласт, процесс взаимосвязи, который задерживает и заставляет застаиваться энергию в системе фантазмов, препятствуя ей циркулировать совершенно свободно и безудержно. Это возникновение

[1] *Freud S.* Esquisse d'une psychologie scientifique. P. 407–408.

вторичного процесса, процесса, являющегося лишь следствием, индуцированным существованием первичной массы, и есть Я, которое само связано определенной границей, оболочкой:

«Инвестирование желания, доходящее до галлюцинации, общее развитие неприятных ощущений, влекущее за собой затраты на общую защиту, — это мы и называем *первичным психическим процессом*; наоборот, *вторичным психическим процессом* мы называем процесс, который становится возможным лишь благодаря положительному инвестированию Я и смягчению всего предшествующего».[1]

Между вторичным процессом и, собственно говоря, Я нет тождества, что вынуждает различать в том, что относится к Я, «меняющуюся и постоянную часть». Устойчивая часть называется также «ядром Я»; внутри этого ядра нельзя говорить о вторичном процессе: совокупность, функционирующая как единое целое, энергия, распределяемая в данный момент однородно. Ядро Я представляет собой огромный резервуар, действующий посредством своего энергетического заряда. Рядом с этой формой подвижная часть Я образуется процессами, на которые оказывается тор-

[1] *Ibid*. P. 411.

мозящее воздействие: это вторичные процессы (в будущем система «сознание-подсознание») и, в частности, «процесс мышления, заключающийся в инвестировании нейронов ψ вместе с изменением, посредством идущего от Я побочного инвестирования, компульсии нервного возбуждения».[1] Если включить в Я область его подвижного и изменчивого влияния, то можно понять такую «организацию» в целом как способную расширять или сужать свои границы:

«Когда уровень инвестирования в ядро Я поднимается, протяженность Я может расширить свой круг, когда инвестирование снижается, Я концентрически сужается. На определенном уровне и на определенной широте Я ничто не дает повода для упрека в подвижности смещения внутри области инвестирования».[2]

Наконец, энергия, которой заряжено Я, имеет эндогенное происхождение: это часть импульсивной энергии, которая сохраняется при постоянном инвестировании:

---

[1] *Ibid.* P. 418. Термин *компульсия нервного возбуждения* весьма точно обозначает первичный процесс или свободную энергию, то есть навязчивость бессознательного желания.

[2] *Ibid.* P. 449.

«Мы называем эту организацию Я; из этого легко можно получить образное представление, полагая, что регулярно повторяемая рецепция эндогенных количеств в определенных нейронах (ядра) и эффект нервного возбуждения, которые из нее следует, производит группу постоянно инвестируемых нейронов, которая соответствует резерву, требуемому вторичной функцией».[1]

Постоянные инвестиции энергии влечений или энергии либидо, подвижность на переферии устойчивого ядра, границ или зон влияния могут, в зависимости от обстоятельств, свидетельствовать о значительном расширении или сужении... Эти признаки предвосхищают описания Я, которые Фрейд представит двадцатью годами позже.

Но, кроме того, различие в Я устойчивой и подвижной части позволяет Фрейду сделать одно важное замечание на полях, касающееся отношения Я к восприятию и объекту: в процессе, обозначаемом как «познание и воспроизводящее мышление», перцептивная структура объекта разлагается на устойчивую часть — «вещь» — и изменчивую часть — «предикат». Фрейд отмечает глубокую аналогию

---

[1] *Ibid*. P. 407.

между этой структурой «перцептивного комплекса» и структурой Я:

«Язык позже даст имя суждения этому делению (перцептивного комплекса) и откроет сходство, действительно существующее между ядром Я и постоянным элементом восприятия с одной стороны, и между изменчивыми инвестированиями коры головного мозга и непостоянным элементом (перцептивного комплекса), с другой».[1]

Это разложение перцептивного объекта, действительно «первичное» суждение в том смысле, что оно дорефлексивно и довербально, имеет значение прежде всего для восприятия другого человеческого существа, *Nebertmensch*, прототипа любого познания:

«Объект такого типа и является первичным объектом удовлетворения, а затем первичным враждебным объектом, хотя в то же самое время он является единственной силой, способной помочь. Именно поэтому человек учится знанию о другом человеке».[2]

Таким образом, первичное суждение является актом, посредством которого, на основе «собственного опыта, ощущений и образов», полагается первичное постоянство объек-

---

[1] *Ibid.* P. 412–413.
[2] *Ibid.* P. 415.

та, благодаря различию между его «ядром» и его «предикатами». Сказать, что это суждение осуществляется в соответствии с первичным процессом и что оно обходится, образно говоря, без Я, тогда как оно как раз и закладывает в восприятии структуру, аналогичную структуре Я, — не значит ли очертить место перцептивного опыта, который, одним и тем же движением, дает основу и форме Я и форме «тотального объекта»?

IV. Я И НАРЦИССИЗМ

В проблематике Я, как нам кажется, два способа связывают Я как целостную живую индивидуальность и Я в том смысле, в каком его понимает психоанализ. Из этих двух способов, метонимического и метафорического, мы в данном случае избираем второй, потому что он нам представляется наиболее плодотворным, и главным образом, потому что им чаще всего пренебрегают в современном психоанализе в целом.

«Проект научной психологии» (1895) сразу же начинает с того, что Я, в сущности, не является субъектом: оно не является ни субъектом в смысле классической философии, ни субъектом восприятия и сознания (оно не является ω), ни тем более субъектом желания, это субъект, предназначенный для нас, психоаналитиков: оно не является ни ψ в целом, ни самым важным в ψ элементом, но представляет собой

особое образование внутри мнемических систем, внутренний объект, обогащенный энергией всей психики. Этот объект тем не менее наделен способностью к деятельности и выступает как сторона, участвующая в конфликте посредством своей двойственной функции: функции торможения, которая является функцией связывания, той, на которой мы останавливались в нашем предыдущем разделе; и защитной функции, которую мы рассматривали в связи с теорией истерии, в двух ее разновидностях — патологической и нормальной защиты. Сразу же необходимо высказать утверждение, согласно которому Я не является субъектом, и повторить: Я представляет собой объект, но объект промежуточный, постоянно меняющийся, способный вводить нас в заблуждение и выдавать себя за желающего и выражающего волеизъявления субъекта.

Через двадцать лет после *Проекта*, приблизительно десятью годами позже «Я и Оно», главная фаза мысли Фрейда относительно проблематики Я знаменуется «Введением в нарциссизм» (1914). Речь здесь идет о тексте, значение и историческое место которого в том, что может быть историей структуры мышления Фрейда, заслуживает особого анализа. Если можно уподобить эволюцию мышления Фрейда устойчивому волнообразному

движению, включающему в себя последовательность «волн» и «узлов», то «нарциссизм» вполне очевидно во многих отношениях знаменует собой важный узловой пункт.

Задуманная второпях, с пылом и, несомненно, с энтузиазмом[1], как и «По ту сторону принципа удовольствия», эта работа, в отличие от этого также отмеченного вдохновением труда, вскоре рассматриваемого как несовершенное, или даже чудовищное творение,[2] остается без внимания еще до того как будет недооценена. Ее положение во всем письменном творчестве в целом отличается немалой сложностью: она подтверждает целый ряд уже сделанных за множество лет клинических наблюдений на тему нарциссизма и его связей с извращениями, с гомосексуализмом и с психозом. Но в то же самое время, объединяя эти наблюдения, она несет с собой настоящий переворот в теории в целом. С другой стороны, она связана с группой статей, созданных в 1915 г., и образующих замысел какого-то подобия те-

---

[1] «Семнадцать чудесных дней» проведенных в Риме, в компании с Минной Бернайс. См.: *Джонс Э.* Жизнь и творчество Зигмунда Фрейда. Париж, 1969. Т. 2.

[2] «Я с трудом произвел на свет нарциссизм. Из-за этого он несет на себе следы деформации». *Фрейд З.* Письмо Абрахаму 18 марта 1914 г.

оретического монумента, «метапсихологии». Джонс, историк Фрейда, не ошибается, полагая, что эти метапсихологические сочинения являются итоговыми текстами, представляющими собой что-то вроде синтеза и не позволяющими, в силу значительного нарушения равновесия, предвидеть важный теоретический «поворот», который произойдет несколькими годами позже, в 1920 г. Некоторые из этих метапсихологических сочинений претендуют на рассмотрение нарциссизма, другие заканчивают свое обращение к нему неудачей... Таким образом, тексты, *итоговые* для всего периода, появляются *после* пересмотра обсуждаемого вопроса и оставляют его словно во сне, в ожидании. Позже речь пойдет не только о забвении или о частичном неведении, но и о настоящем тенденциозном переистолковании Фрейдом своих собственных тезисов, когда он будет переписывать, кратко, историю своей «Теории либидо».[1]

«Нарциссизм» является также важным узловым пунктом и в силу того, что в нем пе-

---

[1] *Фрейд З.* Теория либидо. (1923), глава о явном сближении с воззрениями К. Г. Юнга: Фрейд представляет здесь момент нарциссизма как искушение энергетическим монизмом Юнга, то есть как тупиковый момент.

ресекаются долгое время разделенные и относительно независимые линии: линия «топики» и линия «теории влечений». Это точка пересечения различных линий мышления, различных ассоциаций. Так у читателя, который, как Джонс, хотел бы на мгновение вообразить, что сам Фрейд не занимался своим произведением, возникает впечатление, противоположное тому, что производят «метапсихологические» тексты 1915 г.: ощущение, что начиная с этого момента перегруппировки была возможность нового развития теории, которое не обязательно проходило бы через поворот и перелом «По ту сторону принципа удовольствия».

Тезис Фрейда, если мы хотим изложить его сжато и, в определенном смысле, более радикально, опирался на три суждения: нарциссизм является инвестицией либидо в Я, *любовью к своему* Я — тезис, в котором, очевидно, нет ничего удивительного; но эта инвестиция либидо в Я неизбежно совершается у человека через *инвестицию либидо, идущую от* Я; и, третий тезис, эта инвестиция либидо в Я неотделима от *образования* самого человеческого Я.

Первое, что делает Фрейд, заключается в том, чтобы «собрать все, что было сказано» и оправдать введение «нарциссизма» как психоаналитического понятия и как обобщающей теории, за рамками его клинического обнаруже-

ния в некоторых особенно убедительных феноменах. *История* нарциссизма в рамках психоаналитических подходов едва намечена, а ссылка на античный миф полностью опущена, как и совершенно ясный подход Хэвлока Эллиса, только что появившийся. Не имея желания воспроизводить эту историю, неплохо, между прочим, исследованную в XIII томе «Исследований по психологии секса», отметим только, что понятие любви к себе с давних пор ограничено одним уточнением. Так уже у Овидия выделяются некоторые признаки: расположение нарциссизма за рамками различия полов, а также языка; Эхо, это «олицетворение звукового отражения нашего Я» (О. Ранк), лишается своих качеств как привносящее первый элемент символизации или различия. С другой стороны, «ошибка Нарцисса» представлена во всей своей всеобщности как ошибка возлюбленного, каким бы он ни был, позволяющая предвидеть открытие элемента нарциссизма во всякой любовной связи. Впрочем, на то же самое направление нам указывает и использование некоторыми платониками мифа о Нарциссе как символизирующего самодостаточность совершенной любви: здесь имеет место соединение, которое даст о себе знать в воспроизведении Фрейдом платоновского Эроса для обозначения «влечения к жизни».

У Хэвлока Эллиса[1] уже в 1898 г. упомянуты многие важные аспекты нарциссизма, в частности, тотальный характер нарциссизма, тот факт, что он находит свое место за пределами автоэротического, локализованного сексуального наслаждения: нарциссизм характеризуется «тенденцией... сексуальных эмоций к поглощению, а иногда и к полному исчезновению в восхищении самим собой».

Тем не менее, в отличие от сексологов, когда Фрейд обращается в своем тексте к этому отклонению, он не претендует на точное описательное разграничение. В этих первых набросках, в тех редких, даже если они образцовые, случаях «нарциссизма как извращения», важно утверждение сходства своего собственного тела и «тела сексуального объекта», которые рассматриваются как единое целое, ласкаемое, созерцаемое и ласкающее: созерцание, забота и ласка создают и утверждают форму целого, границу, закрытую оболочку, которую образует кожный покров.

---

[1] Гораздо больше, чем у П. Нака, к которому обращается Фрейд и который всего лишь придумал существительное «нарциссизм». В этом отражается двойственное отношение Фрейда к Хэвлоку Эллису, как бы положительно не воспринимал последний клинические методы фрейдизма.

За рамками «нарциссизма как извращения», даже предполагая, что его можно выделить как клиническую единицу, что весьма сомнительно, нарциссизм очень скоро определяется сексологами и аналитиками как элемент, образующий отклонения и прежде всего гомосексуализм. Это обращение к гомосексуализму, в котором Фрейд видит «самый сильный мотив, подводящий нас к гипотезе нарциссизма», найдет свое объяснение в последующем изложении, когда будет введено различие между двумя типами «выбора объекта».

На этих нескольких страницах обнаруживается упоминание и постоянное обращение так же и к другому важному открытию: к созданной нарциссизмом предпосылке для понимания психозов. Здесь различается двойной аспект, отныне классический: утрата либидо и, вообще говоря, «интереса» к внешнему миру — этот разрыв в отношениях с внешним объектом, «негативный» аспект процесса, часто выражается в начале развития психоза чувством, даже бредом о конце мира — а, с другой стороны, в соответствии с этой утратой, необходимость для этого либидо быть зафиксированным на другом типе объектов, объектов внутреннего мира. Фрейд, в отличие от Юнга, различает две ступени в этом отступлении либидо: отступление к фантастической жизни —

что Юнг называет «интроверсией» — и отступление к такому привилегированному объекту, каким является Я. Если интроверсия и может объяснить некоторые типы или некоторые фазы невротического существования, то она не способна дать осознание переворота, который производит психоз, того зазеркалья, которое он создает: даже если затем и воссоздается новый фантастический мир, то его новая разработка происходит только на основе самого решительного отказа от прежнего положения. Вначале, на первом этапе, именно в сфере Я и только в этой сфере происходит попытка «связать» энергию либидо, высвобождаемую ощущением конца мира, и происходит она в двух явно различных формах: бреде величия и ипохондрии. Но, оказывается ли граница Я расширенной до космических пределов или, наоборот, суженной до размеров больного органа, станет ли либидо контролируемым или, наоборот, бесконтрольным, бросающим субъекта в безмерность безграничного страха, психотическое сражение с самого начала предстает как безнадежная попытка вновь освоить определенную территорию. Наконец, последняя предпосылка, «благоприятствующая» введению нарциссизма: напоминание о «психологии ребенка и примитивных народов»: предпосылка, преподносимая как

клиническая и продолжающая положения *Тотема и Табу:*

«У примитивных народов мы наблюдаем черты, которые могли бы быть приняты за проявления бреда величия, если бы встречались лишь в единичных случаях. Сюда относится громадная переоценка примитивными народами могущества их желаний и душевных движений, "всемогущество мысли", вера в сверхъестественную силу слова, приемы воздействия на внешний мир, составляющие "магию" и производящие впечатление последовательного проведения в жизнь представлений о собственном величии и всемогуществе».[1]

Но здесь, под видом истории вида и индивида, скрывается, на самом деле, то измерение мифа и «первозданности», которое сразу же переводится терминами, заимствованными из биологии: «Таким образом, у нас создается представление о том, что первично либидо концентрируется на собственном Я, а впоследствии часть его переносится на объекты; но по существу этот переход либидо на объекты не окончательный процесс, и оно все же продолжает относиться к охваченным им объ-

---

[1] *Freud S.* Pour introduire le narcissisme. (О введении в нарциссизм). G.W.X. P. 154. Trad. fr., in : La vie sexuelle. Paris, P.U.F., 1969. P. 93.

ектам, как тельце маленького протоплазматического существа относится к выпущенным им псевдоподиям».[1] И речь здесь идет о биологии, которая стремится стать количественной наукой, доступной энергетическим балансам, измерениям разности потенциалов, подобно тому, как в других случаях на сцену выступает модель, заимствованная из банковской экономики: маленькое протоплазматическое существо оказывается тогда валютным фондом, центральным банком, раздающим или отбирающим свои «инвестиции».

Настоящий нарциссизм, нарциссизм первичный – одно из наиболее обманчивых понятий, одно из тех, которые, при всей своей кажущейся очевидности, самым настойчивым образом требуют *истолкования*. Чтобы упростить ситуацию, скажем, что в мышлении Фрейда существуют два направления, связанные с этим понятием. Так, направление, представленное «Введением в нарциссизм», даже если оно практически выявляется на протяжении всего творчества, преобладает лишь некоторое время. Другая же линия мышления, также сразу же, еще до введения термина «нарциссизм», дающая о себе знать, выраженная, в частности, в тексте 1911 г. «Формулировка двух принци-

---

[1] Там же.

пов психического функционирования», постепенно выходит на первый план. Взятое в своем *явном содержании*, это положение реконструирует эволюцию человеческой психики, исходя из разновидности *гипотетического первичного состояния, в котором организм формирует определенное единство, замкнутое по отношению к окружающей среде.* Это состояние нельзя определить через инвестирование Я, так как оно предшествует самой дифференциации Я. Оно характеризуется устойчивой стагнацией энергии либидо в биологическом единстве, понимаемом как «до-объектное». Здесь делается ссылка либо на прототип внутриутробной жизни, либо на состояние младенчества. Исходя из этой биологической монады, в рамках предпринятой реконструкции, в генетических терминах Фрейд настойчиво хочет воспроизвести возникновение некоторых функций реальности, прежде всего восприятия, суждения, коммуникации и т. д. Все это происходит не без колебаний и исправлений, проявляющихся даже в таком явно *психологизированном* тексте, как *Формулировка* 1911 г. Перед нами с самого начала предстает образ первичного состояния, замкнутого в самом себе, прототип состояния сновидения. Внутренние потребности, которые приводят к увеличению энергетического уровня в систе-

ме и ставят под сомнение ее равновесие, находят для себя выход в «галлюцинаторном удовлетворении». И только «устойчивое отсутствие удовлетворения» подталкивает монаду оставить свою столь неприступную и столь удобную позицию. Тем не менее в примечаниях к тому же самому тексту, Фрейд, соглашаясь, что речь здесь идет о какой-то «фикции», задает вопрос, как такая организация могла бы «сохранить в себе жизнь даже на мгновение», и обращается к близкой такому состоянию модели, образуемой «младенчеством, если к нему добавить материнские заботы...». Но здесь, провоцирует галлюцинацию, кажется, скорее несовершенство системы, ее вклинивающийся между потребностями и материнской заботой, каким бы легким он ни был, изъян. В этом рассуждении Фрейда, конечно, речь не идет о том, чтобы представить конкретное описание предродового или нового утробного состояния, как не идет речь и о том, чтобы отрицать или утверждать действительное существование биологических состояний в виде монады (эмбрион птицы в яйце, которому достаточно получать определенное количество тепла) или гораздо более несовершенных состояний в виде диады: матери и младенца. Вопрос в том, чтобы знать, можно ли утверждать существование реального генезиса объ-

ектного отношения благодаря одному лишь внутреннему давлению потребности и одному лишь способу «первичной галлюцинации». Какой бы ни была на самом деле рассматриваемая система (не будем забывать, что именно Фрейд вводит эту проблематику во всей ее абстрактности), само понятие «первичной галлюцинации» ставит загадку объединения и даже совместимости двух терминов, которые его определяют. Так как галлюцинация в любом случае предполагает представление с хотя бы минимальным содержанием и, следовательно, *первичное* раздвоение: раздвоение не столько между Я и его объектом, или между внутренними и внешними возбуждениями, сколько между непосредственным удовлетворением и знаками, сопровождающими любое отсроченное, неполное, ограниченное, опосредованное удовлетворение: то, которое предоставляется «другим человеком».

Именно такая связь галлюцинации и удовлетворения позволяет лучше всего разобраться с вопросом: порождается или прекращается галлюцинация неудовлетворенностью? Ответ Фрейда двойственный: в какой-то мере именно энергия влечения, накопленная неудовлетворенностью потребности, подпитывает производство галлюцинаций, а в какой-то мере, наоборот, это накопление вынуждает монаду

выйти из своего сновидения. Более связный ответ, несомненно, заключался бы в том, что неудовлетворенность находит себе выход в галлюцинации, но за определенным энергетическим порогом «галлюцинаторный способ» отбрасывается. Тем не менее вопрос как раз в том, чтобы знать, какой смысл придать этому понятию галлюцинаторного удовлетворения; мы видим, по меньшей мере, два ответа: *галлюцинация удовлетворения*, то есть воспроизводство чистого ощущения разгрузки при отсутствии самой этой разгрузки, или *удовлетворение галлюцинацией*, то есть *самим фактом* феномена галлюцинации. Но *галлюцинация удовлетворения*, если предположить, что можно представить такой феномен, не может содержать внутри себя никакого противоречия, которое позволило бы из этого состояния выйти, так что вполне правомерно возражение, которое сам же Фрейд и выдвигает: такой организм сразу же был бы подвержен, без всяких оговорок, разрушению. *Удовлетворение галлюцинацией*, наоборот, вполне можно представить по образцу самого сновидения: последнее на самом деле *не приносит* удовлетворения желания, оно *и есть* выполнение желания благодаря самому своему существованию. Но обращение к сновидению, как и сам термин *желание*, предполагает, что объективный коррелят

потребности (пища) уже превратился в «объект», в знак, который можно интроецировать на его место. Теперь элементы, задействованные в галлюцинации, предстают в совершенно ином составе и совершенно иной диалектике, чем та, которую обязана допустить так называемая нарциссическая монада.

Подчеркнем, что все эти возражения не отрицают возможное существование закрытых биологических систем, но только акцентируют наше внимание на противоречии, которое в них имеется, чтобы попытаться концептуализировать его «для себя» и, более того, проследить генезис этого «для себя». Первичный нарциссизм как психологическая реальность может быть только первичным мифом о возвращении к материнской груди, который Фрейд иногда ставит рядом с великими первичными фантазмами.

Мы хотели бы здесь резюмировать эту версию первичного нарциссизма, которая, начиная с 1920 г., станет если и не исключительной, то преобладающей; версию, которая становится частью великого биологического мифа у Фрейда и которую, заново истолкованную, следует принимать в полной мере. Тем не менее в работах, которые в течение нескольких лет подготавливают появление «Введения в нарциссизм», а затем в самом этом *Вве-*

дении, значение, данное первичному нарциссизму, частично избегает противоречий предшествующего учения. Этот термин предполагает на самом деле не изначальное инвестирование биологического индивида, но инвестирование психической формации; отсюда вывод, убедительный своей простотой: если Я не дано с самого начала, то тем более, не дан с самого начала и нарциссизм, какой бы квалификацией «первичного» его не наделяли. Остается, видимо, понять, в силу какой необходимости, как нарциссизм, так и Я даны нам, мифически, в качестве «изначальных».

Понятие автоэротизма было введено еще недавно, в 1910—1915 гг., что не позволяло найти нарциссизму точное место в эволюции сексуальности. Автоэротизм, вспомним, в 1905 г. считался не первичным дообъектным состоянием человека, но следствием двойственного процесса: *отклонения* функциональной деятельности, которая с самого начала была ориентирована на определенную объектность, определенную «ценность-объект», и *обращения* этой деятельности на собственное Я, в соответствии с направлением фантазии. Когда это положение было твердо усвоено, правомерно возник вопрос о первичных выражениях нарциссизма: «как относится нарциссизм, о котором идет речь, к автоэ-

ротизму, описанному нами как ранняя стадия либидо?»[1] И ответ высказывается в двух коротких фразах, которые, вероятно, содержат самое проницательное и самое сжатое представление Фрейда по данному вопросу: «совершенно неизбежно предположение, что *единство* личности Я не имеется с самого начала у *индивида*: ведь Я должно *развиться*, тогда как *автоэротические влечения* первичны: следовательно, к автоэротизму должно присоединиться еще кое-что, еще какие-то *новые переживания* для того, чтобы мог образоваться нарциссизм».[2]

Таким образом, то, что в сексуальности обозначается как *изначальное*, представляет собой автоэротические влечения, влечения, между которыми не существует единства, и мы видели, как они функционируют на основе того или иного механизма в той или иной эрогенной зоне. Я же, напротив, представляет собой единство *индивида*; в этом тексте, еще до «второй топики», оно полагается в качестве инстанции. Два несколько отличающихся, но, возможно, дополняющих друг друга термина характеризуют способ его появления: «развитие» — что заставляет думать о постепенном

[1] *Фрейд З.* О введении в нарциссизм.
[2] Там же.

росте — и «новая психическая деятельность», напоминающая о моменте становления, изменения, которое придает автоэротизму форму нарциссизма. Следовательно, нарциссизм располагается, хронологически или диалектически, после автоэротизма; напомним, что последний, в «Трех очерках о сексуальности», в свою очередь также не был первым: если он на самом деле представляет первое состояние *сексуальности*, это вовсе не значит, что он же неизбежно является первым *биологическим* состоянием. Автоэротизм описывался как момент возникновения человеческой сексуальности как таковой, образующий проблемное поле, исследуемое психоанализом. То есть, тот факт, что нарциссизм унифицирует автоэротическое функционирование и придает ему форму, свидетельствует, что он, при всей своей «первичности», подготовлен иным сложным процессом.

Я в качестве внешнего объекта является также и объектом любви, оно насыщено либидо, «инвестировано» им. Какая же теоретическая потребность заставляет переводить описание чувств и страстей в «экономические» термины? Дело в том, что экономическая, количественная модель, даже если она и не предоставляет средств эффективного измерения, позволяет лучше осваивать некоторые фак-

ты, установленные в клинике: равенство, обмен, антагонизмы и т. д. Таким образом, в теории нарциссизма появляется возможность описать существующий между Я и внешними объектами, или даже между Я и перенесенными во внутренний мир фантастическими объектами энергетический баланс в том смысле, в каком можно говорить о балансе счетов: когда одно обогащается, другое должен обязательно беднеть, а индивид располагает лишь относительно постоянным количеством либидо. Капитал либидо не является неисчерпаемым, каждый размещает его наилучшим образом, но не может инвестировать, выходя за его пределы. С другой стороны, несмотря на сходство между инвестированием во внешние объекты и инвестированием в Я, между ними не существует полной симметрии: баланс не восстанавливается полностью, Я должно всегда удерживать некоторую энергию, и даже «в состоянии любовной страсти, которая является отказом от собственной личности в пользу инвестирования объекта» Я остается местом постоянного застоя энергии, сохраняющим в себе ее определенный минимальный уровень. Это и позволяет понять сравнение с микроскопическим протоплазматическим животным, которое, конечно же, выделяет свои псевдоподии, но отталкиваясь от остающейся

в наличии центральной массы, даже если она должна растянуться до максимума.

В экономической теории Я вскоре будет использоваться другой образ, образ «резервуара»: «Я -- это огромный резервуар либидо, из которого либидо направляется к объектам и который всегда готов поглотить то либидо, которое проистекает от объектов».[1] Впрочем, этот образ подвергнется различным превратностям, так как вначале он будет применяться к Я, затем к Оно, затем снова к Я. Такие изменения и варианты представляют собой нечто большее, чем простой выбор в пользу одного из них: они требуют интерпретации, а последняя, в свою очередь, предполагает, что, как и в случае со сновидением, все элементы будут представлены рядом друг с другом, ничто не будет отброшено, что «либо» переводится как «и». Здесь в колебаниях Фрейда на самом деле ставится под вопрос именно двойственное положение Я: Я как резервуар либидо, которое это Я инвестирует, может, в известном смысле, представать в качестве источника; оно не является ни субъектом желания, ни даже исходным пунктом влечения (этот исходный пункт изображается как Оно), но оно может *себя выдавать как таковое*. Объект любви, Я

[1] *Freud S.* Libido Théorie. G.W., XIII. P. 231.

«излучает» либидо, оно освящает любовь, полагая себя любящим субъектом. Это утверждение уже предполагалось «Проектом научной психологии», но на этот раз оно подкрепляется клиникой, конкретизируется анализом, углубляется способами «выбора» объекта любви и, наконец, открывает путь, ведущий к теории идентификации.

Теория выбора объекта — несомненно, один из наиболее плодотворных подходов во «Введении в нарциссизм». Речь идет о том, чтобы описать пути или, если угодно, нейронные связи, в соответствии с которыми человеческий субъект останавливается на том или ином типе партнера, даже на той или иной личности. Эти пути схематично сводятся к двум видам: к типу выбора объекта посредством *примыкания* и к типу выбора *нарциссического* объекта. «Выбор объекта по примыканию», долгое время обозначаемый неологизмом в выражении «анаклитический выбор объекта», был обнаружен уже давно и описан, по крайней мере, уже в «Трех очерках». Открытие «выбора» нарциссического объекта в перспективе делает первый тип относительным. На самом деле понятие выбора объекта посредством примыкания только продолжало теорию примыкания как периода, постоянно обновляемого возникновением сексуаль-

ности. В рамках такого выбора самосохранение, витальная функция, вместо того, чтобы вступать в конфликт с сексуальностью, показывает ей путь к объекту: «мы сначала заметили, что ребенок (и юноша) при выборе своих сексуальных объектов исходит из своих переживаний, связанных с удовлетворением основных потребностей влечений Я».[1] Тем не менее при выборе объекта описывается тип повторения, наиболее далекий от первых опытов: «Сексуальные влечения сначала присоединяются к удовлетворению влечения Я и лишь впоследствии приобретают независимую от последних самостоятельность; это присоединение сказывается, однако, также и в том, что лица, которые кормят, ухаживают и оберегают ребенка, становятся его первыми сексуальными объектами его, как-то мать или лицо, заменяющее ее».[2]

Выбор нарциссического объекта явно отличается от выбора объекта по примыканию тем, что теперь объект избирается по своему соб-

---

[1] *Фрейд З.* О введении в нарциссизм. Это явное возвращение к старому понятию опыта удовлетворения из «Проекта» и из «Толкования сновидений» подтверждает, что это понятие и понятие примыкания сексуальных влечений к влечениям самосохранения относятся к одной и той же области.

[2] Там же.

ственному образу, по образу своего Я, а также тем, что энергия либидо, скорее передается, нежели незаметно вытесняется. Можно, если угодно, грубо противопоставить эти типы как любовь к дополняющему, к тому, что может укрепить жизнь, и любовь к тому же самому или подобному; к такому, тем не менее подобному, которое включает различные аспекты и усложняет игру зеркальных отражений. Фрейдом представлена целая гамма возможных нарциссических : «а) то, что сам из себя представляешь (самого себя); b) то, чем прежде был; с) то, чем хотел бы быть; d) лицо, бывшее частью самого себя».[1] Выбор того, «чем прежде был», — один из самых показательных, поскольку именно он, обнаруженный в качестве движущей силы гомосексуализма, позволил рассматривать нарциссизм не только как «интрасубъективную» позицию — любви к себе — но и как способ отношения к объекту — как любовь к тому, кто похож на определенный образ своего Я:

«Мы нашли — особенно ясно это наблюдается у лиц, у которых развитие либидо претерпело некоторое нарушение, как, например, у извращенных и гомосексуальных, — что более поздний объект любви избирается этими ли-

[1] Там же.

цами не по праобразу матери, а по своему собственному. Они, очевидно, в объекте любви ищут самих себя, представляют из себя такой тип выбора объекта, который следует назвать нарциссическим. Это наблюдение и послужило самым решающим мотивом, побудившим нас выставить положение, что нарциссизм составляет определенную стадию развития либидо».[1]

Мы говорили об игре зеркальных отражений, в которой происходит двойное замещение: гомосексуалист ставит себя на место матери, а свой объект — на место ребенка, которым он сам же и был. Если добавить, что здесь нет устойчивых позиций, но, наоборот, раскачивание качелей, которое, при малейшем колебании зеркала, заставляет меняться позициями, то становится очевидным, что модели, применимые к нарциссизму, при всей сложности обмена, которую они должны допускать, не имеют ничего общего с замкнутой и самодостаточной формой «яйца».

Прежде чем изложить некоторые следствия теории выбора объекта, предложим определенные точки опоры для понимания мышления Фрейда в этот период: в частности, необходимо ввести одно различие, без которого

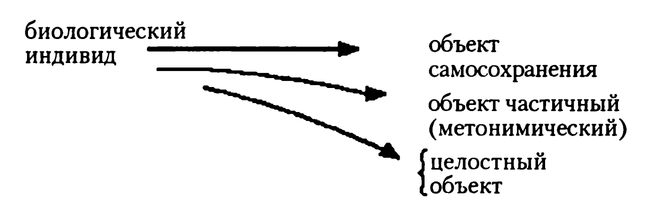
[1] Там же.

текст о нарциссизме остается во власти общей путаницы: речь идет о двух терминах, которые при поверхностном прочтении, могут показаться синонимами, но в действительности заимствованы из двух совершено разных областей: *влечения* Я и *либидо* Я. Влечения Я, как в этом тексте, так и во всем творчестве Фрейда, обозначают важнейшие жизненные функции, целью которых является самосохранение биологического индивида. Они постоянно, как несексуальные влечения к самосохранению, противопоставляются сексуальному влечению. Если вспомнить, что либидо, напротив, обозначает сексуальное влечение в его энергетическом аспекте, то очевидно, что либидо Я располагается на другой стороне противоположности, обозначая сексуальное инвестирование Я как объекта в противоположность «либидо объекта», где сексуальность инвестируется извне. В одном случае, следовательно, речь идет о наименовании влечения посредством обозначения его цели или его сущности: влечения самосохранения или влечения Я, с одной стороны, и сексуальное влечение, с другой, тогда как в другом случае различие касается объекта внутри одной и той же группы влечений: сексуальные влечения или либидо.

Как только эти двойственности установлены и, очевидно, расположены на двух различ-

ных уровнях, необходимо еще раз подчеркнуть значение проблемы интерпретации: если различие следует сохранить, то как объяснить ту двусмысленность, которую привносит подобное эху общепринятое обозначение: влечения Я, либидо Я? Интерпретации, которая вновь возвращает нас к общей проблематике, которую мы пытаемся здесь наметить, к проблематике перехода от Я как биологического индивида — того, каким он появляется у «истоков» «влечений Я» — к Я как инстанции, которая может быть объектом «либидо Я» и этапом на его пути: в этом и состоит вся проблематика *происхождения психоаналитического Я.*

В качестве временной опоры для понимания этого «Введения в нарциссизм» мы предложим еще две схемы. Одна является попыткой изобразить выбор объекта по примыканию, следовательно, изобразить перенос, постепенный разрыв, который можно назвать *метонимическим,* между различными объектами, как при смежности молока и груди, так

и в отношении части и целого, являющегося отношением частичного объекта (груди) к целостному объекту (матери).

Схема выбора объекта нарциссизма совершенно иная: здесь речь идет не об отклонении или снижении, но вращении под определенным углом вокруг основы.

Движение совершается по кругу, и либидо может быть направлено то на один, то на другой из этих объектов, которые находятся в зеркальном взаимном отношении. Выбор объекта нарциссизма происходит, следовательно, посредством общего переноса, в иное место (из «интерсубъективного» в «интрасубъективное» и наоборот), энергии и той формы, которую эта энергия поддерживает.

Эти два типа выбора объекта даны нам только как идеальные и в этом смысле абстрактные типы. Даже если предположить, что один из них более характерен для мужчины, а дру-

гой для женщины, фактически они представляют собой две возможности, открытые любому человеку, даже если в каком-то особом случае или в какой-то момент предпочтение отдается именно данному способу, нарциссическому или анаклитическому, или если эти два типа выбора оказываются, в изменившихся условиях, смешанными друг с другом. При любом выборе реального объекта такое обозначение метафорического и метонимического процесса не должно нас удивлять: психоаналитическое исследование показывает, что возникновение «психической реальности» и ее консолидация происходят там, где происходит такое метафорическое и метонимическое пересечение.

Одна из задач психоаналитической теории — осмыслить сочетание этих двух типов выбора объекта или его «происхождения». Обе изображенные схемы, которые мы представили, обнаруживают здесь свой преходящий характер: не может быть и речи о том, чтобы просто сопоставить их или соединить. При анаклитическом выборе объекта, в частности, движение, выходящее за пределы частичного объекта, нельзя представлять только как переход к «целому»: объект « в целом» несет также «ответственность» и за частичный объект. Таким образом, векторы, направленные к другому че-

ловеку при одном и другом типе выбора не обязательно совпадают.

У Фрейда описание различных условий выбора влюбленного, какими бы ни были их разнообразие и их сложность, не оставляет, тем не менее, сомнений в одном: в преобладании нарциссизма если не в любом отношении либидо, то, по меньшей мере, в любом выражении любви в смысле страсти, в том состоянии отказа от самого себя, которое он называет «*Verliebtheit*». Это очевидно, в частности, в описании выбора объекта мужчиной, относительно которого Фрейд утверждает, что он «глубоко любит объект по типу примыкания ». На самом деле даже в этом случае, если тип объекта не переносится на Я, но избирается по прообразу «женщины, дающей ласки и заботу», энергия либидо всегда заимствуется из Я и всегда готова в него вернуться. Это начало выражается *в форме отношения*, где энтузиазм и переоценка проявляются как черты нарциссизма: «...такая поразительная сексуальная переоценка объекта, которая, вероятно, происходит от первоначального нарциссизма ребенка и выражает перенесение и этого нарциссизма на сексуальный объект»[1]. Таким образом, любовная слепота Эроса — этот термин, взятый в том смысле, какой ему будет

[1] *Фрейд З.* О введении в нарциссизм.

дан в окончательной теории влечений, а не в эротическом смысле «Трех очерков о сексуальности» — бесспорный и категоричный элемент нарциссизма, существующий для Фрейда во всякой любви. Более того: необходимо внести поправки в утверждение, согласно которому у мужчины в состоянии любви форма объекта не переносится на Я. Так как именно альтруизм влюбленного, «отказ» от своего собственного нарциссизма у того, кто стремится к любви к объекту, имеет свой эквивалент в одержимости другим «прекрасным целым»: самодостаточной женщиной, красивым существом, которое любит лишь само себя...Таким образом, в тот момент, когда мужчина — и Фрейд — приносят жертву «объектности», они диалектически переходят к другой форме нарциссизма.

Такое описание выбора объекта нарциссизма в любовной жизни человеческого существа позволяет, наконец, Фрейду вернуться к проблеме *детского нарциссизма*, и это возвращение становится настоящим *переворотом в его воззрениях*. Если, при первом подходе, детский нарциссизм приводился как аргумент в пользу гипотезы изначального нарциссизма, со всеми его двусмысленностями, то теперь совершенно ясно, что сам этот детский инфантилизм еще следует вывести: «Предполагаемый нами первичный нарциссизм ре-

бенка, составляющий одну из предпосылок нашей теории либидо, легче подтвердить путем заключения, исходя из другой точки зрения, чем опираясь на непосредственное наблюдение. Если обратить внимание на хорошее отношение нежных родителей к их детям, то нельзя не увидеть в нем возрождение и воскрешение собственного, давно оставленного нарциссизма».[1] Итак, теперь перед нами противоположный подход: как раз в отношении родителей к ребенку, к «Его Величеству Ребенку», выявляются переоценка, идеализация и маниакальное ощущение всемогущества, признаки выбора объекта нарциссизма. Фрейд видит здесь доказательство детского нарциссизма, который когда-то был нарциссизмом родителей и к которому они вернулись при рождении ребенка: «Трогательная и по существу такая детская родительская любовь представляет из себя только возрождение нарциссизма родителей, который при своем превращении в любовь к объекту явно вскрывает свою прежнюю сущность».[2] Доказательство, которое нас тем не менее, не убеждает; оно бесконечно отсылает нас от одного детского нарциссизма к другому, и эти состоя-

[1] *Фрейд З.* О введении в нарциссизм.

[2] Там же.

ния нарциссизма, закрытые друг от друга, выводятся из единственной устойчивой ситуации: выбора объекта или нарциссического отношения родителей и детей. Достаточно, следовательно, пойти несколько дальше в указанном Фрейдом направлении, чтобы интерпретировать вещи следующим образом: обычно говорят о всемогуществе нарциссизма и о маниакальной иллюзии ребенка; но здесь нет ничего, кроме перевернутого всемогущества родителей. Как раз на основе родительского всемогущества, пережитого ребенком и перенесенного внутрь, маниакальные состояния нарциссизма ребенка и могут быть поняты[1]... Таким образом, в столь слабо формализованной, но в то же время в столь сжатой структуре «Введения в нарциссизм» беглое описание изначального отношения нарциссизма предстает как окрик, призванный исправить постоянно возобновляющуюся наклонность уподоблять «первичный нарциссизм» до-объектному психобиологическому состоянию, которое и в действительности и субъективно существовало на первой стадии.

---

[1] Мелани Клейн описывает детскую манию величия как механизм защиты, появляющийся в определенные моменты, а не как первоначальную стадию развития.

Если мы схематично противопоставили «Введение в нарциссизм» метапсихологическим текстам 1915 г., то среди них есть, тем не менее, одно сочинение, для которого это противопоставление не имеет значения: *Печаль и меланхолия*. К тому, что касается меланхолического отступления вместе с маниакальной экспансией, открытие нарциссизма как типа выбора объекта дает один из необходимых ключей. Этот текст полностью подтверждает нашу интерпретацию, если верно, что *первичный нарциссизм* рассматривается там как идентичный *первичным формам нарциссической идентификации*. Замечание, возвращающее нас к другому способу соотношения происхождения и эволюции Я: к теории *идентификации*.

Здесь можно только напомнить о том факте, что место идентификации во всей психоаналитической мысли на самом деле так и не было определено, несмотря на постепенно накапливавшиеся бесчисленные клинические примечания. Вопреки возобновляющимся попыткам определить и разграничить различные типы идентификации, у самого Фрейда понятие остается либо весьма упрощенным, либо слишком расплывчатым, словно оно служит тому, чтобы под одним и тем же названи-

ем скрыть сильно различающиеся феномены. При первом разделении, возможно, несколько схоластическом, но позволяющим проявиться новым перегруппировкам, можно просто различать типы идентификации в зависимости от того, *где идентификация имеет место*, *в самом процессе* или в конечном *результате*.

Идентификация с чем? Разумеется, с «объектом», по крайней мере, если этот термин брать в самом широком смысле. Кроме того, следует задать вопрос, идет ли речь об объекте в целом или о частичном объекте, и ни первый, ни второй из этих терминов, в свою очередь, не является простым. При идентификации с объектом в целом, какой смысл придается этому «в целом»? Имеется ли в виду, например, целое в восприятии? Это можно предположить для идентификации того типа, которая с самого начала структурирует Я, но нельзя также удержаться от мысли, что термин «объект в целом» иногда, в частности, у Мелани Клейн, означает нечто иное, чем эту перегруппировку: в частности, тот факт, что другой человек может дать ответ «на все», имеющий значение абсолютного, ответ, от которого полностью зависит ребенок. Кроме того, когда говорят о частичной идентификации, не обязательно имеют в виду, что это часть, локализованная в пространстве, частичный объект (грудь, фал-

лос и т. д.). Могут существовать также идентификации с не локализуемыми отдельными признаками. Имеются в виду любые идентификации, например, с чертами характера или даже с каким-то движением, локализованным в пространстве и времени и часто пойманным на лету как раз в силу его необычного и искусственного характера. Это может быть также частичная идентификация с каким-то словом, особенно с таким, которое имеет характер запрета: сюда следовало бы отнести так называемые идентификации «сверх-Я», по поводу которых психоаналитики настаивают на основополагающем значении произносимых слов, «акустических остатков».

Исследование данных процессов неизбежно привело бы нас к вопросу о существовании общего знаменателя для феноменов, обычно располагаемых под одной и той же рубрикой: ранним перцептивным воздействием, наиболее поразительные примеры которого этология показывает нам в психологии животных; интроекцией объекта, переносимого на модель телесного процесса; или также типа идентификации, явно связанного со структурой: идентификации с позицией другого, предполагающей, следовательно, межличностное взаимодействие и, как правило, по меньшей мере две других позиции, изображенные вер-

шинами треугольника: речь, очевидно, здесь идет об эдиповой идентификации.

Следствия или результаты идентификации позволили бы различить, с одной стороны, тот ее тип, который является структурообразующим, окончательным, приносящим с собой фундаментальные изменения в бытие психики, а с другой, идентификацию временную, переходную: идентификацию, характерную для истерии, первой установленную в психоаналитической и даже до-психоаналитической клинике — а также ту, которую Фрейд гораздо позже описывал как идентификацию внутри толпы, когда все индивиды располагают авторитетную персону лидера на месте той инстанции личности, которая является идеалом Я. В рамках идентификации, приводящей к структурным изменениям, уместно также различать тот ее тип, который является основополагающим, «первичным» для появления новой инстанции, и тот, который постепенно, посредством образования наслоений, приводит к видоизменению и обогащению этой инстанции.

Действительно, в рамках данной идентификации ее цель, процесс и результат находятся в тесной взаимосвязи. Также обстоит дело и с генезисом Я, схему которого мы пытались проследить у Фрейда. Идентификация Я должна быть очень ранней, если верно, что она долж-

на допускать создание границы — только намеченной или очерченной окончательно — которая сделала бы понятными такие уже давно сложившиеся механизмы, как интроекция и проекция: все, что Мелани Клейн описывала как диалектику добра и зла, части и целого, интроецируемого и проецируемого, немыслимо без первичной границы Я, пусть даже самой рудиментарной, разграничивающей внешнее и внутреннее. Только это первичное понятие Я предоставляет первым оральным фантазиям тот минимум терминов, который необходим для их сочетания в «языке орального влечения»: «Это я желаю разместить внутри меня, а это — извлечь из своего Я».[1]

Мы, следовательно, вынуждены допустить существование весьма ранней идентификации и, вероятно, весьма кратковременной на ее первой фазе, идентификации с формой, понимаемой как граница, как мешок: как кожаный мешок. Наиболее основательная попытка заполнить это оставленное понятием Я у Фрейда место, чтобы описать это «новое психическое действие», способное осуществить переход от автоэротизма к нарциссизму, была предложена Жаком Лаканом в его теории «стадии зеркала». Он, в частности, вновь обращается к наблюде-

---

[1] *Freud S.* Die Verneinung (Отрицание). G.W., XIV, P. 13

ниям, сделанным Валлоном, но придает им более широкое значение. Стадию зеркала[1] иногда понимают неверно, в той мере, в какой ее стремятся сделать неотделимой от частного опыта, который при этом описывается: от узнавания маленьким ребенком его формы в конкретном техническом устройстве — в зеркале. Намерение Лакана состоит вовсе не в том, чтобы с необходимостью связать возникновение Я с созданием зеркала как инструмента, и даже не с тем фактом, что Нарцисс мог увидеть свое отражение на поверхности воды. Когда ребенок смотрится в зеркало, то последнее для нас является лишь свидетельством того, что происходит в этом устройстве: свидетельством узнавания формы другого человека и соответствующего наслоения в индивиде первого наброска этой формы.

Тем не менее, было бы неточно утверждать, что Фрейд ничем не заполнил место, принадлежащее зеркальной идентификации. Последняя дает о себе знать не только в «Печали и меланхолии», но и в одном весьма содержательном отрывке из «Я и Оно», где он уточняет, что Я, прежде всего, — телесно; оно не только по-

[1] «Стадия зеркала как создающая функцию Я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте». *Revue française de psychanalyse*, 1949, XIII, 4.

верхностное существо, но и само — проекция поверхности».[1] Указание, очевидно, загадочное, но в английском издании *Полного собрания сочинений*, оно снабжено комментарием, получившим одобрение Фрейда: «В конечном счете Я производно от телесных ощущений, главным образом от тех, что рождаются на поверхности тела. Его можно рассматривать как ментальную проекцию поверхности тела, наряду с тем фактом, что оно представляет собой поверхность психики и ее механизмов». Восприятие, «причастное к возникновению Я и к его отделению от Оно», приобретает для нас более точное значение: с одной стороны, речь идет о визуальном восприятии, которое позволяет постигать тело «как другой объект», с другой стороны о тактильном восприятии, так как поверхность кожи обладает весьма специфическим положением в силу того, что субъект может исследовать свое собственное тело при помощи другой части тела, и кожа одновременно ощущается и извне и изнутри, то есть, может передавать контуры другого объекта. Восприятие боли упоминается там в последнюю очередь, и это дает нам возможность напомнить о постоянном присутствии у Фрейда, с самого начала, теории боли, совершенно отличной от концепции неудо-

---

[1] *Фрейд З.* Я и Оно.

вольствия. Уже в «Проекте научной психологии» (1895) для боли находится особое место, в частности, в рамках «опыта боли», рассматриваемого в тот момент симметрично «опыту удовлетворения». В силу своих качеств боль предстает как нечто, «бесспорно» отличное от неудовольствия. С точки зрения процессов, о которых идет речь, она отличается, прежде всего, феноменом разрыва барьеров, «когда чрезмерное количество [энергии] разрушает защитные механизмы в φ». Таким образом, боль — это *разрушение*, и она предполагает существование границы, а ее функция в образовании Я может быть понята лишь в том случае, если оно, в свою очередь, определяет себя как ограниченное существо.[1]

Фрейд ясно указывает на два взаимосвязанных порождения Я, производных от «поверхности»: с одной стороны, это поверхность психики, отличаемая от нее и от ее механизмов, орган, приобретающий свою специфику вместе с этими механизмами, а с другой стороны, проекция или метафора телесной поверхности, метафора, в которой свою роль играют различные системы восприятия. Из этих двух концепций связи Я как инстанции психики и Я как живо-

---

[1] Страх, связанный с границей Я, — точная метафора боли, связанной с телесной границей.

го индивида одну мы все же помещаем на первый план: метафорическую концепцию, согласно которой Я образуется *вне* витальных функций, как объект либидо. Одна из причин такого предпочтения вытекает из психоаналитического опыта *конфликта*, одной из наиболее удачных моделей которого является противопоставление либидо объекта и нарциссического либидо или либидо Я.[1] Это противопоставление близко тому, что встречается на динамико-экономическом уровне, между первичным и вторичным процессом: первичный процесс представляет сексуальность в ее ничем не связанной форме, вторичный процесс, напротив, связывается с «застоем» либидо в Я и с относительной стабильностью объектов любви, которая сама отражает относительную стабильность формы Я.

Тем не менее, наряду с концепцией Я по образу формы живого существа, не следует отвергать другую концепцию: концепцию Я как органа; ей уступает свое место, даже если это место следует, в свою очередь, считать воображаемым, *воображаемое, которое является не только воображаемым привержен-*

---

[1] А не противопоставление сексуальных влечений и влечений Я или влечений к самосохранению, как полагал в некоторые периоды Фрейд.

цев «психологии Я», но и воображаемым самого Я. Мы устанавливаем что-то вроде возобновления витальных функций, незрелых и ущербных, посредством Я и его опоры на либидо. Мы упоминали выше тот весьма банальный случай, когда родители озабочены, как их дети питаются: ложечка за папу (то есть за любовь папы) ложечка за маму (то есть за любовь мамы). А также: ложечка за себя (то есть за любовь себя — самим собой), что означает фундаментальный характер нарциссического инвестирования для самого жизненного функционирования, для самосохранения любого человека. Мы упоминали также, что страх любви, невроз, может выразиться в страхе перед питанием, в анорексии. Но, наряду с невротической эдиповой анорексией, той, что находит свою основу в «ложечке за папу» и «ложечке за маму», мы встречаемся и с психотической анорексией, где на этот раз проблема в «ложечке за себя», то есть, в сугубом страхе любви к себе.

Но если верно, что голод и функция питания могут найти полную поддержку и новое облачение в любви и нарциссизме, то почему не допустить это и для какой-то иной витальной функции, а, возможно, и для самого «восприятия»? Связь Я с восприятием, какой ее представляет «психология Я», остава-

ясь такой же тесной, оказалась бы перевернутой. Я не обнаруживает свои первые признаки на основе «системы восприятия», но, с одной стороны, оно образуется на основе восприятий и прежде всего восприятия подобного, а с другой, оно самостоятельно, на основе либидо, восстанавливает восприятие. Я воспринимаю, так же, как я и ем, «ради любви к самому себе»... Очевидно, что внутри психоанализа есть место для теории Я, которая, тем не менее, не имеет никаких сходств с академической и классической психологией, как бы не стремились ее вновь ввести в психоаналитическое мышление. То, что такой автор, как Федерн, пишет о Я, его границах, их расширении или сужении, указывает на определенный выход из положения.

Эти первые четыре главы были попыткой показать, как сексуальность и Я, эти два полюса конфликта, с которыми имеет дело психоанализ, связаны, но весьма различным способом, с тем, что можно назвать «жизненной стихией». Сексуальность, действительно, оставляет жизнь вне своего поля, заимствуя из нее только прототипы своих фантазий. Я, напротив, воспроизводит стихию жизни для своих собственных целей: оно воспроизводит ее в ее сущности, формируясь по образцу живого существа, вместе с уровнем его развития, его го-

меостазом, его принципом постоянства. С другой стороны оно принимает на себя всю ответственность, оно освящает жизненные функции, и в конечном счете различные предположения, выдвинутые выше, можно резюмировать высказыванием «я живу ради любви к себе, исходящей из моего Я».

И с той и с другой стороны конфликта перед нами предстает сексуальность, с одной стороны, «свободная», с другой — «связанная», то есть, взятая со стороны Я. На заднем плане остаются феномены жизни, но искаженные и, сами по себе, отсутствующие в той области, которая нас интересует. Они присутствуют лишь на горизонте чисто психоаналитической области, может быть, даже на горизонте всего того, что мы способны сказать о человеческом существе.

Тем не менее, очевидно, что в узловом пункте «нарциссизма» зарождается вовсе не метапсихология. По меньшей мере, она должна пройти через одно совершенно непредвиденное превращение: то, что несет с собой «влечение к смерти».

V. АГРЕССИВНОСТЬ И САДО-МАЗОХИЗМ

Влечение к смерти? Исследование этого принципиально нового термина, в 1920 г. сильно расшатавшего всю теорию влечений, станет объектом двух последних глав. Наша цель не в том, чтобы поставить абстрактный вопрос о пригодности этого понятия, но в том, чтобы попытаться найти ему место в общей экономике фрейдовского мышления, и, по возможности, одновременно как в диахроническом, так и в синхроническом измерении. И если с самого начала мы уверены, что это понятие, появившееся на данной стадии творчества Фрейда, не может принципиально ни противостоять предшествующими этапам, ни, с другой стороны, быть простым повторением их содержания, то необходимо показать, к чему оно возвращается в истории его творчества, и почему такое возвращение стало возможным, а с другой стороны, при своей

синхронности с «учением» 1920 г., чему оно в нем соответствует и даже, что оно в нем уравновешивает.

Мы не стремимся исчерпывающим образом решить столь сложную задачу, а, по крайней мере, чтобы приступить к ее решению, предлагаем временную гипотезу, позволяющую разделить вопрос: в утверждении о влечении к смерти, каким оно появляется в «По ту сторону принципа удовольствия», по меньшей мере, два намерения сталкиваются друг с другом: вновь подтвердить фундаментальный экономический принцип психоанализа и сделать это в самой безусловной форме: стремление к нулю; в рамках теории влечений, придать метапсихологический статус более многочисленным и более впечатляющим открытиям психоаналитических исследований, касающихся области «агрессивности» или «деструктивности». С этой второй темы мы и начнем.

Было бы несложно дать положительную оценку тем моментам и множеству мест в мышлении Фрейда и вообще в психоаналитическом опыте, как он развивался до 1920 или даже до 1915 г., где обнаруживают себя проявления агрессивности: комплекс Эдипа, всегда описываемый как с позитивными, так и негативными компонентами, двойственность любви-ненависти (особенно при неврозе на-

вязчивости), негативная сторона лечения (негативный перенос, сопротивление...), садомазохистское извращение, садистские аспекты предгенитальных фаз и т. д.

Когда Фрейд, историк Фрейда, ретроспективно преуменьшает свою оценку значимости этих феноменов до 1920 г., он может приводить два главных аргумента: отсутствие теоретического признания агрессивного влечения и, с другой стороны, недооценку приоритета автоагрессии над гетероагрессией. Этот ретроспективный, частично искаженный взгляд, — как и во всяком ином случае, когда Фрейд обращается к истории своего собственного мышления — может служить исходным пунктом наших размышлений.

В любом случае первый аргумент не следует переоценивать. Разумеется, до 1920 г. не появляется не только влечение к агрессии, но и сам термин агрессивность практически отсутствует. Но непризнание существования влечения к агрессии еще не означает неизбежного пренебрежения теорией агрессивности, садо-мазохизма и ненависти: теории, которая была ясно изложена, в частности, в работе «Влечения и их судьба» (1915). Более того, удивительно видеть, что Фрейд в одной и той же главе об «аффективном» сопротивлении признанию агрессивности ставит рядом свои

собственные размышления до 1920 г. и теорию сторонников «доброй человеческой природы». Кажется, здесь если и не игнорируется, то, по крайней мере, приуменьшается значение всего пессимистического течения, господствовавшего как в западной философской и политической мысли, так и в мышлении Фрейда, с самого его начала.

Тем не менее, в утверждении о влечении к смерти самое важное коренится не в открытии агрессивности, не в придании ей теоретического статуса и даже не в ее гипостазировании как универсальной биологической или метафизической тенденции. Самое важное в идее, что агрессивность, до того, как она будет направлена вовне, вначале повернута к субъекту и как бы пребывает в нем в состоянии покоя — к субъекту, разумеется, на всех уровнях, как к самому элементарному биологическому существу, простейшему организму или клетке, так и к многоклеточному биологическому индивиду и, очевидно, человеческому индивиду, взятому и в качестве биологической индивидуальности и со стороны «психической жизни». Здесь и утверждение об «изначальном» или «первичном мазохизме», и его внешняя убедительность позволяют предположить, что само утверждение, в сущности, является новым, что оно появляется лишь в 1920 г.

вместе с таким мифическим вопросом, как влечение к смерти. Однако, не желая преуменьшать новизну итоговой теории влечений Фрейда, мы хотели бы показать, какая тонкая, но прочная связь, соединяет ее с утверждением, которое в 1915 г. выводится одновременно и из клинических и диалектических размышлений о генезисе садомазохизма. Несомненно, эта теория, полностью принадлежащая не только Фрейду, открытая им в спешке, предполагает, по нашему мнению, два основания: использование понятия примыкания в теории садо-мазохизма и приоритет мазохистского периода в генезисе садо-мазохистского влечения, в той мере, в какой оно является сексуальным влечением — то есть, влечением в истинном смысле слова *Trieb* у Фрейда.

Если верно, что эти два предположения в ткани мышления Фрейда переплетены в единую нить, что они часто отодвинуты на второй план, то, чтобы пролить на них свет, необходимо воспользоваться чем-то вроде индикатора, который придаст им рельефность: воспользоваться различием «сексуального» и «несексуального». Это различие явным образом утверждается Фрейдом во всех текстах, где он исследует садо-мазохизм: в «Трех очерках о сексуальности», начиная с первого издания и при каждой последующей переработке,

в работе «Влечения и их судьба», в «Экономической проблеме мазохизма» (1924), в «Новых докладах» (1936) и т. д. Но это противопоставление постоянно не фиксируется с абсолютным терминологическим различием: «садизм» и «мазохизм» иногда, в рамках одного и того же абзаца, используются, чтобы обозначать то несексуальное насилие, то действие, более-менее тесно связанное с сексуальным удовольствием. Такое «смешение» вновь появляется даже тогда, когда Фрейд желает сохранить термины садизм и мазохизм в аспекте насилия, которое сексуализируется. В таких случаях он иногда снабжает эти термины чем-то вроде индекса или определителя, который служит для их различия: он пишет о «собственно говоря садизме» или «собственно говоря мазохизме». Здесь мы, очевидно, оказываемся перед «терминологической» проблемой, которая выводит нас на самое главное: по нашему мнению, сдвиги и переходы внутри концептуальных противопоставлений, которые Фрейд прекрасно чувствует и которые служат даже ведущей линией в его рассуждениях, *являются ни чем иным, как сдвигами, совершающимися при генезисе сексуального влечения посредством поиска опоры.* Тем не менее, явно утверждаемая на этот раз кооптация текста Фрейда и означающих, которые

он использует вместе с диалектикой им описываемого, обязывает нас — читателей Фрейда, — чтобы лучше контролировать эти сдвиги и лучше в них ориентироваться, предпринять усилия в направлении некоторого терминологического постоянства: мы сохраним термины садистский (садизм), мазохистский (мазохизм) в тех наклонностях, действиях, фантазиях и т. д., которые необходимо включают в себя, сознательным или бессознательным образом, элемент *сексуального* возбуждения или наслаждения. Мы будем их отличать от понятия агрессивности (направленной на самого себя или на что-то иное), которое будет рассматриваться как несексуальная сущность. Это предварительное различие ни в коей мере не предполагает действительного существования несексуальной агрессивности, и, наоборот, оно априорно не опровергает, что поведение, обычно называемое «садистским», могло бы в действительности иметь отношение к инстинктивным несексуальным составляющим.[1]

---

[1] Наше использование противоположно здесь использованию Мелани Клейн, для которой «садизм» является просто синонимом агрессивности или деструктивности. Здесь также происходит сдвиг. Но он совершается от сексуального смысла к смыслу несексуальному, а, с другой стороны, в памяти не сохраняется первичный смысл, как и воспоминание о самом переходе:

Если, как мы считаем, фрейдовская теория «примыкания» должна использоваться как схема, ведущая к пониманию проблемы садомазохизма, то напомним коротко о двух важнейших аспектах этой теории: побочном генезисе сексуальности — генезисе сексуальности в момент поворота к своему Я. С одной стороны, действительно, примыкание предполагает, что сексуальность, влечение появляется на основе несексуальной, инстинктивной деятельности — удовольствие органа на основе удовольствия функции. Любая деятельность, любое изменение организма, любое потрясение способно быть источником побочного результата, которым как раз и оказывается сексуальное возбуждение в той точке, где происходит это потрясение. Примыкание — это, следовательно, примыкание зарождающейся сексуальности к несексуальной деятельности, но действительного возникновения сексуальности в этом еще нет. Она, как обособленное и обнаруживаемое влечение, появляется в тот момент, когда несексуальная деятельность, жизненная функция отделяется от своего объекта или утрачивается. Для сексуальности это момент рефлексии, момент обраще-

---

перед нами просто изменение смысла, десексуализация садизма.

ния к *самости* или к своему Я, момент «автоэротизма», когда объект замещается фантазией, объектом, отраженным в субъекте.

Если теория примыкания все более и более отодвигается на второй план и даже вытесняется, то так же обстоит дело и с ее применением к проблеме мазохизма. Тем не менее два главных текста Фрейда — «Влечения и их судьба» и «Экономическая проблема мазохизма» — несут на себе следы этой теории, два текста, разделенные поворотом 1920 г., но в которых, несмотря на это разделение, обнаруживается одно безусловно значимое совпадение, которое, возможно, не было замечено самим Фрейдом.

«Влечения и их судьбы», как известно, исследуют глубокие изменения влечения, его цели и его объекта, изменения, которые могут изучаться как внутренняя, свойственная самому влечению диалектика, независимо от того факта, что эта «судьба» может предоставить опору защитным механизмам. В случае садизма и мазохизма в игру вступают два типа «судьбы»: «обращение в противоположность» и «обращение на собственную персону». Обращение в противоположность — это, например, переход от влечения к деятельности к пассивности, или наоборот, что заставляет думать о чем-то вроде взаимодополнительности

обоих позиций, а также о том, что от одного к другому, от активности к пассивности переходят, с грамматической точки зрения, посредством простого обратимого «превращения». «Обращение на собственную персону» касается «объекта» влечения, объекта, который может изменяться и из внешнего становиться внутренним объектом: собственным Я. Тем не менее, Фрейд сразу же замечает в переходе садизм — мазохизм: эти два типа судьбы тесно связаны и могут быть разделены лишь в абстракции.

Этот текст Фрейда, весьма насыщенный содержательно, раскрывается словно по спирали, предоставляя целый ряд приближений и схем, которые не аннулируют друг друга, но постепенно дополняют образ общей «генетической» структуры. Более того, схема, представленная для «пары противоположностей» вуайеризм — эксгибиционизм также, как дает понять Фрейд, должна быть принята во внимание. Но, прежде чем вдаваться в некоторые детали относительно схем Фрейда, укажем на смысл проблемы: историки мышления Фрейда и сам Фрейд допускают, что после 1920 г. то, что рассматривается как первичный этап, является этапом отраженным, мазохистским: заставлять себя страдать или причинять себе увечья. Из этого «первичного мазохизма»

возникает, посредством переворачивания, садизм как извращенный мазохизм: найти иной способ заставить себя страдать. Напротив, до 1920 г., и особенно в работе «Влечения и их судьба», именно деятельность, обращенная к внешнему объекту, оказывается первичной (уничтожить другого, причинить страдания, проявить агрессию...), то есть, садизм, тогда как мазохизм является лишь переворачиванием этой первичной позиции, переворачиванием, между прочим, легко понимаемым в зависимости от препятствий, встречающихся вовне и, главным образом, вины, которую вызывает агрессия.

Итак, обращение к своему Я не является чем-то неведомым в судьбе сексуальности, так как именно оно образует переход к автоэротизму. Но мы знаем, что в этом автоэротическом переворачивании существует нечто вроде переноса, видимости или сдвига, что и служит причиной того, что *деятельность, которая обращена на субъекта, — это не та же самая деятельность, которая направляется вовне*, но она «производна» от нее (в соответствии со сложным метафоро-метонимическим движением). Таким образом, несексуальная деятельность, обращенная к жизненно важному объекту, отделяется, оборачиваясь сексуальной деятельностью. Если, следовательно,

мы намерены показать, что фрейдовская теория садо-мазохизма соответствует этой схеме примыкания, то необходимо сделать вывод, что: 1) первичный активный этап, направленный к внешнему объекту, обозначается Фрейдом как садистский лишь в широком смысле слова, несвойственном ему самому, поскольку речь идет о несексуальном периоде, то есть, об агрессивном, разрушительном; 2) сексуальность возникает лишь вместе с обращением на свое Я, то есть, вместе с мазохизмом, и уже в области сексуальности мазохизм рассматривается как первичный.

Мы последовательно представим три схемы происхождения или, как выражается Фрейд, три типа *судьбы*: двойное переворачивание, активная форма — отраженная форма — активная форма; переворачивание с превращением в противоположность, активная форма — отраженная форма — пассивная форма; наконец, двойное симметричное происхождение, которое исходя из отраженной формы может привести как к активной, так и к пассивной форме.

1.) Центральным разделом всего текста является тот, где показано, как разрушительная деятельность превращается в мазохизм, а последний снова является исходным пунктом садистской деятельности. Но мы можем исполь-

зовать этот текст, лишь вводя в него наш комментарий, и вместе с ним различие, на каждом шагу, того, что является несексуальной деятельностью, и того, что связано с сексуальным удовольствием. Благодаря этому различию, которое, между прочим, следует из весьма ясных указаний Фрейда, изложение находит единственно возможную интерпретацию в свете теории примыкания:

«Понимание садизма затрудняется еще потому, что это влечение наряду с достижением своей общей цели (быть может лучше: в пределах последней), по-видимому, стремится еще к специальному действию».

[Так сразу же ставится проблема двоякой природы и двоякой цели садистской деятельности.]

«Наряду с унижением, преодолением [цели агрессивности] он стремится причинять боль» [собственно сексуальная, следовательно, садистская цель].

«Однако психоанализ как будто показывает, что причинение боли не играет никакой роли между первичными активными проявлениями влечения».

[Таким образом, первична именно агрессивность, обращенная вовне, но не сексуальная. Такое влечение Фрейд в некоторые моменты называет «влечением к господству»,

и оно является склонностью обладать властью над другим, чтобы достигать своих целей, но сама такая деятельность, которую можно назвать чисто инструментальной, не предполагает какого-либо сексуального наслаждения.]

«Садистический ребенок не принимает во внимание возможности боли и не намеревается ее причинять».

[Здесь мы вынуждены превратить «садистического ребенка» в «агрессивного ребенка». Действительно, такой ребенок предрасположен разрушать все, что встает на его пути, но при этом ни само разрушение, ни субъективность другого, то есть его страдания, и уж тем более наслаждение, обнаруживаемое в страдании другого, не являются его целью. Некоторое значение для нас имеет тот факт, что такое описание ребенка, простой силы природы, стремящейся осуществить свои силы и ломающей то, что встает у нее на пути, является описанием реального периода, пусть и очень беглым, или предположением идеального периода: в любом случае перед нами именно идеальный генезис.]

«Но раз превращение в мазохизм уже совершилось...» [То есть, обращение агрессивности на свое Я, но здесь «мазохизм» берется в собственном смысле этого слова, одновременно и как сексуальный и как несексуальный.]

« ...то боли очень хорошо подходят к тому, чтобы составить пассивную мазохистическую цель, так как у нас имеется достаточно оснований предполагать, что ощущения боли, как и всякие другие неприятные ощущения...» [Очевидно, что Фрейд явно различает, в области неприятных ощущений вообще, особый феномен боли и то, что *он связан с сущностью мазохизма.*]

«...передаются половому возбуждению и вызывают состояние наслаждения (Lust), для которого можно охотно мириться с неприятностью боли...»

[Таким образом боль — это такое же потрясение, как и любое другое; как и все те потрясения, перечень которых уже был намечен в «Трех очерках», она может быть «косвенным источником сексуальности» в той же степени, как, например, физические упражнения или умственный труд. Идея «передачи» в область полового возбуждения напоминает о «побочном» характере этого производства удовольствия.]

«...А раз ощущение боли стало мазохистической целью, то возвратным путем может развиться и садистическая цель — ...» [На этот раз следует читать: «собственно говоря садистическая», в сексуальном смысле, поскольку речь идет о появлении новой цели, которая не существовала в первичный активный период чистой деструктивности.]

«...причинение боли другому, которой можно наслаждаться, причиняя ее другому и одновременно мазохистически отождествляя себя со страдающим объектом».

[Таким образом, когда речь идет о фантазии, когда речь идет о сексуальности, то именно мазохистский период является первичным. Мазохистская фантазия фундаментальна, тогда как садистическая фантазия предполагает идентификацию со страдающим объектом; именно позиция страдания коренится в сексуальном наслаждении.]

«Разумеется, в обоих случаях испытывают наслаждение не от боли, а от сопровождающего ее полового возбуждения, что особенно удобно переживать в роли садиста».

[Фрейд пытается здесь выйти из затруднения «испытывать наслаждение болью», искажая проблему; но формулировка «испытывать наслаждение болью» вызывает ту же самую апорию, по крайней мере, если придерживаться «экономической» точки зрения. Мы далее еще вернемся к этому вопросу.]

«Наслаждение болью...» [«В обоих случаях», то есть, как в случае собственного страдания, так и в случае страдания другого.]

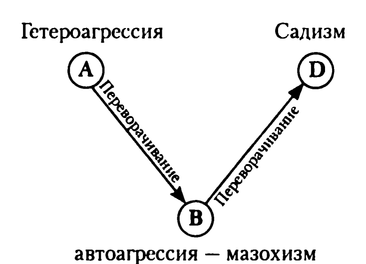
«...является, таким образом, первоначально мазохистической целью...» [В этом и состоит «изначальный» мазохизм.]

«... но оно может стать целью влечения...» [Стать влечением в прямом смысле этого слова значит стать сексуальным влечением.]

«... только у первоначально садистического субъекта...»

[Если не отбрасывать любую возможную интерпретацию этого отрывка, то необходимо решиться повторно превратить «садистское» в «агрессивное»: садомазохистское сексуальное влечение, наслаждение болью находит свой источник в мазохистском периоде, но на основе переворачивания изначальной гетероагрессивности.]

В духе самого Фрейда и его текста мы схематизируем этот первый тип судьбы влечения с его двойным переворачиванием:

2.) Нам предлагается другая схема, цель которой — уточнить переход от садизма к мазохизму. Последний на этот раз предстает перед нами в двух аспектах: «то, что обычно называ-

ют мазохизмом» и что обычно предполагает пассивность перед другим лицом и промежуточная стадия, где «имеет место обращение на самого себя, без пассивности по отношению к новому лицу.»

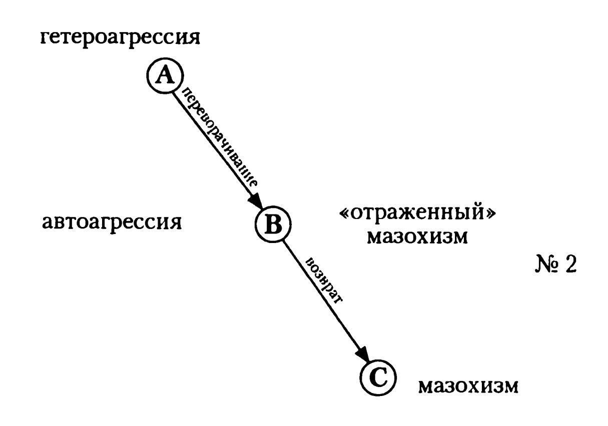
Тремя этапами этого перехода являются:

a) «Насилие, в проявлении своей мощи (силы) по отношению к другому лицу как объекту», деятельность, которую Фрейд называет садизмом, не уточняя на самом деле, что сексуальность еще не действует;

b) Обращение к собственной личности: «Активный глагол превращается не в пассивный, а в возвратный». Речь идет о страдании, причиняемом себе самому, что еще не является истинным мазохизмом;

c) Пассивный мазохизм, где активная цель превращается в пассивную, что предполагает поиск другой личности как «объекта» [объекта влечения, но субъекта действия].

С превращением агрессивности в агрессию, направленную на собственное Я, как раз и связано появление, посредством примыкания, сексуальной составляющей, поскольку возникновение сексуальности всегда соответствует именно периоду «обращения к своему Я». Отметим также, что в этот период объект теряется из виду и обнаруживается в виде своего двойника только в фантазиях (на ста-

дии b), где активная и пассивная роль меняются местами.[1]

---

[1] Установленное Фрейдом сближение между типами «судьбы» влечений и грамматическими преобразованиями является совершенно новаторским и увлекательным, хотя делается оно еще с некоторой путаницей. Так, возвратный глагол смешивается им с залогом. Однако было бы уместно строго различать залог от возвратного глагола в структуре фантазии, так как они совершенно различны грамматически и семантически, даже если способ, которым они *выражены*, иногда один и тот же. Так выражение «наталкиваться» одновременно соответствует и возвратной форме глагола (двигаясь в темноте, я натолкнулся на стол) и форме залога (я столкнулся (был столкнут) со стеной). Возвратная форма более четко различает субъект и объект, позволяя

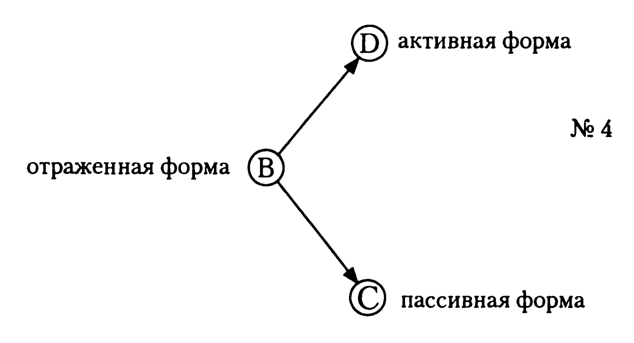
3.) Наконец, третья модель, отличающаяся от других, представляет нам тип «судьбы», связанный с «влечением к разглядыванию». Речь идет о генезисе, на основе возвратной формы ли формы залога, обоих позиций, активной и пассивной. Здесь имеет место не переворачивание, а что-то вроде изначальной позиции, образованной периодом «автоэротизма». Активная позиция рождается из поиска вовне чужеродного объекта, способного заменить сам объект, тогда как пассивная позиция состоит в разглядывании посторонней личности, заменяющей сам субъект.

Мы ниже воспроизведем эту схему, в ее применении к влечению к разглядыванию:

а) Рассматривать сексуальный орган.	=	Сексуальный орган рассматривается другим человеком.	
|		|	№ 3
б) Рассматривать посторонний объект (удовольствие активного разглядывания).		в) Сам объект рассматривается другим человеком (удовольствие демонстрации, выставление напоказ).	

фантастические перемены в их положении. В форме залога термины остаются каким то образом соединенными.

затем в более абстрактном виде:

Следует констатировать, что Фрейд рассматривал возможность применения такой схемы к случаю садо-мазохизма, то есть вывести из нее активные и пассивные формы изначальной возвратной позиции. И он, несомненно, отверг такую возможность, полностью согласившись, что сама она не является абсурдной. Ему кажется, что схема, действительно, противоречит приоритету гетероагрессии, утвержденному выше. Приоритет активного отношения к объекту или приоритет периода «обращения к своему Я» возвращают к уже упоминавшемуся старому спору: что первично — до-объектное состояние, замкнутое на самом себе, возвратное, которое обозначает наша последняя схема, или же, напротив, отношение к объекту? В целом наша интерпретация стремится пока-

зать, что этот спор является ложным и что оба утверждения полностью примиримы, в том смысле, что они не относятся к одному и тому же уровню: схемы под №№ 3 и 4, где все выводится из изначальной возвратной стадии, целиком располагаются на уровне сексуальности: в проблеме влечения к разглядыванию, начиная с возвратного периода а), вопрос стоит о том, «разглядывать ли *сексуальный орган*» или «*сексуальный орган* разглядывается»... Напротив, в последовательностях, ведущих от активной формы к возвратной, а от нее либо вновь к активности (схема № 1), либо к пассивности (схема № 2), мы отталкиваемся от первичного периода, который, строго говоря, не был сексуальным, а сексуальность появляется лишь на втором этапе. Можно также сказать, что переход от А к В происходит в рамках *генезиса* сексуальности, тогда как более поздние преобразования, исходящие из В, изображают различные типы *судьбы* сексуальности.

Таким образом, мы позволили себе сблизить и даже наложить друг на друга различные схемы, подсказанные последовательным изложением текста самого Фрейда, расположив их вначале на одном и том же уровне:

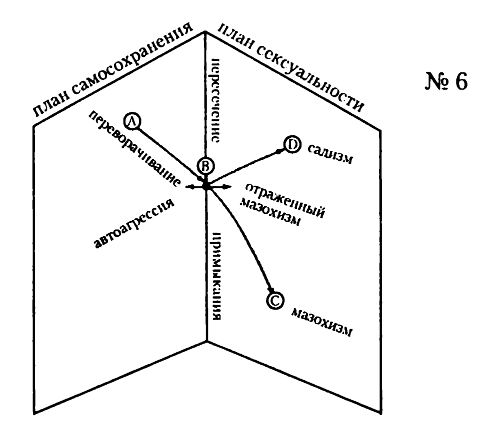
А затем в трехмерной модели, предназначенной выделить существование двух различных уровней, уровня самосохранения и уров-

ня сексуальности, и ввести примыкание как линию пересечения этих двух уровней: смотри ниже схему № 6.

Эта схема явно показывает, как Фрейдом ставится проблема первичного мазохизма и сколько колебаний, которые он афиширует — и которые он склонен засвидетельствовать, например, в примечаниях, добавленных после 1920 г. к тексту работы «Влечения и их судьба» — запаздывает по отношению к тому, что сразу же следует из его размышлений о сексуальности, из идеи, которая не менялась и не изменится, какие бы превратности не подстерегали понятие (несексуальной) агрессивности.

Проверку нашей интерпретации на опыте можно обнаружить в тексте Фрейда, воспро-

изводящем ту же саму проблему: «Экономическая проблема мазохизма».

Мы в 1924 г. Великая противоположность метабиологии влечений к смерти и влечений к жизни образует отныне основу всего фрейдовского мышления, касающегося проблемы происхождения. Вначале необходимо постулировать предельное присутствие двух великих сил, сразу же противостоящих тому, что происходит внутри. Еще более удивительно констатировать, что этот метафизический постулат не мешает Фрейду начать раздел об *эрогенном мазохизме* напоминанием о исходных положениях относительно появления сексуального возбуждения:

«В “Трех очерках по теории сексуальности”, в части, посвященной истокам детской

сексуальности, я выдвинул утверждение, что сексуальное возбуждение возникает как побочный эффект при большом скоплении внутренних процессов, как только интенсивность этих процессов переступила известные количественные границы. Я утверждал даже, что в организме не происходит ничего сколько-нибудь значительного, что не отдавало бы своих компонентов для возбуждения сексуального влечения. Поэтому и возбуждения от боли или неудовольствия должны были бы иметь тот же результат».[1] Именно это «либидинальное со-возбуждение» и предоставляет физиологическое основание эрогенному мазохизму.

В понятии «со-возбуждения» (*Miterregung*) можно узнать точное повторение «маргинального воздействия» или «маргинального усиления», посредством которого Фрейд весьма рано определяет «удовольствие органа» в связи с функциональным удовольствием, в котором оно находит свою опору. Разумеется, такое объяснение, рассматривается как «недостаточное», и Фрейд сразу же обращается к великой онтологической борьбе разрушения

---

[1] *Freud S.* Le probléme économique du masochisme (Экономическая проблема механизма). G.W., XIII. P. 375. Trad. fr., in: Revue française de psychanalyse. 1928. II. N 2. P. 215–216.

и либидо. Однако, если верно, что «мы никогда не имеем дела с влечениями к смерти или влечениями к жизни в чистом виде, но всегда с различными смешениями этих влечений...», то одно из этих смешений, «изначальный эрогенный мазохизм» рождается благодаря феномену этого «со-возбуждения»:

«Другая часть [влечения к смерти или к разрушению] не участвует в этой передислокации вовне, она остается в организме и либидинозно связывается там при помощи упомянутого сексуального совозбуждения; в ней-то мы и должны признать изначальный, эрогенный мазохизм».[1]

Несомненно, плодотворное понятие примыкания постепенно заменяется более абстрактной и более механистичной противоположностью слияния и расслоения (*Mischung — Entmischung*) или слишком удобной банальностью «эротизации». Самое важное, при этом в том, что его место знаменуется тем же самым моментом в судьбе влечения: временем, когда автоагрессия трансформируется тут же в возвратный мазохизм.

Вскоре нам придется поставить под вопрос утверждение, что эта авто-агрессия дана с самого начала, а не является результатом обращения на себя. Но сейчас мы следуем другой

[1] Там же.

линии мышления, более близкой к первым фрейдовским интуициям относительно сексуальности. Эти интуиции рассматривают автоэротизм как вторичный период, идущий на смену обращению или возврату деятельности самосохранения, вначале направленной вовне. Так, если генезис возвратного мазохизма следует понимать посредством обращения на себя, то необходимо также исследовать и само обращение, так как оно предлагается в двух различных значениях: вначале авто-агрессия мыслится как процесс реальный, даже физиологический: сдерживаться, побеждать себя. Фрейд дает одно указание в этом направлении, упоминая в работе «Влечения и их судьбы» о виртуальности возвратного периода, за которым одновременно следуют и садизм и пассивный мазохизм: «совсем не было бы бессмысленным сконструировать такую фазу [такую предварительную стадию], исходя из стараний ребенка овладеть своими членами».

Другой возможный смысл этого обращения, для всех проявлений, совершенно иной, так как он влек бы интериоризацию всего действия на уровне психики, процесс совершенно иного порядка, нежели реальная деятельность, например, на мышечном уровне, поскольку здесь предполагается фантазматизация. Однако, в общем описании автоэротизма одновремен-

но встречаются уже оба этих типа интериоризации: уход к эрогенной зоне и возврат к фантазму. Очевидно, что эти две формы несводимы друг к другу: одна подлежит описанию в чистых терминах поведения или даже физиологии, другая предполагает «внутреннее» измерение. *Интроецировать страдающий объект, фантазмировать страдающий объект, заставлять объект страдать в себе, заставлять страдать самого себя*: вот четыре весьма различных формулы, но на практике субъект постоянно переходит от одной из них к другой. Такой автор, как Мелани Кляйн в полной мере принимает очевидную абсурдность этих уравнений и этого перехода: образ мыслей, близко примыкающий к психоаналитическому опыту — не вводя в него логику исключенного третьего — и устанавливающий тождество интериоризованного объекта и фантазматического объекте.[1] Теперь мы вынуждены допустить, что фантазм, интроекция объекта является потрясением и, в сущности (приятным или неприятным является его «содержание»), генератором автоэротиче-

[1] Здесь перед нами абсолютный реализм процесса мышления, мышление находится в теле, в голове, это внутренний объект... То есть, в определенном смысле нет «научной психологии», основанной на психоанализе.

ского возбуждения.[1] Подобно вторжению фантазм представляет собой первую психическую боль[2], она с самого начала весьма тесно связана с возникновением мазохистского сексуального влечения.

Мы, чтобы проиллюстрировать этот процесс «возвращения к фантазии», упомянем о предпринятом Фрейдом в работе «Ребенка бьют» (1919) анализе генезиса садо-мазохистской фантазии. Речь идет о подлинном клиническом подтверждении работы «Влечения и их судьба», поскольку судьбу влечения мы прослеживаем посредством диалектики, связывающей после-

---

[1] «Сновидение есть исполнение желания», «галлюцинация — это удовлетворение» — такие утверждения, весьма важные для фрейдизма, очевидно, бросают вызов любому свидетельству опыта. Фрейд, между прочим, не без труда защищается от возражения, признающего, что сновидение выражает намерение, имеет определенный смысл, но отвергает, что этот смысл соответствует смыслу желания... Почему не смыслу надежды, страха, смирения, сожаления и т. д.? Чтобы обосновать фрейдовское *априори* — за рамками всегда сомнительной проверки — необходимо допустить, что фантазм является сексуальным потрясением.

[2] Мы говорим о «первичной боли» подобно тому как Фрейд в *Entwurf* говорит о «первом изъяне истерии». Две модели тесно взаимосвязаны.

довательные воплощения представлений или фантазмов, с которыми это влечение связано. Судьба влечения или, возможно, даже его генезис, если принять то различие, которое мы предложили выше.

Напомним о трех этапах эволюции фантазии об истязании, как их описывает Фрейд у женщин, точнее, у женщин, страдающих неврозом (в большинстве случаев навязчивым):

1. Мой отец бьет ребенка, которого я ненавижу.

2. Мой отец бьет меня.

3. Бьют ребенка.

Третий этап соответствует симптому, не без труда осознаваемому в ходе анализа. Для удобства изложения его можно разложить на следующие два аспекта: с одной стороны, его сопровождение представлениями об «аффекте» и «разрядке», а, с другой стороны, его типичное содержание. Интенсивное сексуальное возбуждение, почти всегда приводящее к удовлетворению мастурбацией — сильное чувство вины, очевидно связанное с мастурбацией, но еще глубже с соответствующими представлениями — таковы два явления, регулярно сопровождающие воспоминание об этом фантазме. Что касается самого «фантазматического представления», то речь здесь идет о сцене, воображаемой по относительно устой-

чивому сценарию, что в то же самое время не мешает каждому из трех терминов (избивающий — избиваемый — действие) быть относительно неопределенным или изменчивым, заимствуя то, чем он является, из беспредельного ряда возможных парадигм. Как и в случае с любым фантазмом речь идет о воображаемом представлении, особенно с визуальным измерением. Фраза «ребенка бьют» — способ, каким это представление переносится субъектом в лечебный дискурс и самим Фрейдом в его изложение. Между прочим, эта транскрипция в словесные выражения имеет ту заслугу, что выявляет грамматику самого фантазма, и впоследствии как раз на последовательные видоизменения выражения фантазма (так же, как и в работе «Влечения и их судьбы») и будет опираться анализ Фрейда.

«Ребенка бьют»: произвольная неопределенность этого предложения передает нейтральность, которую пациент хочет сохранить относительно элементов сцены: «Сама личность не фигурирует в этом фантазме. Тем не менее, она соглашается: «вероятно, я присутствую при этой сцене». Отметим, впрочем, что выражение «ребенка бьют» уже переворачивает положение терминов «субьект» и «объект» по отношению к немецкой формуле *Ein Kind zoird geschlagen* (ребенок избивается).

Все это указывает не на неточность перевода, а, напротив, на то, что на этой стадии фантазма имеется неопределенность или во всяком случае обратимость между активной и пассивной формулой:

Ребенка бьют = ребенок избивается.

Здесь неизбежно приходит на ум уравнение, высказанное Фрейдом, чтобы передать то, что он называет возвратной стадией скоптофилического фантазма.

Последовательность трех упомянутых формул представлена здесь Фрейдом как последовательность хронологическая. Первые два периода, в отличие от третьего, должны быть обнаружены в ходе аналитической работы. Но здесь возникает новое фундаментальное различие между периодами I и II: период I может стать доступным памяти в ходе анализа; период II, наоборот, должен быть реконструирован:

«Эта вторая фаза — самая важная из всех, и она больше других отягощена последствиями. Но о ней, в известном смысле, можно сказать, что она никогда не имела реального существования. Ни в одном из случаев ее не вспоминают, ей так и не удалось пробиться к осознанию. Она представляет собой аналитическую

конструкцию, но из-за этого ее необходимость не становится меньшей».[1]

Как раз на различии природы стадий I и II и на переходе от одной из них к другой мы и настаиваем, чтобы ясно показать процесс возврата к автоэротизму:

Период I соответствует одной или нескольким реальным сценам, во время которых ребенок мог на самом деле видеть, как его отец грубо обращался с младшим братом или с младшей сестрой: «Впрочем, можно колебаться относительно того, должны ли мы за этой предварительной стадией позднейшей фантазии битья признавать уже характер какой-то "фантазии". Возможно, речь здесь идет, скорее, о неких воспоминаниях о подобных событиях, свидетелями которых [пациенты] были, о желаниях, которые были вызваны теми или иными поводами, но сомнения эти не имеют никакого значения».[2] Напротив, стадия II чисто фантазматическая, она, собственно говоря, является первым периодом фантазма, что Фрейд подчеркивает, обозначая как «первоначальный фантазм» (*ursprüngliche Phantasie*), сценарий: мой отец меня бьет.

---

[1] *Freud S.* On bat un enfant (Ребенка бьют). G.W., XII. P. 205. Trad. fr., in R.F.P., 1933. T. VI. N 3–4. P. 280.
[2] Там же.

Период I становится доступным сознанию и памяти, когда его обнаруживают посредством исследования, выполненного совместно Фрейдом и его пациентом. Можно, по правде говоря, сомневаться, был ли он на самом деле вытеснен. Стадия II, наоборот, глубоко скрыта в бессознательном, и вообще недоступна.

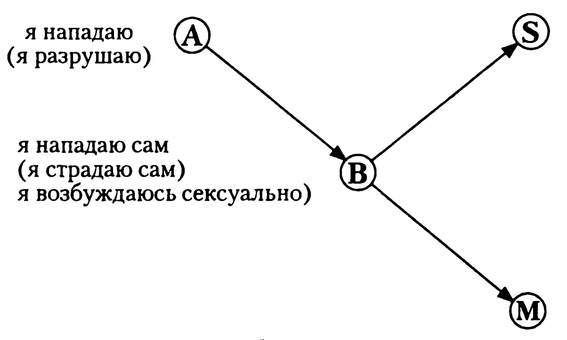
Наконец, первый период лишь в незначительной степени сексуален, или, если вернуться к термину уже использованному в рамках «теории обольщения», он «сексуально-досексуальный». Ели принять то терминологическое различие, которое мы утверждали выше, он имеет агрессивное значение, а не садистское: «Следовательно, остается сомнительным, вправе ли мы обозначить ее как чисто “сексуальную”; не отваживаемся мы назвать ее и “садистской”. Ведь известно, что все признаки, на которых мы привыкли основывать свои различения, ближе к истоку обычно становятся расплывчатыми. Так что это, по-видимому, напоминает предсказание трех ведьм Банко: фантазм не является ни отчетливо сексуальным, ни даже садистским, однако представляет собой тот материал, из которого обе должны возникнуть позднее. Однако, ни один из случаев не дает оснований предполагать, что уже эта первая фаза фантазии служит тому возбуждению, которое учится разряжаться с использованием гениталий

в акте мастурбации».[1] Наоборот, бессознательный фантазм «мой отец меня бьет» является в прямом смысле мазохистским: она в «регрессивной» форме выражает фантазм о сексуальном удовольствии, полученном от отца. О сексуальном возбуждении во время фазы II свидетельствует для Фрейда то, что некоторые пациенты «склонны вспоминать о том, что мастурбация появилась у них раньше фантазии битья третьей фазы (сейчас мы поговорим и о ней); последняя добавилась будто бы лишь позднее, может быть, под впечатлением от школьных сцен [избиения детей]. Всякий раз, как мы принимали на веру эти сведения, мы были склонны предположить, что мастурбация первоначально находилась под господством бессознательных фантазий, позже замещенных сознательными».[2]

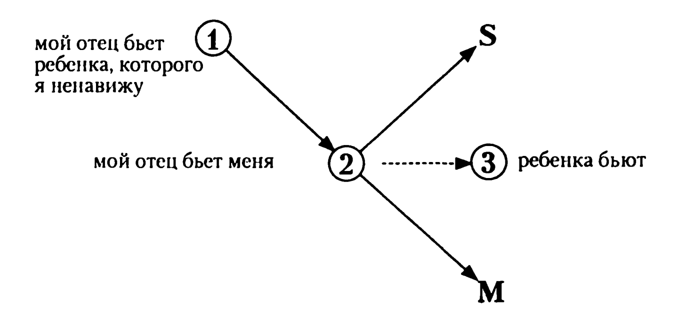
Очевидно, что именно при переходе к стадии II и появляются *фантазм, бессознательное* и *сексуальность* в виде *мазохистского возбуждения*. Более того, в фантазматическом *содержании* переход от фазы I к фазе II включает в себя «обращение против собственной личности», и мы осмеливаемся напомнить о схеме генезиса садо-мазохистского влечения:

---

[1] *Фрейд З.* Ребенка бьют.
[2] Там же.

затем вписать в нее фрейдовские выражения:

Безусловно, применение общей модели к случаю с фантазмом избиения не может быть чисто механическим. Остаются несоответствия, отклонения; но они устранимы и плодотворны для размышлений:

1.) На стадии А, квалифицируемой как гетеро-агрессивная, именно *Эго* (индивид)

было субъектом действия. В «Ребенка бьют» на I стадии бьет именно «мой отец»...

Это различие не кажется нам существенным. *Эго* желает уничтожить дурного человека, что создает препятствия его «самосохранению», и, именно на этом уровне, не имеет значения, делает ли оно это непосредственно или через посредника. Между отцом и *Эго* существует что-то вроде имплицитной транзитивности, которую, впрочем, следует строго отличать от фантазматической интроекции. Важно, что сущность действия размещается на уровне жизненных или «эгоистических» интересов: «Фантазия явно удовлетворяет ревность ребенка и находится в зависимости от его любовной жизни, но ее также сильно подкрепляют и эгоистические интересы ребенка».[1]

2.) Но мы подходим к парадоксу, настаивая на агрессивном несексуальном аспекте первого периода; то, что рассматривается как до-сексуальное, как связанное с самосохранением и с «эгоистическими» тенденциями, это... и есть то, что Фрейд открыто обозначает как родительский комплекс или комплекс Эдипа! При чисто хронологической интерпретации мы неизбежно пришли бы к абсурду: не комплекс Эдипа порождал бы сексуаль-

---

[1] *Фрейд З.* Ребенка бьют.

ность, а сексуальность рождалась бы из комплекса Эдипа, который сам вначале должен был бы раскрываться на досексуальном уровне, на уровне самосохранения или «ласки». Понятие регрессии к садистско-анальной стадии, вводимой в этом тексте Фрейдом для понимания сексуальности, только усиливало бы абсурд, если придерживаться чисто линейной хронологии: несексуальный комплекс Эдипа приобретал бы свой сексуальный смысл посредством регрессии к предшествующей стадии ... либидо.

Углубленное обсуждение этого вопроса потребовало бы весьма сложного установления различных модальностей времени, с которыми мы имеем дело в психоанализе, и вышло бы за рамки нашего изложения вопроса. В этом парадоксе важно подчеркнуть, что «последовательность» упомянутого *примыкания* функционирует в соответствии с такой модальностью времени, которую невозможно наложить на другие (связанные со стадиями сексуальности или структурирования объекта или комплекса Эдипа); вновь образованная сексуальность, оказывается, может брать за исходный пункт *все что угодно*: разумеется, жизненно важные функции, но также, в крайнем случае, и само «эдипово» отношение в целом, взятое как природное отноше-

ние, обладающее функцией предохранения и выживания.

Эту интерпретацию подтверждает, впрочем, тот факт, что к комплексу Эдипа Фрейд подходит окольным путем, по касательной: с точки зрения влечения на первый план выходит не эротическое отношение, но отношение нежности; что же касается структуры, то данный треугольник — это не Эдипов треугольник: эго (маленькая дочь) — отец — мать, но треугольник соперничества, обозначаемый при других обстоятельствах как «комплекс братства»: эго — родители — брат или сестра.[1]

3.) Этот клинический пример предоставляет Фрейду возможность изучить проблему вытеснения в различных аспектах: связь вытеснения и регрессии, отношение вытеснения к сексуальной позиции, мужской или женской... Мы добавим только одно замечание, которое должно объяснить, что собой представляет объект, на который направлено вытеснение: оно направлено на вторую фазу или на фантазм в момент его возникновения. Обычно, не без клинического правдоподобия, говорят о вытесненных воспоминани-

---

[1] Очевидно, что мы не хотим сказать, что треугольник соперничества хронологически «предшествует» «сексуальному» треугольнику Эдипа.

ях детства. Действительно, *то, что вытесняется, является не воспоминанием, но фантазмом, который из него вытекает или служит ему основанием:* здесь это фантазм об избиении отцом, а не реальная сцена, где отец бил бы другого ребенка. Тем не менее, очевидно, что вытеснение фантазма может увлечь вместе с ним в область бессознательного и само воспоминание, которое, задним числом, утрачивает свое сексуальное значение: «Мой отец бьет другого ребенка — он любит меня (сексуально)». Так же, как объект, который следует обнаружить, является не утраченным объектом, но его метонимией, так и «сцена», которую следует восстановить, не сцена воспоминания, но сцена сексуального фантазма, которая из него вытекает.

4.) Наконец, на месте того, что мы называем возвратным мазохизмом, или залогом, мы расположили фантазм, который, обладает мазохистским, «пассивным» содержанием: мой отец меня бьет. Мы уже подчеркивали, что дело в том, что процесс обращения не следует представлять только на уровне содержания фантазма, но и в *самом движении фантазматизации.* Перейти к возвратному — не обязательно означает придать возвратное содержание «обороту речи» фантазма, но главным образом возвратить действие, интериоризиро-

вать его, заставить его войти в наше Я в качестве фантазма. Фантазировать агрессию — значит направить ее на себя, на свое Я: период автоэротизма, в котором подтверждается нерасторжимая связь фантазма как такового, сексуальности и бессознательного.

Если довести эту идею до крайности, то необходимо подчеркнуть особый, привилегированный характер мазохизма при образовании человеческой сексуальности. Анализ содержания фантазма «первосцены» или «изначальной сцены» также показывает: ребенок, бессильный в своей колыбели, это Улисс, привязанный к столбу, или Тантал, которого заставляют смотреть на совокупление родителей. Этому болезненному потрясению соответствует «со-возбуждение», которое можно передать регрессивно только выделением испражнений: пассивная позиция ребенка по отношению к взрослому — это не только пассивность в реальном отношении к взрослой активности, но пассивность по отношению к фантазмам взрослого, которые вторгаются в его мир.[1]

[1] Где расположить третий этап фантазии: «Ребенка бьют»? Фрейд колеблется, обозначая его либо как садистский, либо как мазохистский, и в конце концов приходит к выводу, что «единственной формой этого

фантазма является садистская, а удовлетворение, которое из нее следует, является мазохистским».

Такое обсуждение кажется нам несколько формальным, в той мере, в какой мы, вместе с Фрейдом, утверждаем: «регулярные и интимные отношения между мазохизмом и его двойником в жизни влечений, садизмом». (Экономическая проблема мазохизма.) Такая взаимодополнительность, которую позволяет сохранять понятие «садо-мазохизма», очевидно, не имеет ничего общего ни с реальной взаимодополнительностью между садистским и мазохистским *извращением*, ни с возможностью реального перехода, например, посредством оборачивания, от одного к другому. Извращение всегда предполагает фиксацию *эго* на одном из полюсов внутренней организации фантазматического. Схема, извлеченная нами из работы «Влечения и их судьба», показывает, при всей ее простоте, что нельзя непосредственно перейти от позиции S к позиции M, хотя обе они представляются на основе общего «изначального фантазма».

С этого момента осознанная фантазия «ребенка бьют» не может считаться ни садистской, ни мазохистской *в смысле извращения*. Как садо-мазохистская фантазия, она представляет собой сторону «возвратного мазохизма», который может быть также назван «возвратным садизмом». «Возвратный» мазохизм рассматривается Фрейдом в работе «Влечения и их судьба» как характеристика *невроза* навязчивости, и это неслучайно, если пациенты, на которых ссылается Фрейд в работе «Ребенка бьют», предоставляют симптомологию навязчивого господства. Таким образом *Fin Kind wird geschlagen* — «ребенка бьют» — это осознанный, нейтрализованный, невротический наследник изначальной возвратной фантазии.

VI. ПОЧЕМУ ВЛЕЧЕНИЕ К СМЕРТИ?

Если содержание статьи «Экономическая проблема мазохизма» не рискует разочаровать читателя, то ее название вызывает ожидания, которые исполняются лишь отчасти. Самая важная часть текста посвящена весьма увлекательным разработкам: описанию и анализу различных клинических форм, в которых мазохизм обнаруживает себя в аналитическом опыте. Но только первые страницы текста посвящены трудностям и противоречиям, свойственным самому понятию мазохизма. Кроме того, «решение», которое предлагается, только призывает к понятийному прояснению, опирающемуся на различие влечения к жизни и влечения к смерти и приводящему их в соответствие с различными принципами функционирования: принципом удовольствия и принципом Нирваны... Таким образом, «экономическая проблема», даже важнейший парадокс

мазохизма, вскоре были отодвинуты на второй план, на уровень принципиальной противоположности «любви» и «раздора», той титанической борьбы, которая в опыте всегда предстает перед нами лишь в виде приглушенных и двусмысленных откликов, поскольку мы всегда имеем дело только со «смешениями».

Дело даже не в том, что введение «влечения к смерти», вместо того, чтобы разъяснить трудности, связанные с мазохизмом, наоборот, их удвоило. Дело в том, что среди многочисленных парадоксов, возникших вместе с темой мазохизма, два оказываются фундаментальными: один присущ самому понятию; другой возникает при артикуляции мазохизма с влечением к смерти.

Парадокс мазохизма

Если принять определение «удовольствие от неудовольствия», то парадокс мазохизма, опирается на противоречие самих этих терминов. Исходя из этого, решения — ухищрения в доказательствах или ухищрения самого субъекта — представляются всего лишь введением различия между терминами уравнения, или понятийным смещением от одного из этих терминов к другому.

Можно попробовать выпутаться из этого, расположив каждый из этих терминов в особом *месте* интрасубъективной топики, в соответствии с хорошо известной формулой «что является удовольствием для одной системы, оказывается неудовольствием для другой». Можно продолжить формулу, предположив, например, что одна из инстанций (Сверх-Я) найдет свое удовольствие *в самом факте* причинения неудовольствия другой инстанции (Я). Эта теория совершенно естественно вписывается в логику здравого смысла, согласно которой удовольствие садизма не нуждается в особом объяснении, но оказывается полностью «понятным». Если в садистском сценарии удовольствие связано с субъектом, а неудовольствие с объектом, то введение последнего и его интеграция в инстанцию личности (Я) привело бы к *интериоризации всей сцены* и сделало бы легко понятным парадокс мазохизма: мазохист наслаждался бы только своей фантастической идентификацией с активным полюсом сцены. Такое «решение», которое кажется само собой разумеющимся, когда допускают, что любой индивид разделен внутри самого себя и вопреки самому себе, никогда, тем не менее, не предлагалось Фрейдом, всегда настаивавшим на более сложном и более загадочном объяснении для *удовольствия*

от причинения страданий, чем для удовольствия от страданий: иными словами упомянутое здесь «удовольствие Сверх-Я» не могло быть бесспорной и неустранимой аксиомой. Но, главным образом, необходимо напомнить, что сосуществование у самого индивида удовольствия и неудовольствия, связанных друг с другом, но приписываемых двум различным «местам», — это одно из наиболее важных открытий психоанализа. Какую бы тему мы не анализировали, — «психосоматическую», тему «неврозов», тему «человека без свойств» — мы явным образом обнаруживаем страдание, и ход лечения состоит в том, чтобы показать, как это страдание провоцировалось самим индивидом ради поиска удовольствия в другом месте. Характеризовать такое сочетание, характерное для каждого человека, как мазохизм или нравственный мазохизм, значит размывать само понятие мазохизма и, может быть, лишать его какого бы то ни было значения. И дело не в том, что у каждого человеческого существа имеется мазохистский потенциал, готовый пробудиться и усилить страдание, берущее свое начало в чем-либо ином. Дело в том, что субъект является мазохистом только в той мере, в какой он наслаждается тем, что страдает, а не в той, что он страдает, чтобы наслаждаться, в соответствии с арифме-

тикой или алгеброй удовольствий. Это можно сформулировать и следующим образом: субъект страдает, чтобы наслаждаться, а не только, чтобы *иметь возможность* наслаждаться (чтобы оплатить налог за наслаждение).

Следовательно, мы, внутри этого всегда меняющегося равенства «удовольствие = неудовольствие», вынуждены искать перенос, сдвиг, который одновременно возникал бы и в области приятного и в области неприятного. Если мы, ради удобства, обозначим эти два члена уравнения как полюс «-» и полюс «+», то мы не сможем продолжать утверждать, что «+» = «-», даже если этот «+» не является полным «+», а этот «-» не является полным «+». Или, скорее, «-» не может быть полным отрицанием положительного, каким он является на первый взгляд.

Со стороны «-» в первую очередь понятие страдания или еще более интересный феномен *боли* — как нарушение границы и как приток «не связанной» энергии — приходит на смену понятию неудовольствия.

Со стороны «+» также предполагаются различия, понимание которых не облегчается установленной терминологией и, в частности, немецким термином *Lust*, традиционно переводимым как удовольствие или иногда как наслаждение, но предполагающим также и значе-

ние «вожделение». Введем также понятие *удовлетворения*, которое указывает на успокоение, связанное с уменьшением напряжения, и поэтому целиком относится к «витальному» уровню. Теперь на полюсе «+» удовольствие оказывается разделенным на два направления: с одной стороны наслаждение, одновременно и в смысле безудержного удовольствия и в смысле вожделения, с другой удовлетворение, располагаемое на уровне успокоения витального напряжения. В рамках этой противоположности термин «удовольствие» может, согласно мнению ряда авторов, в том числе и самого Фрейда, смещаться либо к одному, либо к другому полюсу одной и той же фундаментальной оппозиции: либо он располагается рядом с функциональным удовлетворением (и в этом случае речь идет о влечении к удовольствию, например, о том, что Фрейд называет «органическим удовольствием»), либо противопоставляется «наслаждению» (и в этом случае удовольствие располагается рядом с постоянством и гомеостазом):

Удовлетворение / удовольствие ≈ удовольствие / наслаждение.[1]

---

[1] Эта двусмысленность понятия удовольствия не может быть полностью устранена посредством согласия в терминах. Она указывает на процесс метафоризации.

Используем теперь результаты, которые получены нами посредством интерпретации фрейдовских положений и их замены:

1). Необходимо строго различать два уровня: ряд или количественную шкалу: удовольствие (функциональное) — неудовольствие (функциональное); и уровень вожделения и/или наслаждения.

2). Как раз на этом втором уровне, вожделения и/или наслаждения, и появляется утверждение о первичном мазохизме. Оно может быть представлено формулой типа:

«Вожделение и/или наслаждение от боли».

Оно тесно связано с понятием фантазма как чужеродного внешнего тела и понятием влечения как внутренней атаки, так что парадокс мазохизма не должен ограничиваться частным «извращением», но заслуженно обобщается и связывается, в своей сущности, с травматической природой человеческой сексуальности.

3). Остается вопрос, поставленный этой формулой: вожделение и/или наслаждение, где термины находятся в сложном отношении одновременно и соединения и разъединения. Напомним некоторые формулировки Фрейда, которые, при всей их приблизительности, указывают, возможно, на плодотворный путь: «Субъект наслаждается возбуждением», пи-

сал Фрейд в *Экономической проблеме мазохизма*, обосновывая проблему сексуального влечения в целом; и уже в «Трех очерках» 1905 г., по поводу источников самого сексуального влечения: «мы довольно часто можем одинаково употреблять понятие сексуальное «возбуждение» и «удовлетворение»; это возлагает на нас обязанность в дальнейшем искать этому объяснения».[1] «Наслаждаться возбуждением» — это выражение Фрейд использует и в следующих строчках, где утверждается, что «человек предпочитает охоту плену». Не следует ли просто сказать, что охота включает в себя также и фантазм о пленении? Но такая формулировка была бы банальной и неудовлетворительной, если бы не было понятно, что фантазм уже не является тем же самым, не представляет собой простого отражения или образа плена, что *производится* от этого образа целой серией смещений. Такова, в самых общих терминах, была связь вожделения и «удовлетворения».

«Наслаждаться возбуждением» — «вожделение и/или наслаждение» — эти формулировки приводят нас к вопросу о ценности, которую, на уровне такой «механики» или «гидравлики» *представлений*, характеризующих чело-

[1] *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности.

вическую сексуальность, сохраняют экономические понятия, метафорически и метонимически производные от уровня биологического гомеостаза. Двойной парадокс, который вводит понятие влечения к смерти в проблему мазохизма, будет служить нам руководством.

Экономический парадокс влечения к смерти

Работа «По ту сторону принципа удовольствия», которая в 1920 г., через год после работы «Ребенка бьют», вводит понятие влечения к смерти, остается самым загадочным и самым любопытным текстом во всем творчестве Фрейда. Никогда Фрейд не проявлял себя столь свободно и смело, как в этой замечательной метапсихологической, метабиологической и метафизической фреске. Появляются совершенно новые термины: Эрос, влечение к смерти, мания повторения... Прежние идеи, явно забытые, особенно из «Проекта научной психологии», воспроизводятся и обновляются. Проблема «биологизма» Фрейда обступает здесь нас со всех сторон: какова функция этого обращения к наукам о жизни, которое иногда предстает в виде ничем не ограниченной спекуляции, иногда — в виде точного

экспериментирования? «По ту сторону принципа удовольствия» можно будет, с некоторой долей вероятности, диалектически «преодолеть» лишь тогда, когда смысл этого биологизма будет выяснен. Наконец, что касается вопросов, непосредственно затрагиваемых в наших двух последних разделах, то здесь мы находим новое, оригинальное и даже неслыханное соединение различными способами того, что обобщенно называется «негативным»: агрессии, разрушения, садо-мазохизма, ненависти...

Этот глубоко озадачивающий дискурс, лишь спорадически и поверхностно подчиняется требованиям логики: речь идет о свободном мышлении — в смысле свободных ассоциаций — мышлении «чтобы убедиться», которое предполагает возвраты, исправления, опровержения. Этот весьма привлекательный эквивалент свободного подхода может разочаровать того, кто такому типу мышления не сочувствует: пробелы в доказательствах оказываются в нем ловушками, расплывчатость понятий стирает терминологические ориентиры, а самые глубокие размышления внезапно прерываются... Если же двигаться в обратном направлении, то от этого текста можно получить впечатление, что все вопросы там поставлены неверно, что все нуждается в исправлении.

Увлекательное, травмирующее, вынужденное введение понятия влечения к смерти могло у последователей Фрейда вызвать лишь различные варианты защитной реакции: мотивированный отказ у одних, чисто схоластическое одобрение этого понятия, а также дуализма Эроса и Танатоса у других, одобрение в видоизмененной и оторванной от ее философских оснований форме у такого автора как Мелани Клейн, а, чаще всего, умолчание или полное забвение...

Работа «По ту сторону принципа удовольствия», в двух своих фресках или в двух различных поэмах, неотвратимо ведет нас к своему мифу: в первый период самые разнообразные феномены *повторения*, в той мере, в какой они не сводимы к чему-то иному, соотносятся с сущностью влечения. Во втором акте эта наклонность человеческого индивида воспроизводить свои состояния и свои объекты связывается с универсальной силой, широко превосходящей область психологии и даже область живого, с космической силой, которая неизбежно, в порядке регресса, приводит более организованное к менее организованному.[1] Речь,

[1] По правде говоря, мы, в связи с открытиями физики, почти не думаем, что так называемая «грубая» материя неизбежно представляет собой наименее ор-

следовательно, идет о том, что во влечении является самым «изначальным» — то есть, об атараксии, о Нирване как уничтожении всякого влечения, — о том, что в биологическом является наиболее витальным — о смерти, явно обозначаемой как «окончательная цель» жизни. Любое живое существо стремится к смерти в силу своей наиболее фундаментальной внутренней наклонности, и разнообразие жизни, каким мы наблюдаем его во множестве форм, всегда лишь воспроизводит серию установленных в ходе эволюции воплощений, случайных отклонений, вызванных той или иной травмой, тем или иным препятствием: организм не желает всего лишь умереть, но желает умереть «по своему».

В противоположность этой «универсальности» смерти, относительно которой весьма трудно представить, что же могло бы ее ограничить, выдвигается иной принцип, влечение к жизни или Эрос, тенденция, которая, несмотря на некоторые запирательства Фрейда, питается надеждой, приносимой эволюционистской или прогрессистской идеологией: Эрос

ганизованное состояние, и еще меньше, что она соответствует энергетическому нивелированию — где все разности потенциалов сокращаются или исчезают — идею которого предлагает Фрейд.

объединяет, Эрос стремится постоянно создавать более сложные и более богатые единства, вначале на биологическом уровне, затем на психологическом и социальном; вопреки, наконец, принципу энергетической энтропии — который, вероятно, можно сблизить с влечением к смерти — Эрос стремится сохранить и повысить энергетический уровень тех конфигураций, чью внутреннюю связь он создает.

Так же, как и Танатос, Эрос является *внутренней* силой, присущей индивиду: атому, клетке, живому индивиду или психике. Как раз внутри этой монады и разворачивается диалектика или, скорее, ожесточенная борьба двух изначальных сил; во-вторых, сторона изначальной агрессивности обращается на внешний мир, порождая то его проявление, которое мы обнаруживаем в феноменах: агрессивность. Таким образом, если отсюда вернуться к вопросу, уже обсуждавшемуся в работе «Влечения и их судьба», то здесь утверждается приоритет агрессии, направленной на свое Я, и эта агрессия, в свою очередь, лишь следствие абсолютного приоритета нулевой тенденции в индивиде, рассматриваемой как самая радикальная форма принципа удовольствия.

Но то, что считается первичным внутри индивида, объединяет, под одним и тем же знаменем, с трудом примиримые друг с другом тен-

денции: сведение напряжения к нулю (Нирвана), тенденцию к смерти, авто-агрессию, поиск страдания или неудовольствия. С экономической точки зрения главное противоречие заключается в том, чтобы связать с одним и тем же «влечением» тенденцию к радикальному устранению всякого напряжения, к высшей форме принципа удовольствия, и мазохистский поиск неудовольствия, который при любой логике можно интерпретировать лишь как увеличение напряжения.

К «ситуации агрессивности», характеризуя свойственный ей диалектический смысл, с присущей ему аналитической остротой, с оригинальностью клинических замечаний обращается Даниель Лагаш.[1] Текст короткий, но важный, чтобы сориентироваться в личном мышлении автора, а также разобраться с различными значениями, вплетенными в понятие агрессивности. Понятие влечения к смерти рассматривается там «как формальное единство множества взаимосвязанных, но не тождественных идей». Внутри этого монстра (в том смысле, в каком обозначают существа, созданные человеческой фантазией, химеры или драконы, состоящие из самых

[1] *Lagache D.* Situation de l'agressivité // Bulletin de Psychologie. 1961. P. 99–112.

разнородных частей или органов тела) Лагаш обнаруживает и перечисляет различные идеи, чтобы раскритиковать их одну за одной, предложить правдоподобную интерпретацию и, в конечном счете, связать их с другой стороной теории и опыта. Он исследует их следующим образом:

1. Тенденция к переходу от органического к неорганическому обнаруживает самые глубокомысленные и самые убедительные моменты в аргументации Фрейда. В психоаналитической клинике он использует ее на чисто описательном уровне: для обозначения чего-то вроде овеществления субъекта — в другом месте называемого психической инертностью или заторможенностью — в котором косность и дряхлость на долгое время или даже окончательно заменили обновление и созидание.

2. Тенденция к «снижению напряжения»: понятие, которое Даниэль Лагаш принимает, при условии, что его не доводят до абсурда, и что оно не является, в своем крайнем случае, снижением всякого напряжения. Ограниченное таким образом, это понятие образует, в рамках авторской проблематики, один из полюсов человеческой деятельности, противостоящий тенденции к «осуществлению возможностей»: один из двух принципов психической жизни, которые чередуются, сочета-

ются в рамках более или менее гармоничного компромисса, противостоят друг другу в зависимости от типа конфликта и периода жизни. Между этими двумя принципами психоанализ не смог сделать выбор.

3. Наконец, первичный мазохизм. Понятие, для которого Лагаш вначале ищет иллюстрации или психофизиологические эквиваленты, но окончательно интерпретирует как изначальное состояние ребенка, полностью зависящего от другого человека для достижения своего удовлетворения. «Первичный мазохизм» включается здесь в «мазохистскую позицию нарциссизма», позицию, где понятие мазохизма *априорно* уподобляется автором понятиям пассивности и зависимости.

Критиковать, в этимологическом смысле термина, это значит выбирать, пересдавать карты, «просеивать» то, что было смешано. В этом смысле критика Лагаша — одна из наиболее законченных и наиболее уместных из числа тех, что применялись к области агрессивности. Однако, такая концепция критики и понятийного анализа, является, по нашему мнению, неполной, если мы желаем найти *в «психоаналитике»* понятие, выдвинутое самим основателем психоанализа. Разумеется, после введения понятия влечения к смерти возникло недоразумение, карты были сда-

ны неверно. Тем не менее, достаточно ли их просто пересдать? Мы считаем, что такой пересдачей ограничиться нельзя, необходимо попытаться истолковать прежнюю «раздачу». Анализ, интерпретация — можно предложить несколько признаков подобного предприятия, являющегося не «патографией», а интерпретацией индивидуального желания (в данном случае Фрейда), посредством обращения к оставленным им следам, но интерпретацией того, что из области бессознательного становится явным, уже на уровне дискурсивного мышления: теоретической потребности, искаженной наследницы желания. Потребности? Мы охотно восстановили бы другой фрейдовский термин, *Zwang*: принуждение, навязчивое желание, демоническая сила, одним из самых поразительных примеров которой является речь оракула, бесповоротно, предопределяющая судьбу Эдипа.

Из всех великих побуждений мысли, периодически дающих о себе знать во фрейдовском творчестве, влечение к смерти является наиболее ярким и, возможно, объединяющим все остальные. Как, после Джонса, можно не заметить очевидные признаки этого *Zwang*? В 1920 г. появляется текст, который вписывается в непрерывный ряд других сочинений, второстепенных произведений того же рода:

от «Проекта научной психологии» до «Введения в нарциссизм». Здесь берет начало совершенно новое направление, отклоняющееся от всех предполагаемых траекторий: от ряда метапсихологических сочинений 1915 г. и их системы, которая, кажется, близка к реформированию; а также от предложенного пересмотра проблемы «нарциссизма», так как речь идет не столько о том, чтобы закрепить это понятие, сколько о том, чтобы его разрушить. Гипотеза вновь ставит все под сомнение. Гипотеза? Она представлена безоговорочно, вместе с аргументами любого порядка, часто заимствованными из областей, внешних по отношению к психоаналитической клинике, призывающими на помощь биологию, философию, мифологию. Аргументация излагается прерывисто, и упорство в деталях научного спора внезапно отбрасывается, подобно несчастливому игроку, неожиданно переворачивающему стол: мы имеем в виду долгую и подкрепленную документами дискуссию о проблеме бессмертия живой клетки в свете опытов над простейшими, где Фрейд, когда возникает впечатление, что изучение различных утверждений опровергает существование *внутренней* тенденции к смерти, внезапно оставляет эту тему и *ad hoc* обращается к метафизике сущностей:

«Если мы оставим морфологическую точку зрения и примем динамическую, то нам может вообще стать безразличным, можно ли доказать естественную смерть Protozoa или нет. Субстанция, которую впоследствии выделяют как бессмертную, ни в какой мере не отделена у них от умирающей. Силы влечений, переводящие жизнь в смерть, могут с самого начала действовать в них, и все же их эффект может быть скрыт сохраняющими жизнь силами, так что прямое распознавание первых становится очень трудным. Во всяком случае, мы слышали, что наблюдения биологов позволяют нам принять такие внутренние процессы, ведущие к смерти, и для протистов. Но если даже протисты оказываются бессмертными в смысле Вейсмана, то его утверждение, что смерть есть позднее приобретение, остается в силе лишь для явных проявлений смерти и не делает невозможным допущение о тенденциях, влекущих к смерти».[1]

---

[1] *Фрейд З.* По ту сторону удовольствия. Дискуссия об опытах биологов над выживанием одноклеточных организмов в соответствующей питательной среде приводила к выводу, что эти организмы погибали только если среда периодически не очищалась от ядов, произведенных клеточным метаболизмом. Фрейд видит в этом доказательство, что «...инфузория, предоставленная сама себе, умирает естествен-

Эта гипотеза представлена под прикрытием весьма «либеральной» аргументации: каждый, свободный и независимый мыслитель и мечтатель, имеет право заходить в своих мыслях настолько далеко, насколько это имеет для него значение.

Вскоре, однако, обнаруживает себя Zwang, метафизическая мечтательность становится догмой как для Фрейда, так для его учеников:

«Вначале я представлял эти концепции с единственным намерением увидеть, куда они ведут, но с течением лет они приобрели такую власть надо мной, что я уже не могу мыслить иначе».[1]

Другой, противоположный признак того же *Zwang*: эта подлинная догма, которая кажется неизбежной на уровне системы мышления, слабо озвучена в творчестве в целом, особенно когда приближается к клинической

ной смертью из-за незавершенного уничтожения продуктов своего собственного метаболизма». Таким образом, клетка умирает в силу «внутренней» причины при условии, что она оставлена в среде своих отходов, то есть, что ее организм расширяется до размеров ее окружения. Мы в доказательствах такого типа видим метафорическое соответствие идее интериоризации при травме «несовместимого» влечения и элемента раздора, которые оно с собой несет.

[1] *Фрейд З.* Недовольство культурой.

практике: новый «дуализм» плохо вписывается в теорию конфликта, где сохраняются прежние оппозиции влечений, тогда как влечение к смерти упоминается лишь в крайнем случае и обычно остается на втором плане.

«Теоретические размышления и заставляют нас заподозрить существование двух фундаментальных влечений, которые скрываются за влечениями явными, влечениями Я и влечениями объекта».

Более того, когда в работе «Торможение, симптом и страх» Фрейд пересматривает теорию неврозов, он включает влечение к смерти в эдипов конфликт только в виде ненависти, не оставляя для него места в качестве саморазрушения. Даже когда утверждения Ранка о «травме рождения», долгое время обсуждаемые в этом тексте, могли послужить поводом для обращения к идее изначальной интериоризации разрушения, гипотеза первичного страха смерти в конечном счете отвергается и вновь подтверждается отсутствие смерти на уровне бессознательного.

Если сам Фрейд, позволяя нам тем самым выдвинуть термин *Zwang*, говорит о «влиянии» на него понятия влечения к смерти, то он таким образом открывает дорогу интерпретациям. Джонс, биограф Фрейда, дает наброски такого анализа, но в направлении, ко-

торое нельзя не рассматривать как упрощение. Напомним, в его оправдание, что он следует некоторым указаниям самого Фрейда, касающимся интерпретации философского произведения:

«Психоанализ может показать субъективную и индивидуальную мотивацию философских доктрин, которые якобы являются результатом беспристрастного логического труда, и указать в критике слабые стороны системы. Заботиться о самой этой критике — это не дело психоанализа, так как он полагает, что психологическая детерминация доктрины нисколько не исключает ее научной точности».[1]

Так Джонс ставит в один ряд подробные возражения, касающиеся интеллектуального содержания «творчества» и психоаналитическую интерпретацию, зависящую от тех биографических элементов, которые у него под рукой. Дихотомия уже сомнительная, но ее недостатки возрастают, когда исследуется каждая из этих крайностей: разумеется, личная позиция Фрейда по отношению к смерти — как к смерти его близких, так и к его собственной — заслуживает того, чтобы обратили внимание на самые незначительные признаки... но аналитический нейтралитет, правила такого рас-

---

[1] *Freud S.* Das Intéresse an der Psychoanalyse.

смотрения «материала» почти не встречаются в оценке, согласно которой «думать о смерти каждый день... весьма необычно».

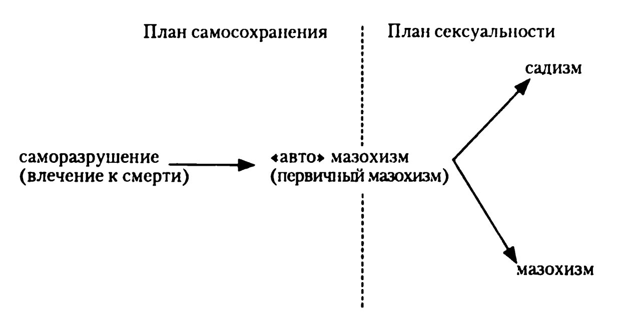
Такая наивность или предвзятость — которая, по нашему мнению, ничуть не обесценивает замысел аналитической психобиографии в целом — находит свое дополнение в недостаточности теоретической оценки. На этой почве Джонс отделяет друг от друга два «поворота» одного и того же периода: ревизию концепции психического механизма, ведущего ко «второй топике», где автор желает видеть лишь увенчание или счастливое завершение творчества, и введение влечения к смерти, разрывающее со всей предшествующей разработкой, где вторжение эмоциональной позиции, слишком долго вытесняемой, имело значение лишь симптома. В конечном счете некий рационалистический, возможно, аналитический, но глубоко анти-диалектический дух приводит лишь к разделению и фрагментации: к разделению глубокой критики и психологической интерпретации, к разделению, при котором затем они будут друг на друга опираться; к расколу теории на хорошие и дурные новшества, не принимая во внимание что между ними может существовать структурная взаимосвязь; наконец, к отрицанию связи понятия влечения к смерти со всем тем, что его пред-

восхищает или подготавливает на других этапах творчества.

Если наш замысел состоит в том, чтобы на уровне творчества интерпретировать Zwang, потребность, которая приводит к такому парадоксальному повороту, то мы не сможем подтвердить такую интерпретацию, следуя за деталями текста, особенно «По ту сторону принципа удовольствия». Нам, при минимальном обосновании, необходимо представить те элементы, которые здесь возвращаются и энергия которых приводит в движение понятие влечения к смерти. Их, по нашему мнению, три.

Первый элемент — тот, который мы назвали приоритетом периода «авто» или «самости»: возвратного периода. Этот приоритет в области психоанализа выражается как в теории автоэротизма, так и в предположении первичного нарциссизма, мыслимом как полностью замкнутое на самом себе состояние, с нелепостью которого не считается ни теоретическое размышление, ни самые элементарные наблюдения. Просто добавим по этому поводу, что в «По ту сторону принципа удовольствия» влечение к жизни или Эрос, сила, поддерживающая единство и единственность нарциссизма, может быть выведена как *возвращение к предшествующему состоянию*

только посредством обращения к мифу: к легенде об андрогине, предложенной Аристофаном из *Пира* Платона. Так дело обстоит и с влечением к смерти: здесь приоритет возвратного периода, еще недавно прочно подтвержденный в том, что касается *мазохизма в сексуальном смысле,* раздваивается относительно своих истоков: уже на уровне самосохранения всего живого агрессия была неподвижной, застывшей *внутри*, и именно эту неподвижность она обнаруживает «связанной в либидо с сексуальным совозбуждением» под видом первичного мазохизма.

Второй элемент потребности во влечении к смерти — это *приоритет нуля над постоянством.* Известно, что выражения принципа удовольствия у Фрейда возвращают его как к объективному или даже к математическому основанию к «принципу постоянства». Но

двойственность удовольствия, которая разделяет его на удовольствие функции и удовольствие органа, на спокойное удовлетворение и на наслаждение, обнаруживается на экономическом уровне. Формулировки принципа постоянства создают впечатление, что они, в свою очередь, скрывают ту же самую двойственность. Приведем два определения этого экономического принципа в работе «По ту сторону принципа удовольствия»:

— Тенденция к «уменьшению, постоянству, подавлению внутреннего возбуждения...»

— Тенденция психики «сохранять максимально низким представленное в ней количество возбуждения, или, по крайней мере, сохранять постоянство».

Таким образом, термины «ноль» и «постоянство», которые мы намерены разъединить, часто представляются Фрейдом как расположенные в определенном континууме, и он либо устанавливает между ними смутную синонимию, рискуя оставить за «психофизиологией» заботу об их отчетливом различении, либо преподносит тенденцию к постоянству как крайний случай безусловного уменьшения напряжения.

Тем не менее, на том количественном уровне, где Фрейд вводит, по- видимому, терминологию математического вида, *a priori* дис-

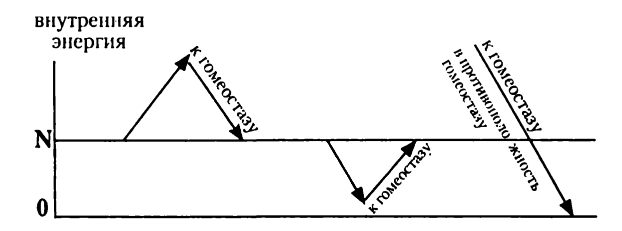
куссия о различных возможных отношениях между двумя терминами оправдана:

а) Можно ли ноль приравнять к постоянству?

Представим простую систему гомеостаза, где механизм саморегуляции нацелен на постоянное поддержание некоторого энергетического уровня N. В такой системе, поскольку она удаляется от уровня N в сторону или избытка или недостатка энергии, чтобы установить гомеостаз, необходимо будет либо избавление от энергии, либо ее приток. С другой стороны, энергетическое уменьшение, ведущее систему к нулевому уровню, сможет на своем пути оказаться благоприятным для восстановления постоянства, но доведенное до конца, оно серьезным образом противоречит принципу постоянства.

Если перенести это на уровень гомеостаза *организма*, то следует согласиться с той экспериментальной очевидностью, что живое существо не стремится только, как того желал Фрейд, избавиться от возбуждения, которое постоянно, сплошным потоком, приходит извне: этот организм, в зависимости от обстоятельств и своего внутреннего энергетического уровня, может как стремиться к возбуждению, так и избавляться от него или его избегать.

Таким образом, если они и связаны в одной и той же системе с одним и тем же видом подда-

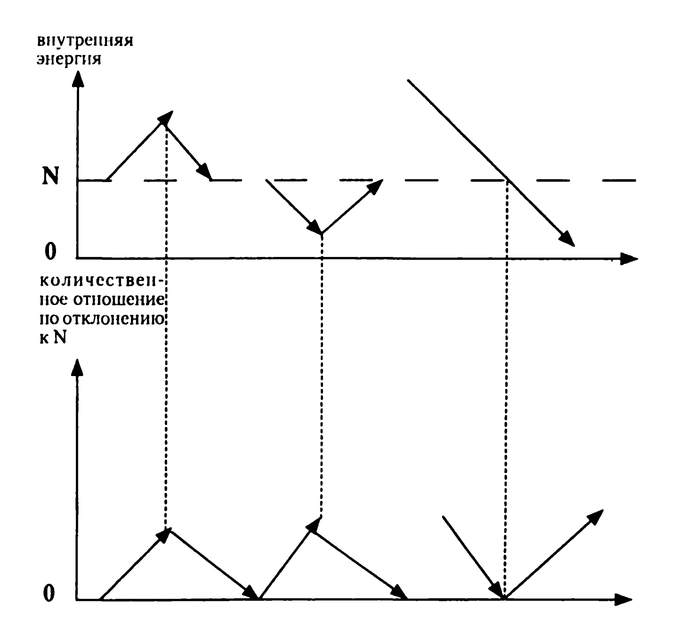
ющейся количественному определению энергии, принцип ноля и принцип постоянства не сводимы друг к другу.

б) *Можно ли принцип ноля рассматривать как вторичный по отношению к принципу постоянства?*

Рассмотрим всегда одинаковую систему гомеостаза, но введем в нее вторую переменную величину: наряду с внутренней энергией *количество удаления* от уровня N, которое это удаление порождает как уменьшением абсолютной суммы энергии, так и ее увеличением. Теперь один и тот же энергетический обмен между системой и ее средой выражается различным образом, в зависимости от того, какая из двух переменных принимается во внимание: закон постоянства, управляющий изменениями во времени абсолютного количества внутренней энергии, выражается в законе ноля, когда это количество изменений или отклонений от нормы само принимается как изменчивое (смотри схему внизу).

Такого рода размышления непосредственно возвращают нас к Фехнеру, три тезиса которого следует рассматривать как основные критерии обсуждения мыслей Фрейда об экономике удовольствия: *выражение принципа удовольствия*[1] — *выражение принципа устойчивости*, рассматриваемого Фрейдом в качестве эквивалента его принципу постоянства —

[1] Большое число признаков фрейдовского принципа удовольствия уже было представлено в сочинении Фехнера, опубликованном в 1848 г.: «Uber das Lustprinzip des Handelns». Уже у Фехнера речь ни в коей мере не идет о гедонизме в традиционном смысле: представление о *будущем* удовольствии или неудовольствии ничему не служит. Принцип удовольствия — это регулирующий принцип, требующий *актуального* ощущения, чтобы привести себя в действие; он действует на уровне удовольствия-неудовольствия, связанном с самим представлениями, а не на уровне представленного, намеченного, замышляемого. Поскольку движение всегда совершается от удовольствия к неудовольствию, то понятно, что в этой паре актуальным, подвижным термином будет неудовольствие: Фрейд, как известно, начинал с «принципа неудовольствия», а затем вел речь о принципе «удовольствия-неудовольствия»: он неоднократно утверждал *автоматическое регулирование* хода психических процессов этим принципом; наконец, он считает этот принцип регулятором «течения представлений». Во всем этом он воспроизводит утверждения Фехнера.

наконец, фундаментальный *«психофизический закон»*, определяющий «ощущение» как «логарифм возбуждения» и устанавливающий тем самым точную связь между количеством субъективно воспринимаемых изменений (количеством, определяемым суммой последовательных отклонений) и количеством объективного притока энергии. Позиция Фрейда по отношению к этим трем главным выводам Фехнера совершенно замечательна:

— Он умалчивает о выражении Фехнера «принцип удовольствия действием», весьма близком его собственным представлениям.

— Он рассматривает «принцип устойчивости» как наиболее общее выражение, которому «тенденция, приписываемая нами психике, подчиняется как частный случай».

— Он заявляет, что «Т. Фехнер, выдвинул теорию удовольствия и неудовольствия, в существенном совпадающую с той, к которой приводит нас психоаналитическая работа» и приводит весьма недвусмысленный отрывок, где Фехнер применяет к ощущениям удовольствия и неудовольствия фундаментальную «психофизиологическую связь»[1]; и тем не ме-

[1] Стоит полностью привести здесь отрывок из Фехнера, цитируемый Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия»: «Поскольку определенные стремления всегда находятся в связи с удовольствием или неудовольствием, можно также удовольствие и неудовольствие мыслить в психофизической связи с условиями устойчивости и неустойчивости, и это позволяет обосновать развитую мной в другом месте гипотезу, что всякое психофизическое движение, переходящее за порог сознания, связано до известной степени с удовольствием, когда оно, перейдя известную границу, приближается к полной устойчивости, и — с неудовольствием, когда, также переходя известный предел, оно отдаляется от этого; между обеими границами, которые можно назвать каче-

нее, исходя из этого, он отказывается следовать по пути, который позволил бы связать в рамках точно определенной функции стремление к нулю и стремление к постоянству, связать ноль воспринимаемого отклонения и постоянство внутреннего уровня энергии.

Чтобы, не оставляя Фехнера, разобраться с его собственными определениями принципа постоянства, необходимо, чтобы Фрейд различал два совершенно разнородных типа квантов: квант отклонения от устойчивости (что Фехнер называет ощущением) и квант энергии (что Фехнер называет возбуждением). Но сразу же, начиная с первых «экономических» выражений, утверждения Фрейда опираются только на одну разновидность «количества»: в «Проекте научной психологии» внутренние количества имеют ту же природу, что и внешние и отличаются от них только уменьшением, вызванным действием систе-

---

ственным порогом удовольствия и неудовольствия, в определенных границах лежит известная область чувственной индифферентности...» Фрейд не может игнорировать строгий тип решения, предложенный Фехнером для проблемы нуля и постоянства. Так, через две строки после этой цитаты он приводит одну из тех намеренно туманных формулировок, где сохранение постоянства оказывается лишь незавершенным приближением стремления к более низкому уровню.

мы фильтров; в других местах такие термины, как «квант аффекта», «сумма возбуждения», «внешнее стимулирование» и т. д., постоянно преподносятся как полностью однородные.

в) Таким образом, Фрейд отклоняет решение Фехнера: ему необходим квант *материально* отделимой психической энергии, способной циркулировать, а не *математическая функция*, какой является «ощущение» Фехнера, неотделимое от актуального «возбуждения», логарифмом которого оно выступает; но главным образом ему необходимо подтвердить, вопреки биологическим и даже психофизическим вероятностям, *приоритет нуля над постоянством.*

Начиная с «Проекта научно психологии», становится явным различие двух принципов, которые позже будут воспроизведены в виде принципа Нирваны и принципа постоянства: первый из этих принципов мы уже встречали под наименованием «принципа нейронной инертности»: «Нейроны стремятся освободиться от количества». Это также ясно выражено как тенденция к нулевому уровню возбуждения: «...изначальная тенденция нейронной системы к инертности, то есть, к уровню = 0».

Этот принцип нуля постоянно отождествляется со следующими понятиями:

— свободная энергия, устремленная наиболее короткими путями к разрядке;

— первичный процесс;

— принцип удовольствия (или неудовольствия): «Поскольку мы с уверенностью знаем о тенденции психической жизни избегать неудовольствия, мы пытаемся отождествить эту тенденцию с первичной тенденцией к инертности. Неудовольствие тогда совпадало бы с количественным увеличением давления... удовольствие было бы ощущением разрядки...».[1]

Очевидно, что в этом определении удовольствия-неудовольствия в психике нет речи о постоянстве. Дело не в том, что принцип постоянства отсутствовал в первых разработках Фрейда, а в том, что он обнаруживается в другом положении, где он противопоставляется первичному процессу. Понятие постоянства вводится во вторую очередь, как адаптация, в силу «неизбежности жизни», принципа инертности:

«Нейронная система вынуждена отбросить первоначальную тенденцию к инертности, то есть к уровню=0. Она должна решиться на обладание запасом количества, чтобы соответствовать требованиям специфической дея-

---

[1] *Freud S.* Projet dt psychologie scientifique. Paris, P.U.F., 1956. P. 331.

тельности. В том, как она это делает, демонстрируется, тем не менее, продолжение той же тенденции, видоизмененной в усилие поддерживать, по меньшей мере, минимальное количество и защищаться от увеличения, то есть, поддерживать постоянство».

Таким образом, *закон постоянства*, даже если он явно и не устанавливается как принцип, весьма точно соответствует связанной энергии и вторичному процессу. Ранее мы уже определили его как связанный с возникновением *инстанции* Я, постоянно инвестируемой формы, которая заполняет, укрощает, управляет свободной циркуляцией бессознательного желания, тормозя повторное галлюцинаторное инвестирование представлений, связанных с первыми «опытами удовлетворения»...

И совершенно верно, что вместе с работой «По ту сторону принципа удовольствия» вновь утверждается, под именем Нирваны, тот же самый приоритет нуля. Перемещение термина «принцип удовольствия» не должно нас здесь сбивать с толку: принцип удовольствия, каким он предстает во всем этом тексте, выраженный одним признаком «своего видоизменения» в принцип реальности, располагается теперь рядом с постоянством. Как раз его «наиболее радикальная форма» или его «по ту

сторону» и подтверждает, в качестве принципа Нирваны, приоритет тенденции к абсолютному нулю или «влечения к смерти».

Но утверждение Фрейда было бы всего лишь простым повторением, если бы не свидетельствовало о возрождении иного аспекта *Zwang: необходимости перенести два прежних приоритета (приоритет периода самости, приоритет нуля) в область витального.* Начиная с «По ту сторону принципа удовольствия» вся область биологии в целом, ее история и ее актуальные проявления оказываются опустошенными внутренне присущей им тенденцией к нулю, смутно, но неотвратимо действующей «внутри».

Тема романтизма или Рильке, свидетельствующая о постоянной близости Фрейда к его собственной смерти? Это возможно. Но перенос нуля в жизнь, попытка вывести живое на его основе была не случайной в самом теоретическом творчестве.

Если «Проект научной психологии» предстает, при всей своей безусловной метафорической двусмысленности, *также* и в качестве теории живого организма, то особенно ярким выглядит сравнение этой теории с мыслью Брейера, с той, что в тот же самый момент он высказывает в главе «Теоретические размышления», составляемой для «Исследований истерии».

Так как необходимо придерживаться самых внешних формулировок, чтобы без возражений принять то, что там представлено Брейером как первоначальный этап мышления Фрейда.

Дело в том, что если клинический опыт очевидно один и тот же — «задержка» аффекта в феноменах истерии и ее противоположность, «разрядка» — если «закон постоянства суммы возбуждения» предстает как первая из «общих теорий», общих для них обоих до такой степени, что каждый отдает честь ее создания другому, то на самом деле существует глубокое расхождение между физиологией «теоретических размышлений» Брейера и той, что следует из «Проекта научной психологии».[1]

---

[1] Следы этого расхождения обнаруживаются даже в изменениях, связанных с выражением принципа постоянства на различных этапах редактирования единственной главы «Исследований истерии», подписанной двумя соавторами: «Предварительное уведомление». В письме Йозефу Брейеру от 29 июня 1892 г. Фрейд как на общую для них теорию ссылается на «теорему постоянства суммы возбуждения», не уточняя ее содержания. В подготовительной рукописи, составленной совместно, принцип выражен как принцип постоянства, а разрядка была лишь *средством* восстановить это «условие здоровья». В тексте, опубликованном двумя авторами и затем включенном в «Исследования истерии», в главе «Предварительное уведомление», *полное выражение этого принципа ис-*

Брейер, не будем забывать, содействовал работам Геринга об одной из главных форм саморегуляции организма: о дыхании. Постоянство, о котором он говорит, того же типа: это — гомеостаз. Разумеется, не гомеостаз организма в целом (наподобие тех его форм, которые регулируют важнейшие жизненные константы), но гомеостаз более частной, более специализированной системы, гомеостаз центральной нервной системы.

чезает. В то же самое время, когда публикуется «Уведомление», Фрейд выступает с докладом на ту же тему в Венском медицинском клубе, и его изложение, также опубликованное, имеет все признаки того, что это работа одного лишь Фрейда. Здесь принцип появляется опять и в такой форме, которая напоминает не о постоянстве, а только о неизбежной *разрядке*:

«Если человек получает определенное психическое впечатление, нечто, что мы в данный момент назовем суммой возбуждения, увеличивается в его нервной системе. Таким образом, у любого индивида существует наклонность вновь и вновь сокращать эту сумму возбуждений, чтобы сохранить свое здоровье». Следовательно, после совместного редактирования формулировки, передающей смысл *принципа постоянства*, расхождения, явные или нет, привели к исключению этого пункта публикации: затем Фрейд сразу же возвращает себе свободу, высказывая, в терминах, более близких клинике, принцип разрядки, который объединяется с *принципом инертности* или принципом нуля.

В этих рамках и должно быть понято различие между энергией «покоя» или «внутрицеребральным тоническим возбуждением» и кинетической энергией, циркулирующей по всей системе. Принцип постоянства регулирует, у Брейера, базовый уровень тонической энергии, а не протекание циркулирующей энергии, как это будет делать у Фрейда принцип удовольствия.

С тех пор этот принцип выражается так: «В организме существует тенденция сохранять постоянство внутрицеребральной тонической энергии».

Такой базовый уровень считается оптимальным. Как таковому, ему могут угрожать различные изменения уровня, как те, что могут производить общие повреждения, так и те, что порождают более локальные проблемы; как таковой, он может быть восстановлен посредством разрядки (абреакции), *а также перезарядки*. Речь идет о сохранении истинного энергетического *Gestalt*.

У оптимальности есть конечная цель: свободная и благотворная циркуляция кинетической энергии, то есть легкое функционирование мышления, существование несдерживаемых ассоциаций:

«Мы говорили о тенденции организма поддерживать постоянным внутрицеребральное

тоническое возбуждение: но такая тенденция может быть понята лишь в том случае, если мы можем понять, какой потребности она соответствует. Мы понимаем тенденцию поддерживать постоянной температуру теплокровного организма, потому что мы благодаря опыту знаем, что эта температура является *оптимальной* для функционирования органов... Я полагаю, что можно также допустить, что высота внутрицеребрального тонического возбуждения имеет свое *оптимальное значение*. На этом уровне тонического возбуждения мозг доступен всем внешним возбуждениям, рефлексы работают, но только в границах нормальной рефлексивной деятельности, основы представлений способны к пробуждению и ассоциированию, в соответствии с той относительно взаимной пропорции между каждым из представлений, которая соответствует ясной рефлексии».

При сновидении, наоборот, ассоциации были бы дефектны и сдержанны. Утверждение, диаметрально противоположное Фрейду, — сновидение у Брейера является свидетельством состояния, в котором психическая энергия ни в коей мере не является «свободной», причина этого в «падении» того тонического потенциала основы, который является «условием самой силы передачи».

Модель, здесь используемая, — это сеть, где модуляция возможна только на основе некоторого базового электрического уровня, который должен быть любой ценой сохранен: тоническая энергия имеет безусловный приоритет над любой возможной циркуляцией кинетической энергии.

Этого весьма краткого резюме мысли Брейера достаточно, чтобы показать всю целесообразность нейрофизиологического подхода, который, полностью основываясь на так называемых физикалистских понятиях школы Гельмгольца, оставался очень гибким, очень близким физиологическому опыту. Такой подход не противоречит в строгом смысле более поздним открытиями нейрофизиологии (например, сохранение базового уровня активирующей ретикулярной системой...) в качестве вероятной и открытой научной гипотезы.

Но Фрейд, с самых первых работ и на протяжении всего своего творчества, использует в качестве фундаментального концептуального ориентира противоположность между двумя типами энергии: свободной энергией и энергией связанной. Он приписывает введение этого различия в психологию Брейеру и явно уподобляет свою свободную энергию кинетической энергии Брейера, а свою связанную энергию энергии покоя:

«Мы принимаем в качестве новой формулировки предположение Брейера, что дело идет здесь о двух формах энергии: текущей свободно, стремящейся к разряду и покоящемся запасе психических систем (или их элементов)».[1]

Ссылка на общие истоки теорий Брейера и Фрейда в мышлении Гельмгольца должна, в принципе, позволить нам лучше понять такое уподобление. И действительно, у Гельмгольца обнаруживается ясно установленное различие между свободной энергией и энергией связанной. Эти термины вводятся им в размышления о принципе Карно-Клаузиуса и о снижении энергии. Принцип Карно, как известно, приводит к идее, что несмотря на первоначальное определение энергии как «способности производить работу», то, что сохраняется в данной системе — ее внутренняя энергия в целом — не способна, тем не менее бесконечно переводиться в работу. Отсюда различие двух типов энергии, сумма которых образует внутреннюю энергию: энергии, переводимой в работу, «используемой» (Максвелл), и энергии непереводимой, деградировавшей в форму тепла. Чтобы обозначить эти два типа энергии Гельмгольц предлагает термины свободной энергии и связанной энергии:

---

[1] *Фрейд З.* По ту сторону удовольствия.

«Мне кажется несомненным, что необходимо различать и в химических процессах те силы, которые способны свободно превращаться в другие виды работы, и те, что могут обнаружить себя лишь в виде тепла. Сокращенно я назову эти два вида энергии: свободная энергия и энергия связанная».[1] Что для данной системы выражается уравнением:

Энергия внутренняя		Энергия свободная		Энергия связанная	
U	**=**	**F(reie)↓**	**+**	**G(ebundene)↑**	**= Cte**

Уравнение, где свободная энергия (свободно используемая энергия) постоянно стремится к уменьшению, тогда как связанная энергия (непереводимая в другие формы) увеличивается.

Обнаруживается некоторая аналогия между этим законом и тем, который в механической системе управляет соотносимыми величинами тонической или потенциальной энергии и энергии кинетической: подобно тонической энергии свободная энергия Гельмгольца предполагает высокий уровень потенциала и способность превращаться в другие формы; она также стремится к уменьшению в ходе

---

[1] *Helmholtz H.* Uber die Thermodynamik chemischer Vorgänge. Leipzig, 1902. P. 18.

различных превращений и к достижению минимального уровня, тогда как кинетическая энергия, в свою очередь, никогда не является полностью переводимой в тоническую энергию. Несмотря на некоторые нюансы, здесь неуместные, можно предложить другое уравнение, на уровне механических законов управляющее состояниями равновесия:

Общая энергия		Эпергия тоническая		Энергия кинстическая		
E	=	T↘	+	C↗	=	Cte

$$E = T\searrow + C\nearrow = C^{te}$$

Следовательно, если внутри физической науки необходимо сближение, то между свободной энергией и энергией тонической, между связанной энергией и энергией кинетической, сближение, совершенно обратно тому, которое делает Фрейд, уподобляя свои собственные термины, свободную энергию и энергию связанную, различию Брейера между энергией кинетической и энергией покоя.

Ошибка? Двойная путаница? Фрейд воспроизводит введенные Гельмгольцем термины 2-го закона термодинамики; он переворачивает их значение, интерпретируя определение «свободная» в смысле «свободно движущаяся» и не в значении «свободно используемая»; наконец. Он накладывает эту оппозицию на различия, введенные Брейером... Если

в «Истолковании сновидения» очевидная абсурдность соответствует ироничной критике, обнаруживаемой в скрытом содержании, то мы полагаем, что в этой формально пристрастной трактовке теории Брейера дозволено видеть признак весьма раздраженной непочтительности.

Действительно, какое различие между разумными гипотезами Брейера и грандиозным механизмом «Проекта научной психологии»! В данном пункте это различие заметно в самих представлениях об организме: один закладывает основы жизнеспособного организма, отношения которого к внешнему миру регулируются гомеостазом, и в котором легкость функционирования, надежность циркуляции вторичны по отношению к сохранению надежной формы; другой, напротив, стремится вывести, внутри организма «вторичную функцию», исходя из первичной тенденции к избавлению от энергии. Необходимо лишь внимательно проследить за первыми строчками *Проекта*, посвященными «количественной точке зрения», чтобы почувствовать всю его необычность:

Принцип нейронной инертности, принцип безусловного избавления от энергии сразу же иллюстрируется тем, что обычно обозначают как модель рефлекторной дуги: избавление, на подвижном краю, от возбуждения, полученно-

го на воспринимающем краю, а также тот важнейший постулат, что одно и то же количество, одной и той же энергии, доставляется на один край и восстанавливается в форме движения на другом. Наивная модель проводимости нервной системой полученной механической энергии, словно речь идет о гидравлической системе дренажа; модель, несовместимая с физиологическими знаниями, уже установленными к концу XIX века; модель, в которую сам Фрейд иногда вводит поправки, указывая, что то, что происходит на подвижном краю, является не простой передачей энергии, но началом высвобождения внутренней энергии на уровне «движущихся нейронов»; модель, которая, тем не менее, при всей своей механической простоте, будет обнаружена в обосновании эволюции «живого пузырька» даже в работе «По ту сторону принципа удовольствия».

Итак, на основе этого не-биологического функционирования, смертоносного в значении самого влечения к смерти, Фрейд и намерен посредством какой-то разновидности дедукции ввести образование «резерва энергии». Средним звеном в этой дедукции является то, что Фрейд называет «краткостью жизни», понимая под этим давление на организм, осуществляемое притоком возбуждения из

внешнего источника, недостаточность анархических органических реакций, чтобы длительное время избавляться от такой перегрузки, и необходимость начать «специфические» надлежащие действия, способные открыть клапаны разгрузки:

«Нейронная система вынуждена отбросить первоначальную тенденцию к инертности, то есть к уровню=0. Она должна решиться на обладание запасом количества, чтобы соответствовать требованиям специфической деятельности. В том, как она это делает, демонстрируется, тем не менее, продолжение той же тенденции, видоизмененной в усилие поддерживать, по меньшей мере, минимальное количество и защищаться от увеличения, то есть, поддерживать постоянство. Вся деятельность нервной системы должна быть рассмотрена либо с точки зрения первичной функции, либо с точки зрения функции вторичной, вызванной краткостью жизни».

Таким образом, при переходе от механизма, управляемого одним лишь влечением к смерти к организму, подчиненному принципу постоянства, сама идея жизни могла бы служить опосредующим звеном или катализатором. И всякий раз, когда в «Проекте научной психологии» Фрейд вводит ссылку на «биологическую точку зрения», то делает он это с це-

лью установить мост, предназначенный для преодоления разрывов в «механистическом» доказательстве.

Что идея организма — этот термин берется здесь со всеми его коннотациями, как в значении представления, так и в значении *эйдоса*: формы — была фактором, способствовавшим установлению связи и перехода от первичного психического функционирования к вторичному, — это одна из концепций, которая кажется нам взаимосвязанной с «введением Я» во всей психоаналитической мысли. Но апория возникает, когда на «предшествующем» уровне — дедукции живого и дедукции самой «жизни» — имеется еще та же самая «краткость жизни», к которой обращаются, как к конечной причине, чтобы обосновать образование организма и сохранение запаса, «связанного» с ограниченностью самого «пузырька»: так в стихию жизни переносится приоритет или первенство объединенного возвратного периода и тенденции к нулю, которая тем не менее, находит свое оправдание лишь в области психоанализа.

Остается истолковать тот тройной *Zwang*, который утверждается во влечении к смерти, рассмотреть изначальную рациональность, маскирующуюся под шокирующей нелогич-

ностью некоторых утверждений: дать истолкование, которое, в каждом из трех случаев, должно быть попыткой присоединиться к *зову, исходящему из самой стихии бессознательного.*

Приоритет периода самости? Мы считаем, что доказали, в связи с автоэротизмом, фантазмом и мазохизмом, что перед нами здесь ни что иное, как установление изначального характера возвратного периода при образовании человеческой сексуальности. Это также напоминание об автономии области человеческой сексуальности как области психоанализа, правило, согласно которому при аналитическом прослушивании и истолковании услышанного не стоит искать что-либо «по ту сторону» этой области, и всякая не опосредованная ссылка на жизнь, на самосохранение или на реальность выпадает за пределы нашего понимания.

Это также утверждение фантазма как первичного элемента, как изначальной интериоризации «конфликта» и несовместимого. В этом смысле влечение к смерти, понятие, которое кажется лишь в малой степени диалектичным, предстает в последних формулировках Фрейда не как элемент конфликта, но как субстанциализированный конфликт, внутренний принцип раздора и разъединения.

Приоритет нуля над постоянством? Мы видим в этом неоднократное подтверждение законов бессознательных процессов, в их разнородности по отношению к тому, что зависит от вмешательства реальности или Я. Свободная циркуляция аффекта, какой мы определяем ее в фантазии или в законах сновидения, здесь подтверждается вновь: в «Истолковании сновидений» именно в «механизме рефлексии», созданным системой воспоминаний или представлений, модель рефлекторной дуги обнаруживает свой исходный смысл. Принцип удовольствия, доводимый до принципа Нирваны, был открыт и по достоинству оценен только на уровне представлений, и, как таковой, он только на этом уровне мог быть отграничен — при условии, что в психоанализ не проникает еще большая путаница — от явно сходных принципов, обнаруживаемых в «стихии жизни».

Тем не менее именно с *принципами стихии жизни* Фрейд с самого начала стремится установить что-то вроде преемственной связи. Именно с ними в «По ту сторону удовольствия» он связывает как тенденцию к смерти навязчивость повторения, главное доказательство которого выводится все же из психоаналитического феномена *par excellence*: из переноса. Самый трудный для нас вопрос — это

вопрос о внутренней потребности, ведущей к переносу на биологический уровень двух утверждений, справедливых только в отношении психоаналитического открытия.

Разумеется, необходимость выдвигать утверждения об изначальном, как в виде «индивидуального мифа», так и в доисторическом или историческом мифе, оказывается одним из фундаментальных, основополагающих направлений мышления Фрейда. И предлагать биологический миф о возникновении живой формы из энергетического хаоса — значит переносить в то же самое измерение, в границы доступной нам области, индивидуальное событие, которое, внутри того, что мы с трудом можем представить под термином «первичный процесс», заставляет сворачиваться первичную оболочку нашего Я.

Однако, если считать, что такой перенос из настоящего в прошлое, из онтогенеза в филогенез является также в настоящем случае переносом смерти в жизнь, то нельзя избежать более специфического истолкования этого движения к изначальному. Словно у Фрейда имелась более или менее смутная потребность опровергать любое истолкование в духе витализма, расшатывать основания представлений о жизни, о ее устойчивости, о способности адаптироваться, о ее ин-

стинктивности — относительно которой мы уже отмечали. Насколько она проблематична для человеческого существа. И для этого переносить — что, конечно же, парадоксально — смерть на уровень самой биологии, как инстинкт. И не без оснований комментаторы неоднократно замечали, что на уровне окончательного «дуализма» Фрейда не было более влечений во «фрейдовском» смысле слова, но были инстинкты, как гиперболическое преодоление обычного значения, принимаемого этим термином в науках о жизни. Чтобы лучше понять, как это навязчивое стремление уничтожить жизнь становится явным, а именно — как раз в 1919 г., вместе с преобладанием влечения к смерти, необходимы дополнительные размышления об эволюции и структуре мышления Фрейда.

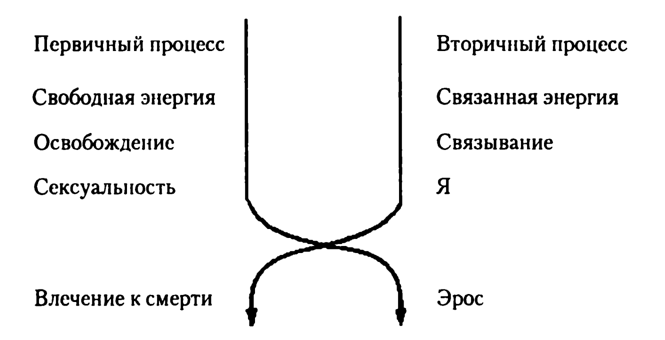
1914 г.: «Введение в нарциссизм», 1923 г.: «Я и Оно». Это момент, когда, вместе с развитием теории Я и его обогащения в либидо нарциссизма, «жизнь» дает о себе знать все более настойчивым и более поразительным образом. Я, которое кичится всеми способностями и всеми полномочиями, полномочиями самосохранения, но также и полномочиями сексуальности, включая любовь и выбор объекта, всегда, как мы видели, отмечено стигматом нарциссизма. Появляется, в порядке

сопровождения, *Эрос*, божественная сила, которую мы не имели возможности долго изучать, но подчеркнули, насколько она отличается от сексуальности, первого открытия психоанализа. Эрос — это то, что поддерживает, сохраняет и даже увеличивает сплоченность, тенденцию к синтезу у живого существа, а также у психики. В то время как с самого начала психоанализа сексуальность была, в сущности, враждебна принципу связи и близка принципу «развязности» или неистовства, который становился связывающей силой лишь при вмешательстве Я, вместе с Эросом возникает связанная и связывающая форма сексуальности, обнаруживаемая при открытии нарциссизма. Именно такая сексуальность, инвестированная в свой объект, связанная с определенной формой, отныне поддерживает Я и саму жизнь, а также тот или иной способ сублимации.

На фоне этого триумфа витализма и гомеостаза перед Фрейдом, в рамках структурной необходимости его открытия, встает задача вновь подтвердить — и не только в психоанализе, но и в самой биологии, посредством категорического преодоления эпистемологических разрывов — какую-то разновидность анти-жизни как сексуальности, наслаждения, негативного, навязчивого повторения. Стра-

тегически перенос принципов из области психоанализа в стихию самой жизни предстает как контратака, как способ поразить огнем и мечом те самые основы, у которых мы рискуем оказаться в плену. Субъективная стратегия? Стратегия доктрины? Но это одна и та же стратегия, если верно, что такой перенос войны в область жизни уже был движущей силой общего разрушения, принесенного с собой сексуальностью.

Энергия сексуального влечения, как известно, была названа «либидо». Порожденный формалистической заботой о симметрии термин «деструдо», предложенный когда-то для обозначения энергии влечения к смерти, не прожил и дня. Дело в том, что влечение к смерти не имеет собственной энергии. Его энергия — это либидо. Или, лучше сказать,

влечение к смерти — это сама душа, образующая принцип циркуляции либидо.

Генеалогия окончательного дуализма влечений? Если расположить напротив друг друга термины, образующие пары противоположностей, постоянных для психоаналитического мышления, ... то эта генеалогия предстанет в виде странной хиазмы, загадку которой мы, последователи Фрейда, только начинаем расшифровывать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вехи размышлений относительно проблематики и истории психоанализа, представленные здесь их результаты, нацелены, призваны прежде всего, уточнить специфику отношения области аналитического к самой стихии жизни. Эта специфика определяется не только установлением эпистемологической границы. Она обнаруживает смысл только в том случае, если удается выделить типы отношений, существующих между этими двумя уровнями: «генетическую» циркуляцию, которая должна нам позволить установить логико-хронологические периоды возникновения и способы перехода из одной сферы в другую.

В человеческой сексуальности инстинкт, жизненная сила, утрачивает свои качества и теряется во влечении, наследнике инстинкта или его метафоро-метонимической «девиации». Уже «Три очерка теории сексуаль-

ности», в самом оглавлении, указывают на эту радикальную утрату биологического, устанавливая, в своей третьей части («Преобразования при половом созревании») схему обнаружения иной структуры: той, что следует из межчеловеческих форм обмена, общей логики комплекса Эдипа, фигуры исторически преобладающей.

В Я передается уже не напряжение жизни, но устойчивая форма живого, навязывающая себя по причине той изначальной физиологической слабости, которую Фрейд уже обозначил как исходный момент собственно человеческого развития. «Ортопедическое» значение такой формы подчеркивается и раскрывается Жаком Лаканом. Но записать Фрейда в потомки Ларошфуко и Гегеля, анализировать то, как функция реальности предполагает незнание и защитное или «идеологическое» алиби, идеал адаптации, — недостаточно, чтобы возвестить хорошую новость о «конце Я», пусть даже и у аналитика. Недостаточно не только потому, что, несмотря ни на что, «необходимо жить», и что человеческое существо может дополнить свою подчас неудавшуюся жизнь любовью лишь посредством любви Я или любви тех идеальных инстанций, которые от него производны — но, если функцией Я является сначала *связь*, а потом уже адаптация, — так-

же и потому, что минимальное вмешательство этой функции необходимо, чтобы даже бессознательный фантазм мог *обрести плоть*. В том, что касается как фантазма, так и мифа, структурализм позволил получить определенную комбинаторику и показать, вслед за Фрейдом и «Истолкованием сновидений», что символическая структура не должна смешиваться с якобы бесконечными возможностями воображаемого. Однако, даже бессознательный фантазм, удерживаемый артикуляцией своих терминов и в перестановке своих различных превращений фундаментальной «грамматикой», не может обрести существование без присутствия минимальной инерции воображаемого, которая допускает, на протяжении всей цепочки образов, отложение ее проявлений, подобных объектам *(«object-like»* на английском*)* в том, что они также могут быть очерчены и инвестированы: могут быть «репрезентациями».

Чтобы лучше уловить, чем может быть такая энергетическая интервенция Я в последовательный ряд фантазмов, вспомним, например, как Фрейд, во всех своих метапсихологических текстах, начиная с 1895 г., описывает переход бессознательного представления на уровень сознательно-предсознательного: там происходит наложение на бессознательное представление, посредством какого-то расши-

рения, вербальных представлений. Собственно говоря, речь там идет не о сознательном речевом обороте, удваивающем в своем переводе бессознательную последовательность, но об изолированных представлениях, индивидуально инвестированных, локально индуцирующих вокруг каждого из них энергетическое поле, учитываемое феноменом «внимания». Следовательно, в таком электронном механизме, лишенном, прежде всего, границ и *собственной* энергии, каким является нейронная система *Entwurf*, именно Я, порожденное живой энергетической формой, вводит пунктуацию узнаваемых и *воспроизводимых* элементов восприятия. Пунктуацию, необходимую, возможно, для установления всей цепочки дискурса, даже дискурса бессознательного, а, с другой стороны, дискурса самой формализованной науки.

Противоположная Я, связующей жизненной форме, *влечение к смерти* является последним теоретическим воплощением, служащим для обозначения логоса, который бы неизбежно ничего не выражал, если бы сводился к своему предельному состоянию, к категорическому чистому душевному движению, передающему через связку, все существо одного термина термину смежному. Иными словами, конфликт Я и влечения, защиты и «фантазма

желания», не является ни единственной, ни последней формой противоположности между *связыванием* и *освобождением*. На бессознательном уровне, в фантазии — если, по меньшей мере, ее можно рассматривать иначе, чем как «чистую» свободную энергию — действительно необходимо, чтобы обнаруживалась другая полярность, более фундаментальная: влечение к жизни и влечение к смерти, запрет и желание.

Теряющаяся в любом бессознательном, как в букете роза, смерть обнаруживает себя там как его наиболее радикальная, но также и наиболее стерильная логика. Но именно жизнь кристаллизует первые объекты, к которым желание устремляется еще до того, как на них останавливается мысль.

СОДЕРЖАНИЕ

Литвинский В. М. На пороге новой антропологии 5

Жизнь и смерть в психоанализе

Введение 59

I. Стихия жизни и генезис человеческой сексуальности 75

II. Сексуальность и стихия жизни в психическом конфликте 119

III. Я и стихия жизни 180

IV. Я и нарциссизм 225

V. Агрессивность и садо-мазохизм 270

VI. Почему влечение к смерти? 312

Заключение 367

Жан Лапланш

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Редактор издательства: А.В. Заикина
Компьютерная верстка: Н.Р. Зянкиной

Подписано к печати 25.11.2010. Формат $70\times100^{1}/_{32}$.
Бумага офестная. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,6. Уч.-изд.л. 11,6
Тип.зак.№ 3595

Издательство «Владимир Даль»
193036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, д. 19

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Мартин Хайдеггер

О СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ

Издательство «Владимир Даль» готовит к публикации перевод курса лекций «О сущности человеческой свободы», прочитанного Хайдеггером во Фрайбургском университете в летнем семестре 1930 г. Работа эта носит подзаголовок «Введение в философию» и представляет собой попытку раскрыть суть европейского философствования через рассмотрение проблемы свободы как фундаментальной и определяющей для всей истории человеческого мышления. Первая часть как раз и посвящена положительному определению философии из исторической проблематики человеческой свободы. Обсуждение ведущего вопроса метафизики — «что есть сущее?» — приводит к новой его формулировке в виде основного вопроса философии об изначальной связи бытия и времени.

Во второй части рассматривается соотношение свободы и причинности на *трансцендентальном* и *практическом* уровне в соответствии с различением двух смыслов свободы, установленным И. Кантом. Анализируя апории в практической философии Канта, Хайдеггер показывает, что посредством диалектических антиномий он обосновал принципиальную неразрешимость обыденного понимания свободы. Смысл свободы личности определяется в границах того же самого понятия причинности, которое присутствует и в естественных науках, то есть в теоретической области познания природы.

В краткой заключительной части работы указывается, каким образом нужно мыслить причинность в качестве фундамента человеческой свободы, чтобы впервые выявилось подлинно онтологическое ее измерение и свобода была понята как условие раскрытости бытия сущего, а вместе с тем и как условие понимания самого бытия.

Мартин Хайдеггер

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ МЕТАФИЗИКИ

Текст одного из наиболее значительных трудов Мартина Хайдеггера впервые предлагается русскому читателю в полном объеме. Вступительная его часть была опубликована в 1989 г. в журнале «Вопросы философии» в совместном переводе В. В. Бибихина и А. В. Ахутина и уже тогда вызвала огромный и совершенно оправданный интерес. Теперь проблемы, которые в начальных главах были только поставлены великим немецким философом, получают подробное рассмотрение и развитие.

Книга возникла на основе лекционного курса, прочитанного Хайдеггером во Фрайбурге в зимнем семестре 1929–30 гг., т. е. в непосредственной связи с тематикой «Бытия и времени», основополагающего труда раннего периода его философствования, и представляет особый интерес в двоякой связи. С одной стороны, она содержит развернутый анализ *скуки* как основополагающего настроения современности; с другой, предлагает столь же детальное определение сущности *организма* и *жизни* — в «Бытии и времени» эта проблематика была лишь обозначена Хайдеггером. Работа начинается с обсуждения понятия метафизики и приводит к тому результату, что три метафизических вопроса — о мире, конечности и уединенности — должны быть поставлены в контексте фундаментального настроения. Поэтому вся первая часть отведена задаче пробудить глубинную скуку, в которой берет свое начало европейское философствование. Вторая же часть посвящена разработке метафизических вопросов о *мире* на основе этого фундаментального настроения, добытого в первой.

Перевод книги выполнен А. П. Шурбелевым в постоянном сотрудничестве с А. В. Ахутиным. Ранее опубликованная вступительная часть, над которой работал покойный В. В. Бибихин, была оставлена издательством без изменений и принята в качестве ориентира и образца для завершения начатого им труда.

Мартин Хайдеггер

ГЕГЕЛЬ

Шестьдесят восьмой том клостермановского собрания сочинений Хайдеггера включает в себя две работы, посвященные одному из важнейших моментов в истории европейской метафизики – философии Гегеля. Понятия «негативности» и «опыта» становятся центральными для продумывания гегелевской абсолютной метафизики в горизонте истории бытия.

Для выяснения фундаментального смысла философии Гегеля Хайдеггеру требуется принять такую точку зрения, которая была бы адекватна предмету, и исходить из принципа, способного осветить строение гегелевской системы в применении ко всем областям природы, искусства, морали, права и религии. Более высокую позицию по отношению к гегелевской философии занять нельзя, поскольку ее в рамках самосознания духа просто не существует. Поэтому основание для полемики, хотя оно и обретается *внутри* философии Гегеля, должно, по мысли Хайдеггера, быть *скрыто* от нее самой как принципиально недоступная и в сущности безразличная ей почва. В качестве такого первооснования в первой работе и становится понятие негативности, «энергии ничем не обусловленного мышления». Вторая статья посвящена введению в гегелевскую «Феноменологию духа» как «науку об опыте сознания» и представляет собой подлинный шедевр герменевтического и дидактического искусства. Именно это программное произведение Гегеля рассматривается Хайдеггером как «исключительный момент» в истории бытия, когда на ее горизонте вырисовывается вся неизмеримость сознаваемого опыта.

Известный французский психолог в данной работе эксплицирует принципиально важные для психоаналитической теории представления о бессознательных импульсах, определяющих поведение человека. Проблемы логической завершенности теории психоанализа, по убеждению автора, связаны с прояснением смысла и места представлений о жизни и смерти как в теории, так и в практике. Влечение к жизни рассматривается как одно из самых спорных понятий психоанализа, и неправомерно принимать его в качестве высшего первопринципа, как антропологического, так и биологического, лежащего в основе и человеческой природы как таковой, и всей биосферы в целом. Ранее на русский язык был переведен «Психоаналитический словарь» (в соавторстве с Ж.Б.Понталисом).

